

Казий-Магомет Тотуркулов

ВЕЛИКИЙ
ПЕВЕЦ
КАВКАЗА

КАЗИЙ-МАГОМЕТ ТОТУРКУЛОВ

ВЕЛИКИЙ ПЕВЕЦ КАВКАЗА

*Публицистика
Литературная критика
Научные исследования*

РГУ «Карачаево-Черкесское республиканское
книжное издательство»

ЧЕРКЕССК
2006

83.3(2Рос.-Кара)
Т 63

На обложке портрет И. Семёнова.

Данное издание — это пронизанные одной актуальной темой, три книги о жизни, судьбе, творчестве; не биографические сведения, а скорее, критическое осмысление и оценка случившегося с великим поэтом Джырчы Исмаилом Семеновым, научно достоверная, публицистически выверенная характеристика основных этапов его пути.

Статьи и монографические исследования автора, адресованные широкому читателю, направлены на выявление истинных ценностей в жизни и литературе, утверждение общечеловеческих приоритетов.

Т $\frac{4702280100-6}{9П1(03)-2006}$ 6—2006

ISBN 5—7289—0223—5

© К.-М. Тотуркулов, 2006
РГУ «Карачаево-Черкесское
© республиканское книжное
издательство», 2006

ОБ АВТОРЕ

Тотуркулов Казий-Магомед Назбиевич — критик, литературовед, публицист. Родился 14 февраля 1950 г.

После окончания средней школы служил в ВС СССР (1968—1970). Окончил филологический факультет Карачаево-Черкесского государственного педагогического института (1977). Учитель русского языка и литературы, военрук в Верхне-Тебердинской средней школе Карачаевского района, учитель родного языка и литературы, истории в Малокарачаевском районе (1977—1988). С 1989 г. — старший научный сотрудник Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, филологии, этнономики. С 1991 г. — старший редактор Карачаево-Черкесского государственного республиканского книжного издательства. С 1998 г. (по совместительству) научный сотрудник КЧИГИ. С марта 2005 года — директор Карачаево-Черкесского республиканского государственного книжного издательства.

Пишет на карачаевском и русском языках. Имеет более 100 литературно-критических, публицистических, научных публикаций в центральной, северо-кавказской и республиканской печати — ж. «Литературное обозрение», газ. «Литературная Россия», альманахе «Ставрополье», вестниках КЧИГИ, литературных сборниках, газетах «Къарачай», «День республики», кабардино-балкарской «Заман», школьных учебниках, радио и телевидении и т.д. Издал книгу «Эркин дуния» («Свободный мир») объемом в 24,7 п.л. (1999). Доклады: «Поэзия Исмаила Семенова — общечеловеческое достояние» — на проходившей под эгидой ЮНЕСКО международной научной конференции (Архыз, 1997); о жизни и творчестве Муссы Батчаева (Черкесск,

1999); «Глава певцов» — на посвященной 90-летию проф. У. Б. Алиева региональной научной конференции (Теберда, 2001). Серия статей: «Духовные ценности народа» (1996—1997), «Живая сила творчества» (1985; 1999), «Мир поэзии и мир реальный. Драматические перипетии жизни и творческой судьбы Исмаила Семенова» (2000—2001); «Зикиры, как литературный жанр, в свете философско-эстетических исканий Исмаила Семенова» (2002) и другие.

Казий-Магомет Назбиевич Тотуркулов — участник восьмого Всероссийского семинара критиков, межвузовских, общероссийских и международных научных конференций, член Союза писателей и Союза журналистов РФ.

Первая книга

Великий
певец
Кавказа

Если духовные богатства, что творческая личность привносит, становятся неотъемлемым достоянием народа, имя и образ человека, их создавшего, навечно откладываются в исторической памяти, благотворно воздействуя на национальный разум и менталитет, совершенствуя жизненный опыт и вкус.

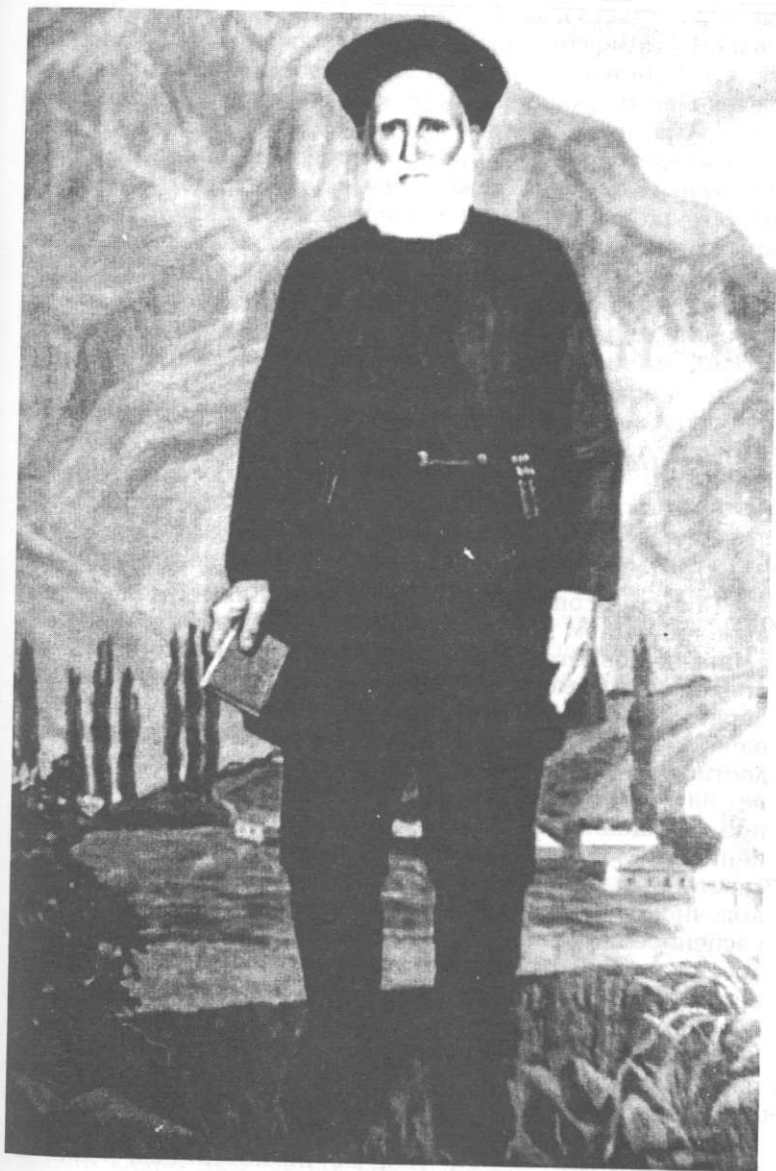
Личность, судьба и творческая деятельность знаменитого народного поэта Карачая Исмаила Семенова еще при его жизни были как бы окутаны ореолом таинственности, то обретая легендарные черты, высшее признание и достоинство, то под натиском недругов рисуясь приземлённым, деформируясь в еле различимый силуэт немощного, согбенного старца, пред которым закрыты все двери.

Иначе и не могло быть, так как он достиг таких высот в творческом осознании мира и таких небывалых, головокружительных успехов в реальной жизни, которые, как говорится, возможны один раз в тысячу лет; и за которые ему, никем и ничем не защищенному, более полувека пришлось нести крест изгоя, выносить безжалостные удары, хулу и клевету недоброжелателей, завистников, бюрократов.

О божьем даре, славе и драме гения — в данной книге.

Автор

Портрет Исмаила Семенова.

Художник М. Чомаев.

МИР ПОЭЗИИ И МИР РЕАЛЬНЫЙ

Драматические перипетии жизни и творческой судьбы Исмаила Семенова

Таинство соприкосновения с истинным художественным творением — чудодейственного интима, соперевживания, духовного причастия, возвышение личности над преходящей, быстротекущей суетностью мира — всегда первозданно, неповторимо, душеочищающе, душесовершенствующе, удивительно как откровение бытия, как сладостное предвкушение его смысла, как долгожданный ответ на трепетное, мучительное ожидание, как вдохновенное ощущение расцвета души. Настоящая эстетическая ценность — талантливое художественное произведение — счастливый ребенок человечества, баловень судьбы, вековечно лелеемый и холимый, он — достойное прошлое, бесценное настоящее, безмятежное, доброе будущее; он — достижение и стремление, свершение и надежда. Человек, сумевший подарить людям такое богатство, велик и бессмертен.

С полным основанием мы говорим эти слова об Исмаиле Семенове, знаменитом карачаевском поэте и композиторе-самородке, внесшем решающий вклад в развитие национальной литературы, искусства, культуры в двадцатом веке. Колоссальный творческий потенциал, реализованный Джырчы Исмаилом, сродни божественному промыслу, его удивительной поэзией осиян каждый уголок

родной земли, ему также органично, естественно, с великой любовью удалось воспеть весь неповторимый Кавказ, выйти встреч мирозданию, объять, одухотворить каждый лепесток, каждый камень и зверушку, и человеческую душу, и неисчислимые пылинки Вселенной. То есть, мощный свободный человеческий дух не вмещаем ни в какие пределы, а ему принадлежит все.. «Для него нет «вне», пишет Н. С. Надъярных о подобной всеохватности, такой же «вселенской огромности» художественного мира Павла Тычины. — Для него ничто не существует независимо. Для него ценностны человек, природа, Украина, жизнь, все бытие во взаимосвязи всего сущего, причастность к сущему, объединенность с ним, сопряженность, «сродность»¹.

Исторически сформировавшийся мировоззренческий и морально-нравственный облик карачаевцев, то, что ныне определяют как национально-этническую ментальность, был основой личности Джырчы Исмаила, целостности его характера, могучего душевного здоровья и внутренней гармонии, независимого взгляда на мир, устремленности к познанию, самоотверженному труду. Он стал поэтом так же естественно, как наследовал вековечную культуру своих соплеменников, их представления об общечеловеческих ценностях, их знание мира. Это определило творческую индивидуальность, его философско-эстетические искания, гуманистическую сущность поэзии. По мере сделанного и силе творческого духа, и поэтической судьбе, Исмаил Семенов, на мой взгляд, безусловно, достоин пьедестала мировых светил XX века. Судьба народного поэта, всю жизнь, до последнего часа подвергавшегося разнузданной дискриминации, гонениям, сродни судьбам большинства таких же, как он, великих рыцарей духа, лучших представителей человечества, вобравших в себя мировую скорбь и мировое торжество жизни, давших нам ощутить их пределы и беспредельность, посредством своих произведений предлагающих возможность сделать человеческий выбор.

Это творчество — вне пространства, вне времени, оно глубоко национальное и вне национальных границ. Если бы не такие золотые россыпи поэзии, пожалуй, на ее развитии давно был бы поставлен крест. Время — высший земной судья — возвращает все на круги своя. Как и до сих пор в истории, прах и тлен остаются от некогда все-

сильных державных и удельных временщиков — властителей. Творчество же Исмаила Семенова, более полувека находившееся под официальным запретом, является читателю в своей первозданной чистоте и свежести. Возвращается национальной литературе то, что было преступно от нее отторгнуто.

«Теснимый и гонимый», он прожил долгую жизнь, почти век, создал произведения, несомненно, являющиеся поэтическим пульсом времени. Читаешь его и, действительно, такое впечатление, что нет в мире, в природе явления, значительного события, о котором бы он не написал, до чего бы не дошла его мысль.

Звезда поэта взошла в конце 20-х — начале 30-х годов, засверкала, засияла, осветив собою не только небо горячо любимого родного Карачая, но весь Северный Кавказ.

Сейчас важно всем нам осознать, что это творчество, являющееся высокохудожественным отражением многовековой национальной культуры, общечеловеческой общности, единства мира — у нас есть и что это великое благо. Необходимо его популяризировать.

Безусловно, Исмаил Семенов был человеком, изначально незаурядным талантом одаренным свыше, и не то, чтобы счастливое сочетание, но органичное слияние с его «я» самочувствия, интересов и чаяний лучших сил общества, в котором он жил, людей ближних и дальних — землян, устремленных к Добру и прогрессу, становились определяющими при начинке, проявлении его духовных запросов, ни в коей мере не зависящих и не могущих зависеть от какой бы то ни было конъюнктуры, инородной по отношению к сути, порывам, убеждениям вдохновенного Джырчы², без обиняков, решительно бравшего на себя обязанность, ответственность быть полноправным, полномочным представителем и конкретным национальным мира, и всего человечества.

Было бы естественным и справедливым проведение, наконец, теперь уже много раз «откладывавшихся» или срывавшихся необходимых мероприятий: научно-практической конференции, юбилейного вечера³, издание полного собрания сочинений, увековечение памяти и т. д. — в целом направленных на безусловную реабилитацию, возвращение в литературный оборот в полном объеме уникального наследия поэта, столь долго находившегося под вроде и негласным — документов, свидетельствующих о

применении официальных санкций пока не обнаружено, — но абсолютным запретом. «Преследования отца частично и не столь откровенно начались еще в 1937 году за стихотворение «Зорлукъну джыры» («Песня насилия»), в котором отец отразил боль за гибель Умара Алиева. В этом стихотворении содержится острая критика деятельности Сталина, оно в то время быстро облетело литературные круги, — писала дочь поэта Софья Семенова, обращаясь во многие инстанции с просьбой помочь восстановить справедливость, дать в конце концов отпор темным силам, долгие годы тиранившим, терзавшим ее отца, выбившим его из колеи, подорвавшим здоровье и силы. — Зная, что как только начнет звучать имя Исмаила Семенова, — клеветники опять поднимут голову, я обратилась в особые отделы Союзов писателей СССР и РСФСР, к секретарю правления СП России Н. К. Чуеву, писателю Чингизу Айтматову, как и в соответствующие органы, во все руководящие инстанции нашей области с заявлением «изучить вину поэта», но после тщательной проверки, изучения архивного дела отца, получила ответ о его полной невиновности, о полной несостоятельности, необоснованности уличных толков, ответ, сформулированный: «Исмаил Семенов никогда не был репрессирован»⁴.

Сопровождавшие Джырчы в течение всей жизни и не прекратившиеся сейчас, через два десятка лет после его смерти, непрестанные, многолетние потуги врагов, злопыхателей, тех, кого он называл «лиходеями», «завистниками», «ворами», направленные на то, чтобы дискредитировать, опорочить, уничтожить его имя и творчество, — что в результате на самом деле сумело внедрить в общественное сознание отдельные негативные, словно во фрагментах разбитого зеркала, представления о нем, отравило, сделало несносной его жизнь, сломало великую судьбу — были постоянно подогреваемой, направляемой властями злобной кампанией беспредельной черной клеветы, людской тупости, черствости, подлости, всего того, что объективно развенчивала его бескомпромиссная поэзия.

«Становление и развитие карачаевской литературы, достаточно полно и глубоко изученное карачаевскими литературоведами, не может быть осмыслено и понято во всей своей полноте без определения роли и места творчества И. Семенова в национальном культурном и литературном пространстве», — справедливо подчеркивает в

своей книге «Художественный мир Исмаила Семенова» доктор филологических наук Зухра Караева⁵.

Не менее актуальной для национального сознания и истории поэзии представляется проблема написания четкой научной биографии, воссоздания целостного творческого облика Джырчы Исмаила. Прежде всего, как было отмечено оттого, что долговременные идеологические козни вокруг его имени способствовали искусственному внедрению в читательскую среду мотивов отторжения и осуждения поэта, они и поныне продолжают подпитывать, поддерживать устойчивую деформацию восприятия. Многие люди совершенно бездумно, беззаботно, инертно идут на поводу некогда запущенной интриганам, живучей как сорняк, все не утихающей злой молвы-пропаганды, и по прошествии большого периода времени без напряжения обращающей белое в черное.

«Историческая дистанция размыкает контексты творческой биографии, — пишет Казбек Султанов в статье «Самосознание национальной литературы. Ценностные аспекты». — Уточняя многообразие задач прочтения и перечтения национальной литературы, как акта переосмысления, выделим следующее: актуализация потенциального глубинного смысла непрочитанного, закодированного, не узанного в свое время, «там» и «тогда» и проявленного «сейчас» и «здесь», необходимость отстоять ценностную подлинность текста в условиях тотальной компрометации ценностей прошлого. ...Решающим остается одно: деятельное освоение, качество прочтения несовместимы с ценностным нейтралитетом, ценностной глухотой, при которых становится невозможным определение места произведения и в творческой биографии писателя, и (творческой индивидуальности, его художественного мира — К.-М. Т.) в контексте национальной литературы»⁶.

Как на самом деле складывались жизнь и судьба Джырчы Исмаила, почему стала печальной его муза, и почему до сих пор не остановятся злые языки, не потухнет огонь ненависти? Как тридцать, сорок, пятьдесят лет назад, эти вопросы стоят перед обществом и в ответе на них должны принять участие все, кто почитает литературу, справедливость, кому есть дело до того, чтобы мир в конце концов и вовсе не покривел, не потерял свою привлекательность. Видимо, у многих людей — а лично знавших поэта, видевших его триумф и злоключения, как и помнящих разговоры о нем, слава богу, еще достаточно —

много разных правд, нужно, чтобы все они вышли теперь на центральную арену, установленную беспристрастнейшим из судей земных — Временем, и, несомненно, при непосредственном обозрении истина будет тотчас открыта, совесть народа ее определит. Народа, который сам долго был гоним, истерзан, уничтожаем, подавляем и только-только стал обретать естественное право хоть как-то влиять на то, что с ним может быть завтра, заботиться о своем духовном здоровье и благополучии. Народа, которому, убежден, верой и правдой, каждым своим дыханием служил величайший из его сыновей — Исмаил Семенов. В оценках деятельности которого, при анализе конкретного произведения, в первой докторской диссертации по его творчеству, в частности, сказано: «Судьба, ее предначертанность разрушаются личностным воздействием. Здесь смыкается эпическое понимание судьбы как закона природы, и религиозное ощущение ее как божественного предназначения.

Но поэт восстает и против того, и против другого в индивидуальном духовном усилии. Легенда переосмысливается в историю художественной силой поэта, творящее «я» которого, принимая на себя божественные функции, замещает собою творца... осознавая свое индивидуальное предназначение как цель и смысл, ведь творчество — есть продолжение МИРОТВОРЕНИЯ». И, там же, в заключении: «Полувековое забвение и, как следствие, полная неисследованность поэзии И. Семенова нанесли невосполнимый урон карачаевской литературе и культуре в целом, лишив ее на долгие годы нравственного камертона и высокого творческого ориентира, прервав преемственную связь в развитии национальной духовности»⁷.

Поэзия Исмаила Семенова — общечеловеческое достояние

Известно, что существование любого общества невозможно без его полноценной духовной эволюции. Лишь постоянное продвижение к высшим ценностям, рост культуры обуславливают достойное развитие и внутреннего мира человека, и силу его разума. Наоборот, презревающие, игнорирующие жизнь собственной души, неизбежно деградируют, самоуничижаются, самообрекаются.

Если большая часть лучшего, что у нас есть, ограничено в правах, вернее, даже сказать, некогда отторгнутое, и теперь, уже по причине нашей беззаботности, инертности, глухой стены равнодушия, вздвинутой временем и отдельными чиновниками, остается полуизвестным, полупубликованным, полуполегалным, полупризнанным, недораскрытым, недочитанным, недопонятым, недооцененным, недоступным в истинном своем объеме людям, а как следствие, безусловно недооказавшим на них своего благотворного влияния — несложно представить национальную культурную ситуацию. Речь идет о великом достоянии карачаевского народа, выведенном за пределы его духовной жизни: десятках тысяч вобравших его мудрость, высокохудожественный опыт стихотворных строках, 120 песнях и мелодиях, изумительных поэмах, огромном количестве крылатых выражений, посвящений, плачей, афоризмов, зикиров — чудо жизни восхваляющих, радость и счастье утверждающих, человечность укрепляющих, национальное достоинство поднимающих — многие из которых беспризорно ходят и под другими редакциями, и под другим «авторством»...

Возвращение их целиком в истинном облике в лоно родной культуры — наиболее актуальная, на мой взгляд, на сегодня, универсальная проблема карачаевской литературы, науки, искусства, решение которой станет несомненным вкладом в дело дальнейшего сохранения духовного здоровья и благополучия народа, ступенем всеохватного, поступательного национального возрождения. Жизнь каждого человека, а тем более народа — бесценный божий дар, с которым ничто не может сравниться, и естественно, особенно на крутых изломах истории, всем вместе и в отдельности заботиться о ее сохранении, улучшении, развитии. Точно как и формирующаяся в течение тысячелетий национальная культура, оберег которую всегда равнозначно неутере, отстоянию национального достоинства, как всего того, что собственно означает последнее, представляет суть человеческие обретения на путях цивилизации.

Нет сомнения, что самую верную оценку своей жизни и судьбе дал сам Джырчы Исмаил. И, вообще, конечно, все дело именно в том, что до сих пор не была прочитана, как должно, его неповторимая поэзия. И народом, потому что была утаена от него, и специалистами. Появившиеся

в последние годы научные исследования⁸ уже многое расставили по своим местам. Разумеется, это только начало большой работы, но она идет и нужно отметить, что вряд ли национальному литературоведению когда-нибудь приходилось выполнять более благородную и благодарную миссию.

Чыкъдым кёклеге учунуб, учуб,
Мийикден къараб дунияны кёрдюм.
Мен эшитмеген таууш кълмады,
Джашаугъа «сейир», «тамаша», — дедим.

Манга келгенед аллай бир кёзюу:
Джумлай аламгъа айтдым сёзююм,
Къарачай тилни сыйлы этдирдим,
Къарачай джырны кенгнге эшитдирдим.

Алай не келсин, джазыу буюрду,
Учхан къанатым сыныб къуюлду,
Бош ышанганем джазыу джибине,
Тёнгерев, тюшдюм аякъ тюбюне.

Мен — шайтан джелде бурулгъан зыгъыр,
Джазыу тирменде эзилген бюртюк...
Къыйыным — халал, кесим а — харам,
Бырнак этдиде, кючлюе тюртюб.

Бир кёл басханым — джаб-джангыз бир зат:
«Джырчы Сымаил» — халкъ атагъан ат,
Ёлюб кетсем да, ол атым къалыр,
Халкъ ауузунда джырым сакъланыр.

«ПЕВЕЦ ИСМАИЛ»

(Имя, данное мне народом)

Поднялся я в небеса, окрыленный, взлетел,
С высоты взглянув, увидел мир.
Каких только песен (звуков) я не слышал,
И, жизнь, ты удивительна, прекрасна, — сказал.

Для меня наступал такой миг (у меня было такое время)
Всей Вселенной говорил я речь (слово свое),
Карачаевскую речь я сделал почетной
Карачаевскую поэзию сделал слышной повсюду.

Но что поделаешь, судьба велела
Летящее крыло мое, сломавшись, рухнуло.
Напрасно уверовал я в линию судьбы,
Покатился и упал наземь.

Я — песчинка, несомая (закрученная) смерчем,
В жерновах судьбы размолотое зернышко,
Труд мой благословен, а сам я презрен (проклят).
Сделали (меня) чужим (для всех) всеильные, оттолкнув.

Есть у меня одно — единственное утешение:
Данное мне народом имя — «Певец Исмаил».
Даже после смерти моей останется это мое имя.
И в устах народа сохранится моя песня.

(Подстрочный перевод З. Караевой.)

Стихотворение-исповедь, поэтический отчет о жизни и судьбе, сопоставимый с известными «Памятниками» (Горация, Пушкина, др.), подведение итогов умудренного жизнью человека, познавшего Добро и Зло, победы и падения, окрыленность и безысходность. Здесь все. Его мощь, неумная энергия, без остатка потраченная на благо людей, выплеснутая во имя процветания жизни. Не бахвальство, а гордое осознание нужности, значимости, непреходящести свершенного. «Всей Вселенной говорил я речь (слово свое)... Карачаевскую поэзию сделал слышной повсюду». И тут же: «Я песчинка несомая (закрученная) смерчем; В жерновах судьбы размолотое зернышко», — констатация брэнности бытия, недостаточности отдельных разрозненных, частных усилий для утверждения справедливости на Земле, пусть если даже эпизодического, временного, но торжества зла, достаточного для того, чтобы потускнела жизнь поколения или одного человека, все больше представляющаяся тщетной, но самоотверженная, упорная борьба с жесточайшей системой, непреклонность, непокорность, верность призванию и умиротворенность перед лицом вечного...

В предисловии к публикации поэмы «Актамак» в журнале «Минги-Тау»⁹ Азрет Семенов пишет, что Исмаил был рослым, физически очень сильным, завидного богатырского здоровья человеком, одерживавшим верх в часто проводившихся в то время состязаниях по национальным видам спорта, народных играх, скачках, в ко-

торых ему доводилось принять участие. Достаточно сказать, что он был одним из легендарных в Карачае людей, кто за день вручную стабильно скашивал гектар с четвертью покоса. Девушки слагали песни о таких парнях. Вот, к примеру, одно из посвящений Исмаилу:

Джылтырайды — джанады
Миннген атынгы туягъы,
«Сороковойчукъну» тартыб келеди
Семен улу биягъы...

Блестят (сияют) — искрятся
Копыта коня, на котором ты едешь,
Опять скосив сороковойчик,
Возвращается Семенов¹⁰.

(Подстрочный перевод мой — К.-М. Т.)

Чтобы читателю нагляднее представить о чем речь, можно с большой долей вероятности предположить, что из тысяч современных мужчин подобную площадь, если и смогут скосить, — лишь редкие единицы.

Так же крепок, а лучше сказать, непреодолим был его дух. В его силе была сила народа, а его душа была частью души народа. Что ярко демонстрирует, к примеру, поэма «Акътамакъ», над которой в эти годы Джырчы Исмаил усиленно работал и в которой выразил множество из тех ощущений, что постоянно, каждодневно, ежеминутно испытывает каждый карачаевец, его соплеменник, как и любой другой житель этих мест, чувствуя на себе благотворное влияние здешней природы, выразил миропонимание горца, другими словами — его состояние в соприкосновении с жизнью, с своеобразной территорией — родными землями, долинами, с дыханием всего живого в этом мире, со Вселенной. Он отразил в своей поэме многое из того, что не умели, не могли в силу разных причин увидеть, почувствовать, понять десятки, сотни и тысячи людей, хотя и были субъектами этих взаимоотношений, хотя и подсудно, подсознательно и «догадывались», «осознавали», «прозревали» все те материальные и духовные богатства, что нашли свое адекватное воплощение в великом творении Джырчы. Он и стал выразителем как неповторимой природы (Вселенной), так и духа человека в момент их гармоничного единения, идиллического слияния, что и

стоит, по большому счету, назвать счастьем, жизнью в собственном глубинном значении этого слова.

Двадцать два года работал Джырчы над этой выдающейся своей поэмой. Дух жизнелюбия, непреоборимого исторического оптимизма, утверждение любви, как величайшей ценности на земле, пронизывает это удивительное творение, состоящее из пяти тысяч поэтических строк. Это то, что на сегодняшний день собрано и опубликовано. По свидетельству Азрета Семенова, поэма еще больше, в нее входит около семи тысяч строк, что составит более полутора тысяч строф. Известно такое высказывание о своей поэзии Исмаила Семенова: «Моя поэтическая тетрадь — большая. Способна покрыть всю землю, моря и океаны, все небо. Я записываю свои стихи на них, а не на бумаге»¹¹.

Крупномасштабное лиро-эпическое произведение «Акътамакъ» вобрало в себя все то главное, что в принципе называется жизнью человека. Но не только. Оно наиболее полно отражает историческую судьбу и современное бытие карачаевского народа, его дух, моральные устои, обычаи, помыслы, устремления. Но не только. Величайшее чувство любви к женщине позволило поэту объять необъятное, включить в свою сердечную орбиту все сущее, разумное, начав с крыльца отчего дома мысленно пройти со своей возлюбленной по всему Северному Кавказу и Закавказью, по ближним и дальним странам, по всему миру, по Вселенной. И это не просто мимолетное, скоростное путешествие, а отражавшие самые характерные, своеобразные, присущие только тем или иным землям и народам сведения и черты, высокохудожественные поэтические зарисовки, взгляд на мир, понимание мудреца, раскрывающие самую суть событий, явлений. И это не просто трепетный, влекущий, захватывающий читателя диалог с возлюбленной, а достойный удивительного, красивого, великого человеческого чувства величавый гимн счастью любви. Как же звучит этот гимн? Безусловно, пересказать поэзию невозможно. Ее надо видеть, слышать, чувствовать. Ею надо дышать, как это делал Джырчы Исмаил.

Каждое слово эпоса «Акътамакъ» — это приглашение читателя в мир кристально чистой, всеобъемлющей, высокой духовности, волшебства поэзии, мир непреходящих общечеловеческих ценностей. Магия бесценной че-

ловеческой души порождает магию бесценного поэтического слова.

Герой поэмы являет собой живое олицетворение идеала мужчины, сильного и духом, и телом, готового совершить во имя возлюбленной подвиг, одержимого желанием поднять ее и подняться самому на необычайные, недоступные обычному или придавленному жизнью человеку высоты счастья, способного отважиться достать для принцессы души своей самую яркую звезду, положить к ее ногам весь мир. В сущности, автор — герой так и делает, проведя «Акътатамакъ» через могучую, наполненную любовью, свою человеческую душу и через все поднебесье, осенив родной Карачай, родную землю величайшей поэзией, родную литературу — бессмертным, непревзойденным произведением. В мировой поэзии о любви чего только не сказано, она воспета всеми великими и невеликими, это чувство тысячами лет освещает и освящает жизнь людей. Любовь, как путеводная звезда человечества, оберегающая его от хлада мира. Исмаил по-своему, как никто другой, сумел возвеличить в поэзии это чувство, раскрыть его новые, неведомые грани, открыть миру Карачай, а Карачаю открыть мир. Сегодня, более чем через 60 лет после первой публикации «Акътатамакъ», несомненно, что это цельный, вневременной, бесстрастный к часто менявшейся политической и общественной конъюнктуре художественный мир, такой же свежий, нарядный, чудодейственный, как и в пору своего рождения. Данте увековечил свою Беатриче, Шекспир подарил миру Джульетту, Есенин воспел «несказанную нежность» и красоту славянки. Лучшие образцы национальных произведений всех народов сотканы из прекрасных женских образов. Этот ряд великих творений и имен не может быть полным без поэмы «Акътатамакъ» Исмаила Семенова. Народный поэт Карачая, безусловно, из той же когорты великих, из тех, чья жизнь и творчество — потрясающие поэтические открытия, озаренные, напоенные любовью.

Жизнь для великого карачаевского поэта была поэзией, поэзия была жизнью.

Работа художника — честная, чистая, как нельзя, предельно полная расшифровка его души. Издавая книгу, выставя на суд публики картины, исполняя роль в спектакле и т. д., истинный художник всегда выносит на общественное обозрение именно собственную душу, а че-

рез нее и идеалы родного народа и всего человечества. И чем выше достоинство раскрываемой души, чем выше наработанное мастерство, тем значительнее и значимее для других людей его откровение. Есть понятие катарсиса (очищение души), которое, несомненно, происходит в момент контакта с более возвышенным, прекрасным, позитивным. То есть это момент духовного причастия, полета и собственной души художника с величавой, поразившей его воображение, возвышающей идеей, и уже самостоятельное, независимое от него, оторвавшееся от него в виде отдельной эстетической ценности (книги, картины, стихотворения, песни и т. д.) явление произведения, его полнокровное, автономное существование, эстетическое действие, которое — всегда открытие, полет в неизведанное, луч, в кромешной тьме освещающий дорогу в грядущее, и в идеале, необъяснимое, будто сверхъестественное, волшебное провидчество, мудрое предсказание будущего. Здесь достоинство одной души (и великой, может быть) становится достигаемой для другой, может, еще не прозревшей, не осознавшей своего величия и уникальности, и их взаимодействие благотворно, обогащающе, богоугодно. Это есть смысл творчества. С детства в полную нагрузку испытывавший физический труд, и не уваливавший, а превративший его в одну из своих благодатных стихий, вместе с тем «получивший достаточно серьезное для своего времени образование в системе арабозычной, религиозной грамотности», изучивший «основы шариата, хадисы (жития мусульманских святых и пророков), тафсир (толкования Корана), историю ислама и параллельно... окончивший начальные курсы географии и астрономии», познакомившийся «с арабской и шире восточной поэзией», знавший «наизусть поэму «Лейла и Меджнун»¹² и т. д., словно с молоком матери впитавший все ценное, что сберегла в себе народная мораль, как родительское наследие, благословение, обретший безграничную любовь к родной земле, Исмаил Семенов по сути, природе своей был готов к подлинному творческому труду, и судьба ему в добрый час такую возможность предоставила. Глубокий, необыкновенный поэтический дар вынес его на дорогу одухотворения, возвеличения, облагораживания мира, он с блеском выполнил предназначенную миссию, одарив, обогатив человеческую культуру своей бесценной лептой.

Сегодня с полным основанием мы можем констатировать следующее. Наверное, в Карачае не было другого человека, который по своей славе — настоящей, заслуженной, неуваждаемой, ставшей частью народного сознания, всегда благотворно влиявшей на него — мог сравниться с Джырчы Исмаилом. И это несмотря на усиленные, чрезвычайные попытки науськиваемых партаппаратом, плодившихся, как грибы после дождя, недругов изъять, уничтожить ее. Очевидцы говорят, что в конце 20-х — начале 30-х годов без Исмаила Семенова не обходилось в области ни одно крупное торжественное мероприятие, он исполнял свои песни на концертах и собраниях, на полях станах и разного рода олимпиадах, в том числе все-союзных, проходивших в Москве, Ростове и т. п., где участвовали такие выдающиеся популярные полпреды народов, как Джамбул Джабаев, Сулейман Стальский, и неизменно с этих смотров-конкурсов народных талантов возвращался с победой.

Старший сын Джырчы Азрет Семенов, ныне народный поэт КЧР, вспоминает, видимо, со слов отца, что Сулейман Стальский, которого А. М. Горький назвал «Гомером XX века», несмотря на то, что по возрасту был старше Исмаила, несмотря на естественное в таких случаях сопротивление последнего, всегда выдвигал его на почетное место справа от себя, тем самым подчеркивая свое огромное уважение и расположение к карачаевскому Джырчы¹³.

Вот как литературовед Назифа Кагиева пишет о посвященном тысячелетию армянского эпоса «Давид Сасунский», проводившемся в 1936 году в Ереване фестивале: «Вместе с самыми известными певцами Советского Союза туда был приглашен и Исмаил Семенов. Руководил праздником Александр Фадеев. Когда все сказали все, что хотели сказать, сделали всё, что хотели сделать, на сцену театра вышел Фадеев.

— Есть еще народ, у которого имеется сто песен? — спросил он.

— Есть, есть такой народ! — ответил из зала приехавший туда вместе с Исмаилом Семеновым Магомет Урусов. И на сцену вышел блистательный Джырчы Исмаил, в ослепительно белой черкеске, со сверкающими золотом газырями и золотым кинжалом, с золотистыми усами, светлоокий, высокий, стройный, привлекательный.

— С чем вы приехали? — спросил Фадеев.

— С двумястами песен, — ответил Исмаил. — Сто моих, сто моего народа.

— Пойте! — предложил председатель.

Голос Исмаила полился в зал. Люди, хотя не знали карачаевского языка, были заморожены удивительным талантом певца. А «Акътмакъ», как солнечный свет, освещая души, разливаясь все сильнее, всецело захватил внимание присутствующих, пробуждая трепетные, неповторимые эмоции и чувства. С одной стороны — Фадеев, с другой — Магомет Урусов подхватили певца на руки и, высоко подняв, словно сразу поднимая и его славу, обошли с ним вокруг зала и затем вернули его на прежнее место на эстраде. Зрители все время аплодировали на «бис», возбужденные радостные голоса скандировали: «Браво!», «Молодец!».

Фадеев, трижды поцеловав, крепко обняв Исмаила, попросил: «Пойте, ради бога, пойте!»

И Исмаил продолжил пение. Его богатый голос, необыкновенными, будто сказочными, предвестниками счастья, тембрами, вновь заполняя, очаровал зал, снова звуча то, как тихое, чистое дыхание спящего младенца, то, как раскаты грома, то, как вся неповторимость мироздания...

Его все долго поздравляли. Он в Ереване стал первым среди первых, лучших певцов бескрайней, необъятной страны, получил юбилейную медаль этого праздника общесоюзного значения — его, члена Союза писателей СССР, народного поэта Карачая — искрометный талант, проявившись во всю свою исполинскую силу, стал известен всей стране. Со всех сторон ему писали благодарственные письма, писатели и певцы, приезжая в гости, старались услышать золотые слова карачаевского поэта»¹⁴ (Пер. с карачаевского яз. К.-М. Т.)

То было время всеобщего энтузиазма, когда Исмаил Семенов, как и все советские люди, верил в идеалы революции и ожидал, что они приведут к чуду всенародного благоденствия. Он всячески поддерживал этот строй, всем сердцем надеясь, что Советская власть от народа и для народа. Одной из его потрясающих, великих произведений этого времени (которой сейчас некоторые пытаются его попрекать — мол, восхвалял!) является прекрасная, небывалой эстетической и мобилизующей силы песня

«Да здравствует наша партия!», повсеместно исполнявшаяся всем народом в течение нескольких десятков лет, не утерявшая своей привлекательности, притягательности и теперь, когда от СССР и от его «правлящей и направляющей силы» остались одни воспоминания. Что свидетельствует о могучем даре карачаевского Джырчы, в музыке и словах раз и навсегда увековечившего реалии эпохи и устремления людей. Именно это называется — отразить в художественном произведении жизнь, то, к чему стремится любой художник, но, как ведомо, не каждому такого успеха дано добиться, «создать новое видение, дать новое решение конфликта» способен «только поэт-пролок» (Г. Грабович)¹⁵.

Однако Исмаилу Семенову и его достижения, с высоты (а может, низости) сегодняшнего дня, тоже ухищряются ставить в вину. Проявившееся посмертное выговаривание поэту за прославление партии — это очевидная гнусность тех самых людей, при жизни ненавидевших и преследовавших его за разоблачение пороков строя, за антисталинскую поэзию, так как эти «бдительные» приспешники нынешней власти совсем недавно еще числились в рядах «передовых строителей коммунизма», а когда идеологическая кормушка захлопнулась, перестала питать за клевету, другие всяческие пакости — полностью переродились, перевоплотились, «превратились» в «убежденных (горе-) демократов».

Другой его песней, снискавшей всенародную любовь и признание, стала бессмертная «Минги Тау» («Эльбрус»), мотив которой — зажигательная, чудесная музыка, давно звучащая почти как национальный гимн (в свое время она и была официальным гимном Горской республики) у самых разных народов по обе стороны Кавказского хребта, красноречивее любых слов говорит о высоком уровне, значительности эстетических открытий ее автора.

Песни Исмаила Семенова не потеряли привлекательности, и поныне завоевывают все больше и больше людских симпатий, известны, популярны.

Вообще, благозвучные, гибкие, трепетные строки стихотворных произведений Джырчы будто сотканы из самой музыки, слышной и доступной каждому читателю так, что последний даже, как говорится, не имея за плечами «консерваториев», вслушиваясь в явленный ему мир высокой гармонии, начинает распевать эти тексты, на ходу

обретая мотив. Подобное соразмерное, возможно, тождественное сосуществование «словесного и музыкального ритмов» (Фольклор. Поэтика и традиция., М., «Наука», 1982, с. 102) — компонентов единого произведения, позволяет современным исследователям рассматривать «модель «чистого» стиха, как своего рода потенцию, являющуюся существенной составной частью народно-песенного мышления, органически сочетающую в себе и музыкальное, и вербальное начало» (Там же, с. 105); утверждать, что «песня устной традиции представляет собой единое, нерасчленимое целое в том смысле, что слова и напев ее, как правило, порознь не возникают (в плане генезиса), порознь не существуют (в плане эволюции), в процессе исполнения порознь «не воссоздаются (в плане функционирования)...» (Там же, с. 135). Эти постулаты, по наблюдениям В. Е. Гусева, восходящие к формуле античного теоретика искусства Марка Фабия Квинтилиана, что «стихи суть род музыки», а поэзия... входит в понятие музыки, как часть, в целое» (Гусев В. Е. Проблемы фольклора в истории эстетики. Изд-во Академии наук СССР, Москва — Ленинград, 1963, с. 36—37), — полно характеризующие особенность творений, суть, качество, музыкально-поэтического стиля и карачаевского автора — закономерная переключка через тысячелетия плодотворной, действенной мировой культурной традиции.

Хотя следует заметить, что единство, слитность поэзии и музыки Исмаила Семенова — не столько отголосок «первобытного синкретизма» (По В. Е. Гусеву. Литературный энциклопедический словарь. М., «Советская энциклопедия», с. 381), сколько синтез, результат, наложение друг на друга неповторимого дара, почерка, идиостиля поэта с отшлифованным временем, устоявшимся — утвердившимся духовно-нравственным, эстетическим и религиозным опытом его соплеменников, оберегшим, сохранившим, развившим отдельные, наиболее адекватные их потребностям, универсальные формы искусства, которые в процессе «исторического развития... непрерывно изменяются, преобразуясь в творчестве каждого выдающегося писателя» (Кожин В. В. Литературный энциклопедический словарь. М., «Советская энциклопедия», (1987, с. 1 07). В этом ответ тем, кто даже не ведая «А в чем, собственно, разница?!» бурлычет, стараясь хоть как-то ущемить: «Исмаил был певцом — да, а не поэтом».

По свидетельству сына поэта, Азрета Семенова, на чей-то вопрос, откуда Исмаил берет музыку к своим песням, Джырчы ответил: «Музыка везде: в журчании ручья, в перестуке, шелесте листьев. Я их слушаю, нахожу то, что мне нужно». Другими словами, его удивительные, не теряющие свежести звучания, мотивы — как живой отзвук природы, взлелеянный, выпестованный в бессмертной человеческой душе. Известно, моменты духовного слияния, гармонии с мирозданием — уникальнейшая из форм интеллектуального общения. В этом оптимальном и одновременно естественном уровне реализации поэтического потенциала, в венчающем общечеловеческие ценности духовном взлете — художественно-эстетическом самоосознании творящего разума, и есть обретение нового качества, именуемого развитием, прогрессом. Исмаил всю жизнь был самим собой, не лебезил пред сильными мира, не кривил душой. Поэтому его произведения так же естественно, как и написаны, находят путь к людским сердцам, притягательны, понимаемы читателем, живущим в ладу со своей совестью. Поэтому же его песни всегда пелись, поются и, без сомнения, будут петься не только отдельными исполнителями, но народом, всеми теми людьми, кто хоть раз их слышал, кому они западали в душу.

В полной мере использовавшая огромный талант Исмаила Семенова, власть всячески поощряла его. В те годы он был принят в Союз писателей СССР, получил звание Народного поэта Карачая, за подвижнический труд, выдающуюся литературную деятельность Советское правительство наградило Джырчы орденом Трудового Красного Знамени, для него был отстроен дом¹⁶ на родине. Знаменитые поэты и переводчики А. Фадеев, С. Родов, Г. Орловский, В. Звягинцева, В. Торопецкий, Э. Капиев и другие переводили его произведения на русский язык. Подборки стихов опубликовали журналы «Огонек», «Дружба народов» и другие центральные издания. Вышли из печати книги «Песни» (1937), «Песни и частушки» (1938), «Песни и стихи» (1939), «Стихи и песни» (1940), также его произведения включались в выходящие по всей стране коллективные сборники и антологии. Зухра Караева в своей книге «Художественный мир Исмаила Семенова» приводит следующий факт: «Наслышанный о Семенове известный дагестанский писатель Эффенди Капиев присылает в область письмо, в котором, обращаясь к руководителям, пи-

шет: «Я много слышал о карачаевском певце и стихотворце, хорошо осведомлен о нем. Прошу вас, ничего не меняя, сохранив таким, как он есть, переведите нашего настоящего, удивительного поэта. То, что уже переведено, не задерживая, высылайте мне. Если выберу время, сам приеду в Микоян-Шахар, чтобы лично познакомиться с автором. Уезжая в Москву, захвачу переводы с собой. Я поговорю о возможности издания стихов Исмаила в переводе на русский язык в Москве. Мне кажется, это встретит в Москве основательную поддержку, будет важным и заметным событием.

С грузеским приветом Эффенди Капиев.»

И действительно, 11 стихотворений И. Семенова были опубликованы в сборнике «Стихи и песни», вторую половину которого составили стихи старейшего карачаевского народного певца Касбота Кочкарова. Составителем и переводчиком отдельных стихотворений являлся Эффенди Капиев¹⁷.

Рассказывают и о таком случае. Собирается очередной съезд Союза писателей СССР в Москве. В Колонном зале объявляют прибытие делегаций из различных регионов, которые рассаживаются по заранее отведенным для них местам. И вот после приветственных аплодисментов писателям следующей союзной республики, слышится: «Народный поэт Карачая Исмаил Семенов».

Аплодируя, встает председательствующий Александр Фадеев, за ним — его почетное окружение, все сидящие в зале многочисленные делегаты и под их рукоплескания Джырчы Исмаила препровождают на его место в президиуме.

Об этих поистине чудесных событиях в вышеприведенном стихотворении «Певец Исмаил» Джырчы и говорит в первых двух строфах.

Но, как упоминалось выше, к концу тридцатых годов, в неизменно оптимистических, как бы одаривавших радостью и счастьем каждого, его песнях зазвучали иные мотивы.

Он всегда пел о том, что видел, о том, что знал, что было на самом деле. Этому способствовало, пожалуй, и то, что Исмаил видел другой мир, дореволюционный, вобрал в себя и его дух, обрел историческую, независимую от субъективных и конъюнктурных факторов широту взгляда, естественную, органичную, от природы, от рож-

дения, имел возможность сравнивать, обобщать. Он жил без оглядки, без испуга «Как бы чего не вышло?!», без гнета страхов, что присущи целым поколениям советских людей, сознание которых навсегда отравлено возможностью политического террора за инакомыслие. Многим его хулителям, находящим, что поэт не был последователен в своих убеждениях, тверд во взглядах, не держался чего-нибудь одного и т. п., невдомек, что это их положение ущербно, что, сами не замечая, они — индивиды сталинской пробы, как позднее уже шутили — «дети застоя», проявляют свою конъюнктурную сущность, свое желание «железной руки», которая б пусть и целиком пренебрегая их свободой, направляла и наставляла.

Богатый духовный мир Джырчы был основой самодостаточности, источником внутренней свободы, давал возможность во всех обстоятельствах действовать сообразно именно своему пониманию вещей, то есть следуя только собственным убеждениям. Он был абсолютно честен перед собой, перед своим народом, перед историей.

И когда то, что прежде ему казалось ошибками, издержками, неизбежно сопутствующими всяким крупным переменам в жизни государства, общества (их он тоже никогда не обходил в своем творчестве, замечал и говорил о каждодневных недостатках во весь голос), проявилось, установилось полностью как система, как сама власть, он стал выступать против этой власти, острие его поэзии обратилось против тех, кто презрел народные идеалы, растоптал людские надежды.

Чыкыгъанды алгъа экибетлилик,
Аны онг джанына — алдау, ётюрюк.
Тил этиу болду джашаугъа тамал,
Табмайды тюзлюк кёрюнюр амал.

Хар джерде зорлукъ тюзлюкге такъмакъ,
Оноучу болгъан — къай ары чакъмакъ,
Акъыл юретген — кеси къысхакъыл,
Онгсузну халы кюн — кюнден такъыр.

Онгсузну халы онглугъа кюлюю...
Талауул болду къралны мюлюю:
Ишлемегенле алсала хакъны
Къаны бузулад урунган халкъны.

Бу затла былай барлык болсала,
Сатлыкъла орун алыб турсала,
Халкъ бош сормайды, ачыуун тья,
Нек этилгенд деб, революция?

«Къайдагы революция?». 1939 дж.

Вышло в первый ряд двуличие,
Справа от него ложь и обман,
Основой жизни стал донос,
Правда не находит пути, (чтобы) показать себя.

Повсюду насилие виснет (цепляется) на справедливости,
Стали начальниками всякие лохматые,
Уму-разуму учат — сами недалекого ума.
Состояние слабого изо дня в день печальнее.

Состояние бессильного для сильного смешно,
Богатство страны разграблено,
Когда бездельники берут долю,
Кровь закипает у труженика народа.

Если это все будет так продолжаться,
Продажные будут занимать места наверху,
Народ не зря (не случайно) спрашивает,
сдерживая свою горечь (возмущение):
Так зачем же делалась революция?

«Где революция?».

(Подстрочный перевод З. Караевой.)

Известные эпиграммы Исмаила Семенова этого времени говорят о бескомпромиссности его божьего дара, безоглядности борьбы за народное достоинство и счастье, за торжество справедливой жизни.

Эчкиге гакгы табдыргъан,
Тауукъгъа бышлакъ ськъдыргъан,
Джылкъыдан джюнде къыркъдыргъан,
Къойлагъа оноу тутдургъан
Сталинибиз джашасын!

Заставляющий козу нести яйца,
От курицы получать сыр,
Стричь шерсть с лошадей,
Баранам дающий власть,
Да здравствует Сталин!

* * *

Сталин деген чууутлу
Джашауубузну кѳурутду.
Тиллерибизни чалдырды,
Кесине махдау салдырды.

Махдау салалгъан — тѳргеди,
Салалмагъан а — кѳргеди.
Джан татлы — мен да айтама,
Арта тобагъа кѳайтама.

Иуда по имени Сталин
Жизнь нашу пресек,
Смешал наши языки,
Заставил петъ себе славу.

Кто сумел славить, тот на тѳре*,
Кто не сумел (не смог) — тот в могиле.
Душа (жизнь) дорога — я тоже славаю,
Потом — отрекаюсь.

(Подстрочный перевод З. Каравевой.)

Если учесть, в какое время данные строки писаны, то вряд ли у кого останутся сомнения в последовательности, принципиальности, твердом характере, великом мужестве их автора.

Эки джашы бар эд Таубийни
Апенди бла камунис.
Эй бир-бирине этди аланы
Сталин деген Ибилис.

Сѳзю сыйдамды, оноуу терсди,
Иши уа халкълагъа ташады.
Эй, бизге этерин этгенди энди —
Онглу-онглубуздан бошады.

Бал таракъланы балларын эмиб,
Балауузларын тутдурду.
Эй, Алий улу Умарны джойду,
Сейитни джерге джутдурду.

* Тѳр — почѳтное место.

Ажымлы болуб айырылдыла
Ала милетни джолуңдан...
Эй, джарыкъ кюнюм къарангы болду,
Джукъ а келмейди къолумдан.

Кзычырыкъ этиб не эталайыкъ,
Ауузларыбыз байланыб...
Хар атлам сайын тахсачы барды
Кёз-кзулакъ болуб, сагъайыб.

Эй, Эресейге төре болалмад
Сталин деген урия.
Шыкъыртсыз атлай, тауушсуз сарнай,
Къарангы болду дуния.

«Зорлукъну джыры».

Два сына было у Таубия
Один — эфенди, другой — коммунист.
Эй, столкнул друг с другом их
Дьявол, который зовется Сталин.

Слова его гладкие, решения его неверные,
А дело его — тайна для народов.
Эй, он свершил теперь над нами то, что хотел.
Уничтожил наших лучших из лучших.

Мед, высосав из сот,
Нам отдал вошины.
Эй, Алиева Умара погубил,
Сеита в землю закопал.

Разве криком поможешь,
Да и рты наши завязаны.
За каждым шагом соглядатай,
Подслушивающий, подглядывающий, настоroje.

Эй, не смог быть правителем России
Гуриец* по имени Сталин,
Бесшумно ступая, беззвучно рыдая,
Мир погрузился во мрак.

«Песня насилия».
(Подстрочный перевод З. Караевой.)

* Гуриец — урия (карач.) — грузин.

В постсоветские годы мы в избытке начитались, слышали свидетельства, что на «эшафот» в ту лихую пору отправляли за куда незначительные вещи. Но вот что поразительно. И сегодня находятся люди, кидающие в адрес поэта обвинения в том, что он, вопреки всем творившимся тогда ужасам, назло бесчеловечным, всеуничтожавшим репрессиям, остался цел. «Почему ты не погиб?!» — дабы полнее почувствовать насколько правомерен, корректен такой вопрос, хорошо бы его обратиться в свой адрес тем, кто так его умеет ставить.

Поэту, на самом деле, в разное время пришлось спастись и от немцев и от отечественных спецорганов. «Как мне известно, — пишет Софья Семенова, — Исмаила действительно арестовали и в Микоян-Шахаре присоединили к людям, задержанным немцами. 72-летний певец был так измучен, что все присутствующие прониклись жгучим сочувствием к нему. Арестованные были в одном белье, без обуви и другой одежды, а поскольку время было холодное, видимо, их оставили без усиленной охраны. Певец обмотал рубашкой босые ноги и с помощью людей, бежал. В эти дни он скрывался у одного старого пастуха в верховьях Мары. Пальцы ног, обмороженные тогда, сделали его хромым навсегда. Через несколько дней он ушел в горы и скитался вплоть до прихода наших»¹⁸.

Об этом же эпизоде, как арестованный немцами Исмаил Семенов спасся от неминуемой казни, на страницах карачаевской газеты «Ленинни байрагы» подробно рассказал родственник того пастуха, у которого поэт в тяжелейшие для себя дни нашел приют — Амырбий Хапаев»¹⁹.

В 1943 году вместе со всем народом Исмаил Семенов пережил трагедию депортации, которую с самого начала (Стихотворение «В день переселения») до конца («Стихотворение «Возвратимся») запечатлел с величайшей поэтической силой. Это поэзия протеста, которой автор, как говорится, не на жизнь, а на смерть воевал против обрушившегося на народ зла, днем и ночью его мысли были о победе справедливости, о восстановлении честного имени и достоинства репрессированных соплеменников. Открыто, безоговорочно, с всепроникающей, огромной художественной силой обвиняет он кровавый сталинский режим в преступлении против народа, против человечности. В этих стихах Джырчы

Исмаил предал анафеме монстра — пожирающую всех и вся чудовищную тоталитарную систему.

Уже органы НКВД «в 1946 году, в г. Джамбул, опираясь на слухи, поэта задержали (арестовали в местах переселения, в Казахстане — К.-М. Т.) на 4 месяца, но не в тюрьме, а на предварительном следствии... и после тщательного рассмотрения дела, вручив... оправдательный документ, возвратили домой. Этот документ и сегодня находится у его детей»²⁰.

Может, лишь неконкретность, недоказанность все же его непосредственной «вины», неустановленность точного его авторства, его явной враждебности строю, подлинной принадлежности именно ему всех и до того всполошивших антипартийных, антисталинских, антидиктаторских произведений, может и нежелание показывать (демонстрировать), что «в то время, когда люди молились на портрет Сталина»²¹ такой признанный всеми выдающийся поэт, «не боясь ни за семью, ни за себя»²², выступая против системы, мог написать «Песню насилия» и другие подобные, подрывающие устои, вещи — спасло его от неминуемой расправы.

Стихи Исмаила Семенова — это новое слово обо всей многогранной, многоликой, счастливой и многотрудной людской жизни, выраженное высокохудожественно, лишь ему присущим слогом, красиво, непохоже на других — небывалая поэзия — отражение его могучей души. Это также — о годах ссылки — поэзия протеста, моральной поддержки угнетенных, надежды, веры в торжество справедливости, духовной реабилитации, жизнеутверждения и возрождения, так как в них явственно прослеживаются, превалируют мотивы борьбы за сохранение народа, его жизненных ресурсов, духовно-нравственного здоровья. Начиная с 1957 года, воодушевленный обретением родной земли, поэт создал цикл глубоко человеческих, глубоко художественных произведений, может быть, беспрецедентную в мировой практике поэзию неподвластной разуму, удивительной, полурадостной-полупечальной — со слезами на глазах — (это его образ, который через некоторое время в известной песне «День победы» создал и другой поэт) — трогательной, долгожданной встречи народа-изгнанника со своей неотъемлемой, необходимой, как сама жизнь, колыбелью.

Но «всесильные» ему быстро показали, что для энтузиазма оснований нет. Дискриминация народа, обвинения

против него, подавление его национальной самобытности и достоинства продолжались в новых формах. В эти годы для Исмаила Семенова были созданы особо тяжелые условия морального дискомфорта и гнета, он находился под постоянным давлением недругов, опекой спецорганов, вновь подвергался допросам. Не было конца злословию, наветам на него. Под запретом оказалось, преследовалось и все его творчество. Пользуясь последним, созданное им стали открыто, на его же глазах разворовывать.

Когда уже широко известную песню «Минги Тау» в первый раз по областному радио передали под чужим именем, возмущенный старый Джырчы смог приехать и потребовать объяснений, опровержения. Как свидетельствуют очевидцы, для «разборки» ситуации была создана специальная комиссия, с участием представителей парторганов и госбезопасности, которые, видимо, тут же не преминули напомнить автору, что он и его творчество вне закона. Так что на поставленный перед ним вопрос: «Утверждает ли, настаивает ли Джырчы Исмаил, что песня «Эльбрус» принадлежит ему, он ответил: «Я не говорю да, не говорю и нет. Не отказываюсь от песни, и не настаиваю, что она моя»... Одному из близких людей, потом, о причинах такого ответа, Джырчы сказал: «Песню тут же бы запретили, не прекрати я утверждать, что она — моя. Я ее создал для народа. Пусть поет, пользуется на здоровье. Когда нужно, он всегда разберется: чья она. Главное, чтоб песня была жива, звучала...»

Известно, что эту его песню впоследствии пытались присвоить многие другие, и очень известные, популярные в стране, композиторы, о некоторых из них литературовед Назифа Кагиева подробно говорила в посвященной жизни и творчеству Исмаила Семенова первой телевизионной передаче ГТРК «Карачаево-Черкесия» 19 апреля 2000 года²³. У нас, в Карачае, до последнего времени песня «Эльбрус» звучала, и вошла в уже изданные антологии и учебники, как народная.

О корыстолюбцах, плагиаторах, мародерах, в течение долгого времени гревших руки на неповторимом наследии Джырчы Исмаила, растаскивавших его как по целым произведениям, так и отдельным строкам, образам, словосочетаниям, подробно, называя имена и «заслуги», написал Азрет Семенов в своей оригинальной поэме «Ахырат-ха письмо» («Письмо на тот свет»), созданном им как ответ на отцовское стихотворение-завещание «Сыну». (См., приводится в конце данной публикации, как приложение).

Мы же теперь, через время, можем констатировать, что вопиющее попрание авторского достоинства гения — дикое мародерство, через время все равно обернулось, как говорят врачи, «положительной динамикой» (у аморального, безнравственного деяния, воровской медали оказалась и такая сторона): в отзвуках и фрагментах сохранилось колоссальное влияние на весь литературный процесс творчества Джырчы; то, что подсустились «известные поэты» и «музыканты» даже посредством грабежа подняться на недостижимый уровень художественных достоинств произведений Исмаила, то есть незаконное, но использование его нетленных образов, метафор, эпитетов, мотивов объективно отражалось на всем окружении, вело культуру вперед. И здесь подтвердилось, что все исмаиловское — его деятельность поэта и музыканта — это всегда хорошо, в любых обстоятельствах во благо людей.

13 января 1964 года написано заявление Исмаила Семенова в Комиссию по персональным пенсиям при Совете Министров РСФСР, где, в частности, говорится: «Мне 93 года. С 15 лет я занимаюсь литературным творчеством, выступал как поэт, певец и композитор. В довоенный период неоднократно участвовал на совещаниях писателей в Москве и других городах вместе с народными певцами Казахстана и Дагестана Джамбулом Джабаевым и Сулейманом Стальским. Пою только на родном карачаево-балкарском языке.

Я являюсь автором более 120 песен и мелодий, большой поэмы «Акътамакъ» — труд моих нескольких десятилетий. Часть изданного моего творчества составляет 5 поэтических сборников, которые хранятся в Москве в Госбиблиотеке им. В. И. Ленина.

Мои лучшие произведения давно нашли путь к сердцу читателей и слушателей, получили признание среди карачаевского и балкарского народов, стали народными, что является для меня, как автора, лучшей наградой.

Однако мое литературное и музыкальное творчество до сих пор полностью не издано, хотелось бы, пока я жив, все это передать в дар народу, но я безграмотен и сам без соответствующей помощи со стороны писательской организации не могу исполнить. Больше того, сейчас я стар, имею семью и нахожусь в затруднительном положении. Я состоял членом Союза писателей СССР, выбыл в связи с переселением карачаевцев в 1943 году, а печатания на языке не было по 1957 г. Сам я бывший колхозник.

Мои хлопоты о назначении пенсии до сих пор не удовлетворены. Решение райисполкома о назначении мне пенсии местного значения облисполкомом не утверждено.

Настоящим обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне в полном издании моего литературно-музыкального творчества и назначении пенсии²⁴. *Приложение в 23 листах.*

13 января 1964 г. И. Семенов.

Назифа Кагиева вспоминает, что в целях реабилитации поэта, не раз вместе с ним пыталась обратиться и найти поддержку у чиновников тогдашнего облисполкома, но ни один из них нас дальше порога не пускал. ...Нас вдохновил и обещал помочь писатель Леонид Соболев, который выступил на семинаре писателей в г. Карачаевске, и который потом посетил поэта, жившего тогда в с. Красный Октябрь. Также горячо поддержали наши усилия в борьбе за восстановление доброго имени поэта профессор Васильев из Ставрополя и критик Кабаченко. Но вскоре, как известно, они скончались, и мы опять остались одинокими в своей борьбе»²⁵.

В это трудное время Джырчы Исмаила всячески поддерживали простые люди, его односельчане, его многочисленные доброжелатели, повсеместно знавшие и любившие поэта, как выдающегося своего представителя, олицетворявшего талант и достоинство всего народа. В его документах, например, сохранилась и справка Джингирикского аулсовета КЧАО от 22 декабря 1961 (или 2 — плохо читается) года, где написано: «Выдано Семенову Исмаилу Унуховичу, рождения 1870 г., в том, что он действительно проживает на территории а. Джингирик, нигде и никакой пенсии не получает, и нигде не работает, нет источников дохода. *Председатель аулсовета. Подпись*».

Есть также акт, составленный депутатом Джингирикского сельсовета Хетагуровым А. В., жителями аула Хубиевым И., Касаевым А. о том, что «Семенов Исмаил имеет только купленный на ссуду в размере 1000 рублей дом и огород площадью в 12 соток и не имеет другого источника дохода»²⁶.

Надо заметить, что в условиях, когда любое несанкционированное, тем паче, идущее вразрез с установками чиновничьего аппарата действие было чревато жесткими оргвыводами, выдать подобные справки тоже требовало определенной решимости, убежденности в своей правоте. Нет сомнения, что в аулсовете, конечно же, знали об отказах облисполкома назначить Джырчы Исмаилу пенсию,

но тем не менее написали документ, свидетельствующий, что прославленный поэт, имевший к тому времени 10 детей, фактически обречен на голод, нищенское существование.

Одновременно с жесткой, изуверской политикой всяческого избиения и дискредитации Исмаила Семенова, в эти же 60—70 годы неоднократно предпринимались попытки вновь рекрутировать, заполучить его в ряды идеологических «бойцов коммунистической стройки».

«Отцу было предложено публично, через органы информации, отречься от веры, объявив верующих мракобесами. Но отец отказался», — пишет Софья Семенова²⁷.

Вот об этом строки Джырчы:

Тутхан дининги сат делле манга,
Адамлыгъынгы ат делле манга,
Аллахха аман айт делле манга,
Сора орнунга къайт делле манга.

Мен эталмадым алагъа хыны...
Несин билеме мен Аллахымы?
Кёрюм джуукъду тёрюмден эсе,
Айыб болмазмы — динсизме десем?

Бу залимликди — ыхдырыу, эзиу,
Эталлыкъ тюлме бу джыргъа эжиу!
Насыб сагъайыб келгинчи кёзюу —
«Тёзген тёш ашар» — меники тёзюу.

«Тезюу». 1974 гж.

Мне сказали, продай свою веру

(которой придерживаешься),

Мне сказали, выкинь (вытрави) свое человеческое
достоинство,

Мне сказали, произнеси (говори) плохое об Аллахе

И после этого вернись на свое место, мне сказали.

Я не смог им грубо ответить (не стал этого делать)...

Что я знаю о моем Аллахе?

Могила ближе, чем то, что наяву

(мирские выгоды)(я, как всякий другой,
нахожусь одной ногой в могиле),

Не будет ли стыдно — если скажу, что я не верующий
(без веры).

Это жестокость (их), тиранство — стеснение (человека),
раздавливание, гнет,

Я не стану (поддерживать это), подпевать такой песне!
Пока счастье не пробудится и не вернется
(пока не придет такое время) —
«Терпение — залог успеха»* — мне остается терпеть,
(все) выдержать.

«Терпение».
(Подстрочный перевод мой — К.-М. Т.)

Безжалостная система все давила и давила. На самую глубокую старость пришлось самые тяжелые годы, которые можно характеризовать как время морального добивания поэта. Джырчы Исмаила стали обвинять (эти сплетни ходят до сих пор) и в прочих «грехах». В том, например, что он религиозен, что слишком хорошо владел арабским языком, знал наизусть Коран, непременно побеждая в богословских спорах, в которые его (волей-неволей) втягивали и где ему не было равных, в том, что он под конец жизни работал эфенди и т.п., и это при том, как другие «судьи» вменяли ему в вину совершенно противоположное, то есть будто он недостаточно компетентен в сфере отправления религиозных обрядов, не имеет должного прилежания, непоследователен как мусульманин, что не обладает должными знаниями основ веры и т. п.

Вот об этом строки из зикира Джырчы Исмаила «Сал, Аллахым, сыйлы болган Каабагъа» («Благослови, мой Аллах (положить) в священную (обретшую достоинство, святость) Каабу»):

Адам тюрсюню шайтанла
Мени арагъа алдыла.
Сабийликге къул болдум
Намазларым къалдыла.

Шайтаны (черти, нечистая сила) в человеческом обличе
Меня взяли (со всех сторон) в середину (окружили)
Детскости(?) (я) стал рабом.
Намазы мои остались (несовершенными).

(Подстрочный перевод мой — К.-М. Т.)

Житель а. Красный Октябрь Зеленчукского района Амбий Хубиев вспоминал такой случай. В одном доме, где

* Карачаевская поговорка «Тѣзген тѣш ашар» — букв. — «Умеющий терпеть — съест грудинку курицы».

проводились поминки, в самый разгар чтения собравшимися эфенди священных книг, вдруг погас свет. Все разом замолчали, но продолжал звучать голос находившегося среди них Исмаила Семенова, больше часа в полной темноте декламировавшего все необходимое наизусть, и он один довел маулут (маулут — мусульманский поминальный религиозный обряд, совершаемый на 52-й день после смерти человека) до конца²⁸.

В таких ситуациях, которые невозможно было оспорить, находившиеся рядом с ним и в большинстве случаев не хотевшие признавать его очевидных преимуществ, ревниво, недружелюбно к нему настроенные эфенди, вынуждены бывали сдать позиции.

Готовность людская изыскать соринку в чужом глазу и, попутно стараясь превратить его в дерево, изобличать, обвинять, приговаривать, пытаться морально растрепать, казнить себе подобного, поистине достойная лучшей участи, поразительна. Горько, неутешительно это сознавать. Так как именно подобным отношением была большей частью окружена, обложена жизнь великого Джырчы в его последние годы и ничто уже исправить невозможно.

Нет, не смогли враги положить его на лопатки, в неравной изнурительной борьбе не стал он побежденным, до последнего часа сохранив свою веру в доброе и вечное, поистине сыновнюю преданность и любовь к родному народу, устремленность к светлым идеалам человечества, свое стремление принести ему как можно больше пользы. Ничто не смогло заставить его почувствовать себя никчемным, несчастным. Великий духом, великий в делах, он уберег, не разрушил свой светлый мир, свой цельный характер ничем, и, безусловно, эта вот его неистребимая жизненная сила, то, что он и его творчество выше всех злодейских происков, тлетворных влияний — охранит его имя и наследие в будущем, оставаясь для потомков светочем, маяком вселенской любви и добра, торжества духа, человеческого величия.

Такие произведения Исмаила Семенова последних лет, как «Драчливому соседу», «Утренний скандал», «Соседу — доносчику», «Ты видишь недостатки», «Ни обман, ни жадность, ни зависть...», «Мое время», «Жалоба», «Когда грустно», «Разговор с «известным» певцом» и многие другие свидетельствуют о его повседневных мытарствах, о темных грубых силах, изо дня в день его третировавших, «ниспровергавших», пытавшихся сравнять с землей (или с собой...).

Ой, не этейим заманыма?
Ой, не этейим заманыма?
Адамланы джаманына.
Фитна-хыйла этгенлеге.
Имансызлай кетгенлеге.

Ой, что мне делать с временем моим
(тем, в котором живу)?
Ой, что мне делать с временем моим
(тем, в котором живу)?
С людьми, которые зловредны.
Совершившими хитрые интриги, жульнические
трюки (нанесшими урон)
(Которые) и ушли (умирают) без веры (не
освященные светом имана —
веры в единого Аллаха).

*Из зикира «Тревоги находящегося на смертном одре».
(Подстр. перевод мой — К.-М. Т.)*

Потеряв всякую надежду найти при жизни справедливость, Исмаил создал полное трагизма стихотворение-завещание «Сыну»:

Къошум чачылды, сюрююм тюзде,
Бештау барамта — табмайма излеб.
Табханыма да душманым даучу,
Булбул орнуна гугук джырлаучу.

Бештау шаушалса, кюн джылыу алса,
Излеялырча мадарынг болса,
Урланнганымы сыйыр ызына
Джый сюрюююмю эсги арбазыма.

Даучу болсала, айтсала джалгъан,
Хатерсиз селеш, болма джалынчакъ,
Белгилидиле мени эним, тамгъам,
Халкъ айтырыкъды сен сорууласанг.

Барым батмасын, джогъум чыкъмасын,
Барымы бер да халкъымы сыйла,
Кесингден артха чыртда къалмайын
Болушурукъду санга Суфияла.

«Джашчыкъгъа» (осият) 1981 гж., Джингирик.

Кош мой разрушен, отары (стадо) бесхозны
(где-то в степи),
Преграда — восточный ветер (бештау), мешаает —
найти не могу,

А то, что нахожу, оспаривают враги,
Вместо соловья поет кукушка (заняла ее место).

Если бештау (ненастье, ураган, темень) прекратится
и день обретет тепло (прогреется, станет теплым),
И у тебя появится возможность искать (поиска),
Отбери то, что у меня украли,
Собери мое стадо (отары, то, что я создал, развел)
в мой старый двор.

Если вступят в тяжбу (ссору), станут врать,
Говори безжалостно, не превращайся в просителя,
Известны мои метки, тамга (клеймо, тавро),
Народ скажет (укажет), если ты спросишь.

Что мое — пусть не исчезнет,
что не мое — пусть не возникнет.
Отдав (подарив) мое, уважь мой народ,
Не отставая (ни на йоту) от тебя
Будет помогать тебе Суфиля.

1981 г., с. Джингирик.

(Подстрочный перевод мой — К.-М. Т.)

Все апелляции поэта к прогрессивным в обществе силам, попытки получения помощи, ожидание нового счастливого поворота судьбы были обречены на провал, разбиваясь о холодную непрístupность правящей чиновно-бюрократической клики.

Вполне логично считать, что Исмаил был одним из первых диссидентов в стране, в полной мере испытавшим на себе всю тяжесть тоталитарной государственной машины, политического преследования. И было бы справедливо, если это бы признали **на международном уровне**. Потому что Исмаил Семенов — гражданин страны и мира, его поэзия, полно раскрывающая вековечные духовные ценности Карачая — общечеловеческое достояние.

Глава певцов

Говоря о доминирующих в движении современной художественной мысли, предопределяющих направление эстетических поисков мотивах, Л. Колобаева пишет: «Сим-

птоматичен тот факт, что уже в начале столетия (XX — К.-М. Т.) ряд русских писателей в центр художественного исследования человека и мира стали выдвигать проблему зла». И дальше: «Для русских художников слова примерно с середины нашего века главной загадкой становится... проблема свободы и несвободы, роковой зависимости человека от «судьбы» — от стихии случая, насилия, от исторических катаклизмов, от власти и неслыханного рабства человека перед лицом государства и идеологии, от бремени больших чисел — непросветленной человеческой массы (романы «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана и др.)»²⁹.

Нужно отметить, что начиная с конца 30-х годов и вплоть почти до последнего дня жизни — писать он не переставал никогда — мироощущение, творческие искания Исмаила Семенова находились тоже именно в русле этого «общероссийского самочувствия» и были сосредоточены вокруг тех же проблем. Что обуславливалось интуицией большого художника, ясно ощущающего пульс времени и отзывающегося своими произведениями на это биение. Общая обстановка в стране, происходящие события диктовали и адекватную реакцию на них мощных духом и сознанием художников слова.

По многим, подаваемым жизнью поводам мы сетуем, что, зачастую не хватает у современников дара своевременно, ответственно и достойно оценить даже выдающееся культурное событие, научный подвиг, беспрецедентный вклад в развитие человечества, и не потому, что как заметил поэт, «большое видится на расстоянье», а просто из духа противоречия, противодействия, из-за банального корыстного нежелания или неумения признать их таковыми.

Нынешнее суетное время, к великому сожалению, свидетель самых опасных трюков с массовым сознанием, когда для того, чтобы, скажем, объявить человека или город, или целую республику, народ, регион (чего стоит одно, уже четко обретшее криминальный оттенок, для многих россиян зловеще звучащее: «лица кавказской национальности...!»), государство — врагом или вражеским, бандитом или бандитским, неблагонадежным, антиконституционным и т. п. (или второсортными, неполноценными — пенсионеров, экстремистами — студентов и т.д.) никаких дока-

зательств не требуется, достаточно одного преступного указания сверху, господского желания, тут же вызывающего верноподданнический трепет и холуйское рвение у бессчетно размножившейся, паразитирующей, жирующей на теле народа, всеподмявшей под себя чиновной бюрократии.

Если всякие грязные ухищрения в полном ходу, с большим успехом применяются сейчас, когда какая-никакая, но вроде не совсем еще убита гласность и будто не возбраняется поискать правду, что и говорить об отличавшейся небывалой жестокостью и абсолютным бесправием масс времени сталинской тирании, точно так, как и воследовавших годах диктата ее выкормышей — премников.

Поэтому у Исмаила Семенова не было никаких шансов не то что выиграть, а хоть сколько-нибудь выстоять в навязанной ему беспощадной, смертельной схватке, которую он, вполне ведая с кем имеет дело, наверняка осознавая, предвидя грядущий неизбежный финал, все-таки провел, не щадя своих сил и жизни, ибо именно такие непомерные сверхусилия и являются тем позитивом, что в последний момент всегда перевешивает на чашах истории, из-за чего жизнь всегда перспективна, остается событием радостным, прежде всего счастьем, человек не теряет ощущения полета, не загоняется в депрессию, способен перебарывать все трудности в устремленности к недостигаемому идеалу. На счастье, такова его природа, что не может он долго держаться за плохое, ориентироваться на падения, поражения, для полнокровной жизни ему необходимы светлые надежды и порывы, добрые стороны бытия, культура и прогресс — иначе все сразу же потухнет, мир захлебнется, отвратится от будущего. Поэтому, пусть со временем, но история, в большинстве случаев, все ставит на свои места, называя события их собственными именами.

В принципе, это и есть стержень бытия, основа дальнейшего развития, тот самый фундамент, в котором одним из краеугольных камней является «жизнь классики во времени» (Н. С. Надъярных).

Без сомнения, неотъемлемой частью ее, важным составным общечеловеческой культуры остается теперь уже навеки обретающая свое истинное место поэзия Исмаила Семенова — одного из самых ярких, выдающихся людей

нашей земли, великого человека страны и мира, чья жизнь и творческая судьба отозвались и еще долго будут отзываться благом на всех, кто любит свой народ, литературу и искусство, поэта, в бессмертных строках воспевшего свой родной Карачай, свой Кавказ и весь мир.

Но... нет, известно, не говори «гоп» пока не перескочишь. Без сомнения, имя и произведения Исмаила Семенова — одна из самых ярких страниц поэзии Северного Кавказа — поднявшие новописьменную национальную литературу, искусство на новый, сопоставимый с общечеловеческими художественными достижениями уровень, и ныне остаются в целом вычеркнутыми из жизни. Потому что за исключением одного, по частной инициативе выпущенного издания («Джырчы Сымаил», М., 1992) и публикации текста поэмы «Акътамакъ» в ж. «Минги Тау» (1996, № 1), созданный автором гигантский прекрасный поэтический материк — вне поля зрения современного читателя. Причина сохранения такой ситуации и в нерешении, несмотря на многочисленные инициативы, тех проблем, которые выше перечислялись — что будто завязаны в гордиев узел, уже около 15 лет о необходимости этих мероприятий — юбилейного вечера, научной конференции по творчеству, издания ПСС, увековечения памяти и т. д. — речь, а воз и ныне там.

Усугублению положения, несомненно, способствовали и многие специалисты литературы, которые в своих работах инертно продолжали (-ют) относить Джырчы Исмаила к «категории фольклорных старцев», чье время, если и было некогда в силе, то давно и безвозвратно прошло. Они не желают или не умеют признать, что творчество Исмаила Семенова — это совершенно новый уровень художественности, качество настоящей литературы, высокой поэзии, как любое гениальное явление, надолго превзошедшее свое окружение. Художественный дар Исмаила если и можно сопоставить, то с такими величинами, как А. С. Пушкин, С. Есенин, чьи звезды зажглись для всех времен и народов. И то сказать, если Пушкин «начало всех начал» для русской литературы, то Исмаил Семенов — прекрасное начало и сегодняшнее лицо карачаевской. Можно сказать и по-другому: есть поэзия Исмаила Семенова — есть карачаевская литература, нет поэзии Исмаила Семенова — нет карачаевской литературы. Соответственное, по справедливости, и должно быть к его имени и им сделанному отношению.

Ясно, что для кардинального изменения ситуации решение по этим вопросам в республике должно приниматься на правительственном уровне. Но... вот еще два примера. По моему обращению на имя главы КЧР Хубиева В. И. от 14 марта 1998 года, при участии и поддержке ОПО «Алан», было принято соответствующее Постановление Правительства, но, к сожалению, оно осталось на бумаге, ничего сделано не было. И следующее мое обращение в середине 2000 года на имя Президента КЧР Семенова В. М., Народного собрания и Правительства КЧР, видимо, до первых лиц — конкретных адресатов, не дошло. На него мной был получен ответ из Министерства печати, в котором говорилось, что Минкультуры республики проведение в 2001 году юбилейного вечера Исмаила Семенова берет на себя. На деле это тоже не подтвердилось.

Таким образом, более полувека преследовавшееся тоталитарными политическими режимами единственное, как эстетическое достояние бесценное, ничем не заменимое творчество Джырчы Исмаила и теперь остается втуне. Многократные начинания, попытки писателей, деятелей науки и культуры хоть теперь отдать дань уважения, признательности выдающемуся поэту и певцу не увенчались успехом³⁰.

По-прежнему не произносится или мало произносится — на официальном уровне, мероприятиях — его имя, в то время, как у всех на слуху, в фаворе у общества многие другие, даже совершенно ничего в художественном отношении, ценностном плане не создавшие, но сумевшие, как говорится, пыль в глаза пустить. Такого, благо, нет в мировой практике — чтобы всегда вверх тормашками, народы умеют и вовремя определить, и по достоинству оценить, и, если нужно, защитить своих выдающихся представителей. Думается, пора понять и признать власти предрержащим, а также национальной творческой интеллигенции, продолжающим «эксплуатировать» некогда составленный и благословленный сталинистами иерархический список представителей литературы и искусства то, что давно несомненно для простого народа: если есть у нас классик — это в первую голову Исмаил Семенов — как он сам писал: «Я — глава певцов» — своей великой поэзией озаривший души всех поколений соплеменников, рожденных в двадцатом веке, остающийся непреходящей ценностью для грядущих времен.

Добавить к им сделанному мы можем лишь то, чтобы восстановить это уникальное наследие в полном объеме и

позаботиться, чтобы сделать его доступным для иноязычного читателя, то есть инициировать переводы произведений на другие языки, проследить, чтобы это было сделано ответственно, на должном уровне.

Игнорирование же — вольное — невольное — этого достояния народа значит одно: что и сейчас торжествует зло. То зло, что в течение полувека окружало, унижало, убивало Джырчы Исмаила, доведя атмосферу вокруг него и его самочувствие до безысходного состояния, которое он горько обозначил: «При жизни, как мертвый».

Чтобы не заканчивать публикацию на этой трагической ноте, которое, к сожалению, до конца дней терзало поэта, для всех заинтересованных в вопросе возрождения и дальнейшего развития народов, восстановления исторической справедливости, лиц, организаций и т. п. внесу предложения, которые, как и выше называвшиеся, необходимо, считаю, претворить в жизнь: так как вся жизнь и дела Исмаила Семенова, его бессмертная поэзия были от народа и для народа, каждое его слово благотворно, зовет человека ввысь, в рост, к прогрессу, к непреходящей духовности, учит в любых ситуациях оставаться человеком — учредить и присвоить национальной премии карачаевского народа за выдающиеся достижения в области науки и культуры, литературы и искусства, общественную и иную, во благо мира и процветания жизни, благополучия людей деятельность — имя Исмаила Семенова. В столице республики создать музей поэта.

Два поэта, две судьбы, два мировидения

Читая, перечитывая, восхищаясь удивительной поэзией Джырчы Исмаила Семенова, потрясенный его стихами о переселении, работая над статьей по творчеству, я записал: «На Северном Кавказе, а может, и в СССР, не было поэта, жившего в стране, и так открыто, безоговорочно, с такой силой, последовательно обвинявшего кровавый сталинский режим в преступлении против своего народа, против человечности». И сразу встал вопрос: «А что же Кайсын? Не уходил же он от этой темы, не прешагивал че-

рез трагедию, неизбывную боль своего народа?!» Конечно, не уходил и не перешагивал. Но в свете почти из небытия вернувшихся к жизни бескомпромиссных стихов Исмаила Семенова мне пришлось по-новому переосмыслить известные страницы творчества Кайсына, посвященные переселению.

Действительно, с первого дня переселения до последнего его дня Джырчы Исмаил, как говорится, не на жизнь, а на смерть воевал своей могучей художественной силой поэзией против обрушившегося на народ зла, днем и ночью его мысли были только о победе справедливости, о восстановлении честного имени и достоинства своих соплеменников. Такие его произведения, как «В день переселения», «В Джамбуле», «Плач» (В день объявления карачаевскому народу о его вечной высылке в Азию), «Сердитое слово», «Весна», «Возвратимся», «Песня истосковавшего», «Исмаил вернулся на свою землю» и многие другие, правдиво отражающие тогдашнее состояние, самоощущение репрессированного народа, это — поэзия протеста, провидческого, точного раскрытия истинных причин происходившего на государственном уровне преступления, развенчания палачей, моральной поддержки угнетенных, духовной реабилитации и возрождения; это — напоминание о необходимости будто благословленных за время эволюции самой природой человеческих устоев, о незыблемости, приоритете по крупицам, в тысячелетиях, отобранных людских ценностей, это — требование возврата к нормальному укладу, естественному течению жизни.

Так как ни одно из этих, созданных в годы геноцида, произведений еще не переведено на русский язык, есть необходимость приведения здесь хотя бы нескольких фрагментов в подстрочном переводе. Вообще, нужно отметить, что опубликование творческого наследия выдающегося карачаевского поэта по сей день остается актуальнейшей задачей национальной литературы, культуры, искусства, так как до сих пор не осуществлено не то что издание ПСС — отражение мудрой, высокой души незабвенного автора — а хотя бы одного, добротного, достойного сборника; тысячи его стихов, неординарных мыслей, немеркнущих образов еще не собраны; его творческие находки, эстетические открытия, разворывавшиеся в течение десятилетий, не возвращены в «старый кош» их хозяина;

не проведено ни одного более-менее стоящего, в том числе юбилейного мероприятия, имеющего целью полную реабилитацию, возрождение, возврат поистине бесценных поэтических россыпей Джырчы Исмаила народу.

Известно, лишь во второй половине 50-х годов Н. С. Хрущев объявил стране и миру, что культ личности Сталина принес людям неисчислимые страдания, что переселение целых народов было преступлением. Исмаил Семенов в своих стихах это сделал намного раньше, сразу же, как понял истинную сущность сталинизма. Вот стихи, написанные в первые дни переселения:

Если (темный) неграмотный (человек) сходит (сошел)
с ума, его ведут к мулле*,
Быстро выйдя на (спешно находя) ведущие к нему
пути (дорогу),
Если (сам) мулла сходит с ума, идти ему некуда
Не прав он, прав он — не осознает (не может понять)
Не до этого.
Могущей (не боясь) отважиться вразумить его
ни одной души нет.
Указать на его ошибку, чтоб он сделал правильные
выводы (понял ситуацию)—
Нет человека такого,
Эй, (самый высший начальник, верховный)властитель
как ему (вздумалось, нравится) хотелось
Сделал,
Жестокий приказ (указ подписан) его рукой, (им)
Утвержден (вступил в действие).

*Из стихотворения «В день переселения», 1943 г.
(Подстрочный перевод мой — К.-М. Т.)*

Только после развала СССР, в последнем десятилетии XX века, после долгих мытарств, переселенные народы получили от вышедшего на новый путь развития государства «Закон о реабилитации», то есть официальное признание своей невиновности. Только в это время было во всеуслышание сказано и о причинах геноцида народов, и о палачах их. Из произведений Исмаила Семенова, посвященных теме переселения, видно, что он в первые же дни трагедии понял мотивы злодеяния, назвал главного винов-

* Мулла — здесь: тот, кто стоит выше всех, правит.

ника — палача народов, и прикладывал максимум усилий для поддержания невинно пострадавших, для вселения в их сердца надежды.

Черноусый Карачая, кровь выпивая
Светлый день наш превратил в чёрную ночь,
Горе, тревоги все (одновременно) сразу к нам перебираясь
(неотвратно) (переходят, перешли)
С поднятой головой не смотрит (не поднимает головы)
Карачай мой.

Из дома (нашего) выгнали (изгнали)
Теперь (уже) дома нет.
Из сел (наших) (местожительства нашего) выгнали (изгнали)
Сел (местожительства) тоже нет.

Жизнь наша (теперь) не жизнь — сплошное пламя
(горящий огонь)

Каждый день не день, — летящая пуля.
Сегодня нет ни одной души, (видящей) испытывающей
счастье (нет ни одной счастливой души)...
С поднятой головой не смотрит (подняв голову не смотрит)
Карачай мой.

Религию нашу отняли, теперь и религии нет.
Родину отняли, теперь и родины нет.

Если надежды (искра) лучик в сердцах не будет жить
(не будет цвести)
К снежной горе вернуться (пойти по этой дороге)
не появится дня
Если справедливость (правда) не встанет и не повергнет
(поборет, победит) (это насилие) зло,
С поднятой головой не сможет посмотреть мой Карачай.

В (этом мире) пределах (бескрайности, широте) этого мира
Для нас нет защиты (прикрытия).
Имеющего название Карачай (под названием Карачай)
Теперь и народа нет.

*Из «Плача» (В день объявления карачаевскому народу
о его вечной высылке в Азию), 1943 г., Средняя Азия.
(Подстрочный перевод мой — К.-М. Т.)*

За великую поэзию Исмаила Семенова били на протяжении всей жизни, вплоть до разрушения «империи зла». Если б не падение тоталитарного режима, вряд ли и сегодня мы имели б возможность приобщиться к неповторимо-

му творчеству великого Джырчы. Ставшего олицетворением народа.

Эти же слова мы говорим о Кайсыне Кулиеве.

Два поэта, две судьбы, два мировидения. Именно здесь, на мой взгляд, и кроется причина того, что к отображению темы переселения, в самой форме художественного анализа — как известно, обуславливаемом не только уровнем дарования, но и жизненным опытом, — они нашли два разных подхода, отличные пути поэтической самореализации, идейно-эстетического претворения, использования привнесенного действительностью материала.

Исмаил видел другой мир, дореволюционный, выбрал в себя и его дух, обрел историческую, независимую от субъективных и конъюнктурных факторов широту взгляда, естественную, органичную, от природы, от рождения, имел возможность сравнивать, обобщать. Когда он, как и большинство народа, поверил в идеи Октября, он воспевал, благословлял их. Когда разуверился, увидел зло тоталитаризма, бескомпромиссно, смело, достойно пошел против лиха, лихоедеев, их порождавшей системы.

Кайсын — ровесник Октября, ставший известным советским поэтом, с молоком матери впитавший веру в идеалы добра и справедливости, начертанные на знаменах коммунизма. Кто из нас, изгнанных с родных земель или родившихся в степях Средней Азии детей спецпереселенцев может, положив руку на сердце, сказать, что советский строй всегда был для него ненавистен, что для него никогда не были тайной причины народных страданий, что он всегда боролся против проявлений сталинизма? Большинство нас, как и, пожалуй, полмира, в разное время и в разных ситуациях присягали, если понадобится, отдать жизнь за Советскую власть и, как известно, веру святую в светлое будущее растеряли очень недавно, после горбачевских «перестроечных деяний». К сожалению, в российском обществе всегда легко забываются, нередко игнорируются уроки истории и правда. А потом, презревшие справедливость, все мы горько и тяжело расплачиваемся за это.

Советская власть для подавляющего большинства населения страны, как и для писателей в том числе, не была пустым звуком. Это вполне выражено и в кайсыновской «Горской поэме о Ленине», поэме «Осуятым» («Завещание»), где поэт обнажил перед тогдашним советским обществом страшные события, ужасы переселения. Ку-

лиеву удалось ввести эту тему в официальную советскую литературу, поставить жгучие, острейшие вопросы о человечности, справедливости, судьбах народов, перед всеми.

До окончания оплота бесчеловечности — 70 лет господствовавшего в СССР строя, переселенные народы постоянно подвергались дискриминации, ущемлениям, избиениям, наветам. Мы все это хорошо помним. Поэтому считать, что в ту застойную пору поднимать в советской литературе трагическую для репрессированных народов тему было просто, не требовало мужества, самоотверженности, — нет оснований.

Исмаил Семенов предал анафеме монстра — пожирающую всех и вся чудовищную сталинскую систему, всеми силами боролся за сохранение своего народа, его жизненных ресурсов, духовно-нравственного здоровья.

Кайсын Кулиев перед каждым человеком, имеющим совесть, поставил тяжелую, животрепещущую проблему, и дал возможность задуматься, сделать выводы.

В описании ужасов трагедии поэты не разнятся, они сохранили то, что было на самом деле. Разница чисто творческая — в манере письма, художественных приемах, эстетическом духе, уровне произведений.

Слава Аллаху, что они, такие великие, такие разные, и такие всем нам близкие поэты Исмаил Семенов и Кайсын Кулиев были, что их имена, их творчества, их поэзия, не лежащие мертвым грузом на задворках нашей памяти, а живущие, духовно нас возрождающие, ставшие частью нашего национального сознания, — есть!

ПРИЛОЖЕНИЕ

АХРАТХА ПИСЬМО

Семенланы Исмаилгъа

Сен ауушдунг. Осиятынг

Менде къалды.

Сен кюсеген заман келди —

Кюн шаушалды.

Чыкъдым джолгъа... Кёрюрге кёз,

Тутаргъа къол

Болғанлыкъга, алай
сыйдам
Туйюдю джол.
Кёб заманны узагына
Мал бош къалыб
Ким семенлеб, ким мысхытыб,
Кесине алыб,
Тюрлендириб, къуйрукъларын,
Къулакъларын
Сен кесинг да джангылырча
Этиб барын
Чачхандыла: бедербетле,
Джаламишле,
Этгендиле аны юсюнде
Харам ишле.

Алай а мен: «Бар батмасын!
Джокъ чыкъмасын!
Кёрген айтсын! Алған
берсин!
Мысхытмасын». —
Дерикме да, тамгъаларын
Энлерин да
Айтырыкъма тюрсюнлерин
Нелерин да.
Алай этсем, тюрленсе да
Тамгъасы, эни
«Башхады» — деб алдаялмаз
Киши мени.
Ариу айтыб, арбазындан
Ашыралмаз
Арткъ иегили малны
Джашыралмаз...

Эшитдим да «Минги Тауну»
Кишнегенин,
Ангыладым, малынгы ким
Кючлегенин.
Бардым... Барсам, «Минги Тау» да,
«Чалкъычыкъ» да
Аркъанланыб-аркъанланыб
Эртден чыкъда.

Тюрленгенди «Минги Тауну»
Кишнегени*.

* «Минги Тауну» кишнегени — «Минги Тау» деген джырыны макъамын бироз созуб джырагъанларына айтылады.

«Чалкыгы» да башха бир саб*
Ишленгенди.
Экисин да джыйдым кыошха,
Джокъду даучу.
«Ауушханды» — делле гуду,
Мал урлаучу...

Джыйгъанлыкыгы, ким эсе да
Уста бёрю.
Такъса билиб — стауатны
Чола кёрюб:
Тайдыргъанды «Минги Тауну»
Стауатдан...
Энтда чыккыдым джортууулгы,
Миниб атха.

Гузабама... Ыз кетгенди
Дауурлагы
Дауур улу телерикди
Ауур багы
Уру берсе неда кеси
Уру болса:
Бетсизлиги джамагыатха
Туру болса...

Уру болду! Мен тутхан иш
Толу бишди.
Дауурну да сыйы бираз
Тёбен тышдю...

Кёбейдиле «Минги Тауну»
Урлаучула
Башха джырны: «Меники!» —
деб
Джырлаучула.
Ма, сёз ючюн: кыама кетди,
Кыалды кыны,
Алай деген, тас этгенбиз
Биягыны.

Тайдыргъанла кесибишни
шохарыбыз
Ала кыалай эталдыла былай
табсыз?

* «Башха саб» — деб, «Чалкычыкы» деген джырны макъамина башха сёзлени джарашдырыб, «Кесибишникиди!» — деб джырлагъанлары эсгертиледу.

«Ышанганынгдан табхын»
дегенлей болуб
Ызын алыб, тургъан джерин
кесгин соруб.

Джетдим... Джетсенг,
алайгъа джет — бермейле
сыр:

«Минги Тау» кесибизни эски
халкъ джыр» —

Дейдиле да, болмайдыла

Бирден эки.

Нечик дженгмез ётюрюкню

Энди керти?

Бу хал мени болумуму ауур
этди,

Джалгъан дауну кёлтюрал-

май дауур этдим,

Кёргюзалдым: иегини,

тамгъаны, энни

Сыйыралдым, ишни табы

меннге келди.

Сыйыра тур: туталмадым

Энтда къолда.

Дон къазакъла тайдырдыла

Келиб Дондан.

Анда ала: «халкъныкъыд» деб,

Чарсха салыб,

Ол чарслада «Минги Тауунг»

Ёчлер алыб;

Мурат этиб тумаларгъа

Къарада акъны.

Кюрешдиле къолларындан

Келген чакълы...

Болалмалла, биченде отну

Джашырыргъа

Къонакъланы мыдах этиб

Ашырыргъа.

Хорламыма бек къууана

Алыб келдим:

«Джан сау болуб урлатмазма

Энди» — дедим.

— Аллахха шукур! Энди

тылпыу

Чыгъарайыкъ.

Сакълыкъ, сен да арыгъанса:
Тынчай-солу.
Дедим да мен табын этдим
Душманлагъа:
Эссизликге, сансызлыкъгъа
Негер болуб.
Учду!.. Кюйдю!.. Табсанг къойма,
Биягъыны.
Тау Артына аугъанды ызы
Туягъыны:
Тау Артында кесибизни
Гюрджюлюле,
Аны къабхын болгъанын да
Биле-биле,
Ант этелле: «Бизде джорукъ
Къатыды!» — деб —
Кесибизни гюрджю халкъны
Атыды» — деб.

«Ий, къатынны антынамы
Ийнанайым?
Тауукъну къанатынамы
Ийнанайым?» —
Дедим да мен, белгилерин
Кёзге тутдум.
Бар, алайда даучулары
Терк джунчутдум.

Аудукъ бери, «Минги Тау» да
Биргебизге,
«Урлатмазбыз ким келсе да
Энди сизге!» —
Деб тургъанлай, энтда
чыкъды
Тхабисим.
Къайдаса? — деб салыб
бардым
Анга кесим.

Барсам, ол а, Адыгейде
Бир джазыучу.
Мысхытханын къайтармазгъа
Бек базыучу.

— Сеннге дери сыйыргъанбыз
Бешеуленден.
Айтыу, этиу керек тюддю

Бизге сенден.
Джюрютмейик урушланы,
Тююшлени,
Адыг халкъны хатери ючюн
Кечдим сени. —

Бу сёз бла ол да къадды,
Мен да кетдим. «Минги Тауну»
къолдан кетмез кибик этдим...

Башха тасларынгы излей
Чыкъдым элге.
— Антологиягъа бир кёз джетдир! — делле.

Бардым ары. — Урланган
джокъ,
Аджашханла.
Отлайдыла.
Белгилилле бизни малла.
«...Ой, сууну ёрге келеди
Бир ала чабакъ, акъ чабакъ.
Шам Семенлада келин болгъа эд
Мени суйгеним Акътамакъ».

Дедиле да, макъырдыла
Онджети мал.
Иш онгуна, чарх аллына —
Игиди хал.

Ма малыбыз... Ма, энибиз...
Энинг сени.
Энди кёлум тынгы табды
Бираз мени...
Излерикме. Табарыкъма.
Барды кючюм.
Атам, сени осиятынг
Толур ючюн.

Мал иеси аджашдырса,
Кютген малын.
Анасыны кюйнунда да
Излейд аны...
— Багъырлагъа бир бар — деди,
Биреу манга.
Мен тюртюрек джууаб
этдим

Ол айтханнга:
«Багъырлары къабхын къазан
Этмейдиле.
Къошулганны: «Меники!» —
деб
Кютмейдиле.
— Тюз айтаса, Къасбот кеси
Алай эди.
Башханькъын ол къабхыннга
Санай эди.

Ол ёлгенли, малчылары
Табханларын:
«Аныкъыд?» — деб джыйгандыла
Саулай барын.
Сюрюююнде Къасбот кеси
Кёрмегенле...
Ол: Не «Хей!» «Ха!», не уа «Юс!»
«Джик!»
Демегенле
Отлайдыла. Джангы сюрюю
Джыйымдыкъды
Къоша барсанг, энтда кеб мал
Сыйынныкъды...
Бар да къара, алай эсе
Ишинг сени.
Танырыкъса. Белгилиди
Атангы эни»

Барсам, сени талай малынг
Бир джаякълаб,
Отлайдыла, керпеслениб,
«Айджаякъда».

«Кёзлеринг кёзюр ойнайла,
Сёзлеринг джюрек байлайла
Ариуну эшиги джабылсын,
Ариуну кёбле сайлайла».

Мындан сора да ала бла
Бир талай мал,
Ал, Азрет, атангыкъын
Тартынмай ал!
Трам тамгъа, Акътамакъны
Хар сёзюнде.
Кёргюз аны, даулашханны
Тюрт кёзюне...

«Мал» — дегени — макъамлары
Эм джырлары
Ким билмейди ол джырланы
Баш сырларын?

Джокъду алагъа ушаш не уа
Ала ушагъан.
Хар къайсысы бир тамаша,
Нюр джашнагъан.

Мындан былай, атланайым
Маулутлагъа
Бередиле анда санга
Уллу багъа.

Джан салалла зикирлеге
Макъамларынг.
Аланы да келтирейим
Дженгил барыб.

Бардым ары: «Къайтарыгъыз!»
Деб чамланыб.
Кеси бергенди — дедиле —
Макъамланы.

— Кеси берген эсе — дедим
Мен алагъа:
Исмаилны зикири деб
Энчи багъа
Нек бермейсиз? Нек боласыз
Анга салкъын?
Нек ашайсыз мени атамы
«Дууа хакъын?»

Къулакъ салыб тынгыласанг
Пикирлеге
Джырладача урлау джокъду
Зикирледе.
Келишдиле, мен айтханны
Тюзге санай.
Сыйырмадым.
Бюсюреулю къойдум алай.

Атам, къойгъан затынг
Халкъынг бла бирге.
Тынгылайма, къулакъ салыб
Мен эфирге.

Береди́ле сен чыгъаргъан
Макъамланы.
Тансыкълайма, таныб-таныб,
Мен аланы.
Ма, сёз ючюн, макъамчыгъын —
«Арбачыны»
Алгъандыла «Колхоз» — деген
Джырдан муну.
«Возьми меня в Балкарию»
Деген макъам,
«Саламтондан» — алыннганды
Тюзю, атам!
«Минги Таудан юсюме»... деб
Джырлагъан да,
Макъам джанын «Аууал айдан»
Урлагъанды.
«Сюрюучюню» макъамыны
Арт джанын да
«Джаш болдумдан» алгъандыла,
Бил аны да.
«Джюрюгеннге джёрме» — дейле,
Энтда кетдим.
«Джанкъылычда» джукъ болур — деб
Ишек этдим.

Бардым сора, онг джанымы
Анга бура.
Эсим сезиб, кезюм кёрюб,
Табдым: Ура!
«Джуддуз атлы, балдан татлы
Ананг сени:
«...Балдан атлы, балдан татлы»
Болуб тура!!!

Атам, алкъын кёбдю ишибиз
Экибизни.
Атам, энтда тинтерикме
Тауну, тюзню.
Атам, энтда санарыкъма сюрюулени.
Эсимдеди сени тамгъанг,
Сени энинг.
Джюрегимде сени халинг,
Сёзюнг, ишинг.
Баджарлыкъма, ишни ызындан
Къысха тюшюб.
Сенден тилек: боллукъ эсе

Бир мадарынг.
Ашыкъдырма. Иш биттинчи:
«Кел!» — деб ары.

1988, февраль.

II

Энди айтырым а, иги хапарды,
Бек къууанныкъса, эшитсенг аны,
Кесим баргъынчы, джаза турурум
Бир бек келеди, санга быланы.

Сен кетгинчи да, баулары юзюлюб,
Тёгюлген эди мынчакъ тизиуюнг.
Кими ташагъа, кими туурагъа,
Кими хандагъа, кими къумлагъа,
Кимин къар басды, кимин ырхы элти.
Затынгы къадар талауул этди.

Кесинг айтханча, хунанг чачылды.
Тыш арбазлагъа ташы ташылды.
Бетсизле аланы энчиледиле:
«...Бизникелле была!» — дедиле.

Ол кёзюу кетди чырт къайтмаз джары,
Биргесине да артыкълыкълары...
Энди аны орнуна келди таб заман
Ким да тюзлюгюн табарлай, тамам.
Кесинг айтханча, кеб малынг тюзде
Джыйышдырама, соруулаб — излеб.

Алкъын бардыла асылу адамла
Кеслери огъуна болушуб, ала,
Къайгъырадыла бизни бла тенг,
Атаб айтайым, билир ючюн сен:

Джыйыб, басмалаб, сакълаб аламат
Бизге «Акътамакъны» келтирди Азамат,
Шамсюдюнде табылды аузынг.
Къууаныб, барыб, алгъанма джазыб.
Кесинг саулукъда джоралаб нюзюр
Онбир джырынгы джаздыргъан Назир
Аузынг къатыш берди саугъагъа,
Тыйыншылд анга махтау, сый, багъа.

Тёгюлгенинги джыяма, табыб,
Урланнганынгы алама, таныб,

Аджашханынгы табама, излеб,
Алкъын кеб затынг табылмай тюздед.

Энтда тилерим: болса мадары,
Не къадар мычыб чакъыр
мени ары,
Не ючюн десенг, ары барыуну
Бир заманда да джолу джабылмаз.
Осиятынгы тамам этерге
Мен кетсем мында киши табылмаз.

Семенланы Азрет, 1988 гж.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Надъярных Н. С. «Солнечные кларнеты» Павла Тычины как явление небарокко // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. Вып. I, М. «Наследие», 1995, с. 25.

² Джырчы — букв. певец. Но карачаевцы вкладывают в это слово гораздо большую смысловую нагрузку: человек, выражающий дух народа, показывающий его культуру, талант. Он — сочинитель и исполнитель песен.

³ Точное время рождения Исмаила Семенова не установлено. В прижизненных документах указаны разные даты — 1874, 1876, 1878, 1886, 1894, 1896 г., которые опровергаются очень многими, лично знавшими поэта, людьми. По их свидетельству, большинство этих чисел появилось в период депортации народа, когда на карту было поставлено само его существование и до сохранения настоящих сведений о бесправных спецпереселенцах ровным счётом никому не было дела. Следуя своей прихоти, ведущие их учёт полуграмотные служащие комендатур могли исказить даты, имена, фамилии и т. п.

Некоторые, близкие к Джырчы Исмаилу, люди, согласно своим наблюдениям, годом его рождения считают 1894. Вот что, например, говорит об этом известный этнограф профессор И. Шаманов: «Не раз приходилось видеть, как в случаях необходимости определения старшего по возрасту среди присутствовавших (что, известно, у карачаевцев, как, впрочем, и в среде других горских народов, неукоснительно следующих требованиям национального этикета, случается нередко, скажем, когда идут по улице, садятся за стол или просто для беседы в любом удобном для этого месте и т. д.) Исмаил Семенов иногда говорил (уважительно) Биджиеву Адею: «Ты на 2—3 года старше меня!» и занимал место слева от него. А было точно известно, что тот родился в «год холеры» («Холер джыл»), то есть в 1892 году». (Из устной беседы — К.-М. Т.).

Старший сын Джырчы Исмаила Азрет Семенов, несомненно, на сегодняшний день один из лучших знатоков его жизни и творчества, годом рождения отца называет 1891 год. Однако младшая дочь народного поэта Софья Исмаиловна Семенова считает, что нет никаких оснований ставить под сомнение дату 20 марта 1870 года, который и записан в паспорте, выданном поэту в 1957 году, после возвращения из Средней Азии. Следует заметить, что им отец завещал (стихотворение «Сыну») решение всех вопросов, касающихся своего наследия.

Как бы там ни было, представляется целесообразным взять, для начала за основу, хотя бы, например, одну из указанных дат и провести юбилейные торжества (на которых можно будет уточнить и день его рождения), так как общество давно в неоплаченном долгу перед великим Джырчы и искусственное затягивание, волокита с проведением важнейших мероприятий есть продолжение, пролонгирование нынешним обществом былой несправедливости, нанесение и теперь урона образу и памяти выдающегося сына нашей земли, как и непоправимого вреда делу национального возрождения, каждому из нас в отдельности и всем вместе.

⁴ Из хранящихся у автора копий заявления Софьи Семенович на имя секретаря Карачаево-Черкесского обкома КПСС Кипкеева Р. К. от 21.03. 1988 года и подстрочного перевода ее опровержения «Правда такова», опубликованного в газете «Ленинни байрагы» 22 сентября 1988 года. Здесь и дальше в цитатах сохранён стиль приводимых документов.

⁵ Караева Зухра. Художественный мир Исмаила Семенова, М., 1997, с. 14.

⁶ Султанов К. К. Самосознание национальной литературы. Ценностные аспекты //История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. Вып. I, М. «Наследие», 1995, с. 4.//.

⁷ Караева Зухра. Указ соч., с. 155; 157.

⁸ Къагъыйланы Назифат. Къарачайны Халкъ джырчысы. Газ. «Ленинни байрагы», 1988, 7 октября; Караева З. Б. Художественный мир Исмаила Семенова, М., 1997;

Тотуркулов К.-М. Н. Поэзия Исмаила Семенова — общечеловеческое достояние. //Материалы международной научно-теоретической конференции, Черкесск — Архыз, 28—31 октября 1988 г. //«Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межнациональных отношений на современном этапе, Черкесск, 1999, с. 292; Тотуркъулланы Къазий-Мухаммат. Эркин дуня, Черкесск, 1999,с. 9—111.

⁹ Семенланы Азрет, ж. «Минги Тау», Нальчик, 1996, № 1, с. 2.

¹⁰ Сороковойчик (сороковойчукъ) — «сороковая десятина», что равно 1,25 га земли. См. ж. «Минги Тау», Нальчик, 1996, № 1, с. 15.

¹¹ Семенланы Азрет. Там же, с. 26.

¹² Караева Зухра. Художественный мир Исмаила Семенова, М., 1997, с. 15.

¹³ Из устной беседы с Азретом Семеновым.

¹⁴ Къагъыйланы Назифат. Указ. соч. (На русский язык перевод мой — К.-М. Т.).

¹⁵ Цит. по Надъярных Н. С. Указ. соч., с. 37.

¹⁶ Этот факт тоже перевирается и используется врагами поэта. Суть обвинения в том, что власть якобы предоставила Исмаилу Семенову в собственность дом, отобранный у некоего безвестного кулака — то есть, подразумевается, что в данной истории есть сторона пострадавшая.

Вот что пишет по этому поводу Софья Семенова: «Когда певец Исмаил в 1936 году, на торжествах, посвященных 1000-летию армянского эпоса «Давид Сасунский», победил всех народных певцов страны во главе с народным поэтом Казахстана Джамбулом Джабаевым, народным поэтом Дагестана Сулейманом Стальским, также, вслед за этим занял первое место на Всесоюзной олимпиаде в Москве, ему была присуждена Сталинская премия. Но певец не захотел взять деньги, а попросил руководителей построить ему дом на память, а остальное оставить на нужды области. После этого руководство выделило стройматериалы и рабочих и Исмаилу был выстроен красивый дом с серебристой крышей. Вряд ли найдется в Карачае человек старшего возраста, который об этом не знает. Как говорится: «Бессовестный оговорит увиденное око», — так получилось здесь. Вот такая история дома певца Исмаила, «отобранного у какого-то кулака» (Опровержение «Правда такая», газ. «Ленинни байрагы» от 22 сентября 1988 года).

Несостоятельность этого слуха-обвинения очевидна и из того, что в самой его основе — ложный посыл. В нем заложено по сути несправедливое (к кому бы то ни было) требование отказаться от предоставленного (если бы это было и так. В конце концов не его корысть, не он несправедлив, не он экспроприатор) государством дома. Нелогично, чтобы в стране, где люди сплошь и рядом получали или ждали жилплощади (квартиры, усадьбы, дачи и т. п. — что одно и то же, в том числе у кого-то и отобранных...), кто-то, углядев в действиях Советской власти что-то такое негативное (и когда бы это негативное было ему известно), и не только в 30—40-е «роковые» годы, исходя из своего кодекса чести, непременно вступающего в противостояние с моралью общества, устоями государства, отказался от крайне необходимого, жизненно важного для себя блага. Так зачем требовать неадекватной, ненормальной реакции от поэта, кабы бы он и получил жилье, как трактуется в сплетне?!

Известно, все средства хороши лишь при устремленности к неправедной цели, преступлению. Что в данном вымысле наличествует — любимыми путями опорочить, дискредитировать поэта.

¹⁷ Караева Зухра. Художественный мир Исмаила Семенова, с. 16—17.

¹⁸ Семёнова Софья. Опровержение «Правда такова», газ. «Ленинни байрагы», 1988, 22 сентября.

¹⁹ Хапаланы Амырбий. «Кечеги кьонакь», «Ленинни байрагы», 1988, июль.

²⁰ Семенова Софья. Из указ, подстрочного перевода опровержения «Правда такова».

²¹ Семенова Софья. Там же.

²² Семенова Софья. Там же.

²³ Любопытно, что и эта передача, организованная и проведенная стажировавшейся в то время на телевидении студенткой 4 курса филологического факультета КЧГПУ Зухрой Тотуркуловой, едва не была сорвана уже из-за внутрестудийных (именно в карачевской редакции) интриг. Молодому автору пришлось проявить и большую настойчивость, и большое терпение, чтобы, безусловно, ставшая заметным событием в культурной жизни родного народа, первая телепередача о Джырчы Исмаиле все-таки увидела свет. Сделать же, как планировалось вначале, серию передач, насыщенных, с привлечением уже имеющегося о жизни и творчестве И. Семенова обширного материала, большого круга знавших, помнящих его людей, с выездами в селения, где выдающемуся певцу пришлось проживать, ей не дали.

²⁴ Из хранящейся у автора копии заявления Семенова Исмаила Унуховича в Комиссию по персональным пенсиям при Совете Министров РСФСР.

Видимо, написание такого заявления было заранее оговорено с Л. Соболевым (или даже подсказано, инициировано им), который ранее посетил поэта в с. Красный Октябрь Зеленчукского района и, по всей видимости, был серьезно озабочен судьбой прославленного Джырчы, искренне хотел ему помочь.

В этом же заявлении есть приписка: Копия — председателю правления Союза советских писателей РСФСР Соболеву Л. С.

²⁵ Из устной беседы автора с Назифой Кагиевой 20 января 2000 г.

²⁶ Из хранящихся у автора копий документов.

²⁷ Из письма Софьи Семеновичи писателю Чингизу Айтматову.

Кстати, и это нежелание поэта отказаться от веры в Аллаха его враги преподнесли с очередной выгодой для себя. Они пустили опять взбудораживший, возмущивший «широкую общественность», слух: мол, Исмаил Семенов не захотел поучаствовать в антирелигиозной, антиханжеской пропаганде, «превратиться в атеиста» — лишь из корыстолюбия, так как ему выгодно быть эфенди, работа которого приносит хоть и несправедливые, но постоянные и большие барыши.

Жившим в пору «развитого социализма» памятно, что не несчетными доходами, а обильным охаиванием и зуботычинами, обвинениями чуть ли не во всех смертных грехах сопровождалась тогда деятельность истинных служителей культа.

И этот факт, в свою очередь, свидетельствует, что целенаправлен-

но работавший против имени и творчества Джырчы Исмаила «идеологический, а, вернее, провокаторский, диверсионный отдел» не упускал ни малейшей возможности, чтобы еще раз и как можно больнее ударить, что для этих людей все в жизни ими затравливаемого человека становилось объектом нападок, чистое они «умудрялись» сделать нечистым, все благородное — подлым, белое — черным, великие художественные произведения выдать как бред безграмотного, тёмного, невежественного индивида.

²⁸ Из устной беседы.

²⁹ Колобаева Л. «Никакой психологии», или Фантастика психологии? (О перспективах психологизма в русской литературе нашего века). Вопросы литературы, 1999, март—апрель, с. 7.

³⁰ В частности, см. протоколы заседаний карачаевской секции Союза писателей СССР за 1989—1990 гг.

Тотуркулов К.-М. Обращение к Главе КЧР В. И. Хубиеву, Правительству, Народному собранию КЧР (от 14 марта 1998 года). Эркин дуня, Черкесск, 1999, с. 107; Обращение к Главе КЧР В. М. Семенову, Правительству, Народному собранию КЧР, июль, 2000.

Вторая книга

«Джумлай
аламгъа айтдым
сёзюмю...»

Семенланы Исмаил.
Къарачайны халкъ поэти.
(Архивден сурат. 1937 дж.)

АЛ СĔЗ

Къайсы бир халкъны да литературасы, культурасы, илмусу сынагъан затларына, джашауна кёре къуралады. Бизни Къарачайны ёмюрлюк джолунда бек къыйын болумла тюбер ючюн къалмагъанлары белгилиди — эминала къыргъаңдыла, къазауатла джыргъаңдыла, миллет кёчгюнчюлюкню, геноцидни сынагъанды — бу затла бары тин хазнабызда белгиленгенлей да, анга къатылгъанлай да келгендиле. Сёз ючюн, къарачай литератураны алыб къарасакъ — ол джангы къурала, эс таба башлагъанлай, тамырлары юзюлгенчады. Фахмулу поэтле: Къаракетланы Исса, Орусланы Махамет, Борлакъланы Тохтар, Байкъулланы Даут джашлай, 1942 джыл, къазауатда ёлгендиле. Кеслерини джашауларында этген улуу джетишимлери бла къарачайлыланы илму джанындан къаллай мийик дараджагъа чыгъаллыкъларын туру этген, миллетни культура айныууна энчи юлюш къошхан, фольклористиканы, литература критиканы, публицистиканы тамалларын салгъан Алийланы Умар бла Хубийланы Исламны (Къарачайлыны) джашаулары репрессия уундан юзюлгендиле. Къарачай прозаны башлагъан «Къара къюбюр» романны автору Аппаланы Хасан да репрессиядан ёлгенди. Фахмулу поэт Ёртенланы Азрет эмда аламет переводчик, айтылгъан врач Биджиланы Асхат репрессиягъа тюшюб, кёб джылланы тюрьме азаб сынаб, саулукъларын тас этиб, башларына бошланган сагъатда ауушхандыла. Къарачайны джашауун толу кёргюзелген, онгун, сыйын, таза иннетин дуния дараджалы сейирлик поэзиясыны къючю бла ачыкълаялгъан закий халкъ поэтибиз Семенланы Джырчы Исмаил:

Артымда джылан
Алымда — макъа
Къоян болгъанма
Мен къоркъа-къоркъа.

Бутумда кишен
Башымда — джюген
Джегеди, минеди
Минерге суйген,

деб кеси назму тизгинледе айтханлай, 1940-чы джылдан башлаб, ёмюрюню узагында халкына деб къурагъан ёхтем чыгъармаларыны тебленгенлерин, урланганларын-тоналганларын да кеси кёзю бла кёре, этер мадары болмай, джакъ табмай, властны дюрген кючюн, къамчи тауушун, джанына къркъуу салыуун сынай, ыйлыкъ, сыныкълыкъ джетиб джашагъанды. 54 джылны ичинде аны атын айтдыргъа, бир назму тизгинин басмаларгъа къоймагъандыла. Бюгюн да ол къурагъан халкыбызны онгу, огъур тин хазнасы толусу бла кюн кёрелмей турады.

Мен ангылагъандан, бусагъатда къарачай литератураны, искусствону эмда илмуну чынг баш проблемасы буду деб, закий поэтибиз Семенланы Джырчы Исмаилны дуния онгун, ариулугун джыйгъанча творчествосун толусу бла халкына, окъуучугъа къайтарыргъа мадар табылмай тургъанын айтыргъа тыйыншылды. Бу проблемагъа оноу этилмей, мындан ары литературабыз, культурабыз уллу алгъа баралырла деб да айталмайма.

20-чы ёмюрню 90-чы джылларындан башлаб Джырчыны творчествосуна аталгъан илму тинтиуле тохтаусуз барадыла дерге боллукъду. Къагъыйланы Магометни кызы Назифаны «Къарачайны халкъ поэти» деген статьясыны эмда Къараланы Басханукъну кызы Зухраны 1997 джыл Москвада чыкыгъан «Художественный мир Исмаила Семёнова» деген китабыны бюгюнню къарачай литературоведениеге айырыб уллу магъаналыкъларын чертерге боллукъду. Мийик дараджада джазылгъан Зухраны докторлукъ диссертациясы, бирси алимлени илму ишлерин да тамамлай, Исмаилны учсуз-къыйырсыз поэзия къудуретин, адам улуну культурасына къошхан уллу джетишимлерин Бютеуроссия илмуну аллында туру этгенди, бек керекли ишди.

Бу китаб да Джырчыны чыгъармачылыкъ хыйсабын эмда джашау джолун ачыкълаугъа аталгъанды.

Автор

«ДЖАНКЪЫЛЫЧДАН НЮР ТАЯКЪЛА КЪАКЪГЪАНЧА...»

**Къарачайны закий халкъ поэти Семенланы
Джырчы Исмаилны джашау джолуну
эмда творчествосуну хакъындан**

*Трам Семенни джашы эдим,
Къарачайны къадау ташы эдим,
Назмучулары башы эдим...*

Семенланы Исмаилча, Аллах берген онглу фахмусу болгъан адам бек аз тууады къайсы халкъда да. Аны творчествосу къарачай литератураны эм мийик джетишимлеринденди, аны аты миллетибизге сый келтиреди, къайда болсакъ да, аны чыгъармалары башыбызны ёрге келтюрюрге онг береди. Мен ангылагъаннга кёре, Джырчы Исмаил кесини халкъына учу-къыйыры болмагъан тин байлыкъ къойгъанды. Аны назмулары, джырлары, поэмалары миллетибизни культурасында энчи орун алгъандыла, талай тёлюню эсинден, аууздан кетмей келеди.

«Минги Тауну» билмеген, кёлю джарыгъан сагъатда джырламагъан къарачайлы болмаз, бир ишексиз, Исмаил мындан, Къарачайны чынг белгили, ёлюмсюз джырындан сора джукъ джазмай къойса да, аты, миллети бла биргелей ёмюрледе турлукъ эди. Недеди бу джырны кючу? Аны сёзлери бла макъамы табигъатны кесинден джаратылгъанчадыла. Бош, тюз сёзледен къуралгъан закий суратчадыла. Ким да окъусун, эшитсин быланы — кёлю: мен да алай ангылайма, кёреме, мен да былай айталлыгъем, сынагъан сезимлеримчадыла, кесими сёзлеримчадыла... Кертиси да, чыкъ эшикге, кёр:

Ма Минги Тауунг: Сен кёкге джете мийиксе
Майна кьалгъан тау тизимле: Ууакъ тауланы ичинде
Узакъдан да кёзлеринги кьаматхан: Мияла кибик

Джылытрай

Акъ башыны деменгиллиги: Къанга бузларынг юсюнде.

Адам табигъатха берилиб, аны кьудуретин сынагъан кёзюуде, быллай, джашау кеси джарата, шыбырдай тургъанча сёзле кишини ангысын юркютмейдиле, джюрек шошлугъун чачмайдыла, дуня ариулукъгъа байланыуна сеbeb бола, сезимлерин байындыра, мийикге, ашхылыкъгъа, игиликге тартадыла. Олду «Минги Таугъа» улуну-гитчени да илешдирген, хар адамгъа анга джюрекден юлюш этдирген. Бу чыгъармада поэзияны джорукъларыны сакъланыуу, тилни кесгин мадарларыны таб, ариу хайырланыуу авторну онглу усталыгъын, тил байлыгъын танытадыла.

Джырчы Исмаилны поэтикасындагъы суратлау кьадарны арасында айырыб улуу орунну алады чыгъармаларыны энчи хауаларын белгилеген, окъуучуну эстетика сезимлерин кьозгъагъан, эсин тартхан, джюрегине, ангысына джол ачхан интонация берекети, хар тизгинни макъамлылыгъы, хар сёзню айбатлыгъы, кьууаты: аны кьурагъан тауушланы башхала бла келишиулери — чыгъарманы чыракъ джаныб джарыкъ тёкгенча нюрлендиредиле.

Эшта, джаратылгъан сабийге анасыны белляуундан ариу эшитилген зат болмаз. Табигъат кьурамны онглулугъундан, огъурундан хар ана баласын кесича сыйлай, ийнакълай биледи. Керти поэт анга ушай болур. Джюрегинде туугъан назму тизгинни белляуун да (музыкасын) табыб, дуня джарыгъына экисин да бирге теджегенча, Джырчы Исмаилны поэзиясы — джырды, музыкады, джыры уа — закий кьудуретли поэзияды, дуня ариулугъун эркетелген, джашаугъа сюймекликни бегитген.

Сен джуддузлагъа джанаша,
Кьалгъанла сенден алаша,
Бир-биригизге кьараша,
Къалай сейирсиз, тамаша!

Басхан кьобанда суусарларынг,
Кьарачай сууда — кьундузла.
Сени башынгда джанадыла,
Нюр себе, алтын джуддузла.

Мамукъ киби́к чырма́лыб
Сени башы́нда булу́тла,
Басхан башы́ безди́рген,
Къарча́ джаша́гъан бу джу́ртла*.

«Шам Къарачайны кёгюнден таза кёрмедим...»

Бир ишексиз, акъылы, болуму, адамлыгы болгъан хар инсан кесини туугъан халкъын, джерин кёлю бла сюеди, сыйлайды, джакълайды. Анасыны сютю бла сингген аллай огъур кюч кимге да дуня джарыгъын андан да сейир кёргозтеди, адамланы бирикдиреди, иннетлерин тюзетеди, джашаугъа учунууларын ёсдюреди. Джырчы Исмаилны поэзиясы ол тукъум къудуретден джаратылгъанды.

Шайтан джел бургъан зыгъыр кесеклей
Бурулдум,
Таш тирмен эзген нартюх бюртюклей
Ууулдум,
Джан къоркъуу эте, уруш тюзде да
Сытылдым,
Тёрде да болдум, эшик артха да
Кысылдым.

Узакъ ёмюрге кёб затха болдум
Мен шагъат,
Энди айтайым, миллетим, санга
Керти зат:
Шам Къарачайны кёгюнден таза
Кёрмедим,
«Къарачай» деген сёзден сыйлы сёз
Эшитмедим.

Оду бу джерни киндиги,
Ара белгиси,
Оду дунягъа бизни талпытхан
Тёresi...
Къарачай деген — къан бла кирген

* Арт джыллада «Минги Тау» джырны толу тексти — 42 куплет (168 тизгин) талай джерде басмаланганды, школ хрестоматиялагъа да киргенди.

Джан кибик,
Аны сезмеген — сау ёмюрюнде
Сал кибик.

«Керти зат».

Керти поэзия неден джаратылгъанын, окъуучуну джюрегине къалай джол табханын ким айталыр..? Джырчы Исмаилны терен лирикалы онгун, фахмусун танытхан, сейирди бу назму: магъанасы къыйын джашауну юсюнденди, пафосу уа — ашхы затны — джуртха, Къарачайгъа суймекликни бегитеди, Аллах къурагъан джарыкъ дуняны сыйларгъа чакъырады...

Ол сегизишер тизгин кирген юч строфадан къуралгъанын кёребиз. Рифмаланган тизгинледе онушар эмда ючюшер джик (бёлюм) барды. Окъугъан сагъатда он джикли тизгинлени эки тенгнге юлешиб айтыргъа керек болады — «ишленгенлери» аны излейди, цезура танылады.

5-шер джик бла бирси тизгинледеги 3-шер джик бирбирлерине, интонацияны кючю бла, эт бла тери джабышханча, таб келишибдиде.

Алай а, къуру бу табыкъ этдиртиб къоймайды узун тизгинлени арасындагъы паузаны. Алада алдагъы беш джикни тамамлагъан, эмда ызындан келген бешни башлагъан тауушла кеслери ара айыргъанчадыла: бирин айтханлай, ызындан тохтамагъанлай экинчини айтмакълыкъ къыйынды, адамны артикуляция аппаратына табсыз келеди.

Сёз ючюн, тизгинни ара чегинде тургъан: **бургъан** — **зыгъыр**, **эзген** — **нартох**, **эте** — **уруш**, **болдум** — **эшик**, **кеб** — **затха**, **айтайым** — **санга** д. а. к. сёзледе бир-бири къатындагъы тауушла амалсыз пауза этилирин излейле. Нек десенг, **н—з**, **н—н**, **е—у**, **м—э**, **б—з**, **м—с** д. б. к. тауушланы тохтаб-тохтаб, кесгин айырыб айтмасанг, чыгъаралмайса — адамны ауузунда аланы къуралгъан орунлары эмда тилни хайырланууу биринден-бирине дженгил кечерге табсызлыкъла туудурадыла.

Санларыны тенгликлерини юсюне, назмуну тизгинлеринде ауазны не кёлтюртген, не бошлатхан бек басымлы, аз басымлы, басымсыз бёлюмлени бирча замандан къайтарылыулары, терк юзюлгенлери-созулгъанлары, цезураны пайдасы, рифмала бла бирге ритмни тамалын саладыла.

Поэзия хауаны, интонацияны кѳурагъан мадарланы арасында, ритм бла, метр бла тенгликте назмуну рифмадан бек джасандыргъан, омакъ, субай этген, айтылгъанны окѳуучугъа тамам бек алдыргъан, джокъду. Исмаилны бирси чыгъармаларындача, «Керти затда» джаратылгъан таууш параллелизмле бек кючлюледиле — 4-5 тауушну, неда басымлы джиклени келишиулері: **кесеклей-бюртюклей, бурулдум-ууулдум**, д. а. к.

Халкъ поэтни бек кеб чыгъармасында рифмала, аны онглу тил байлыгъы бла усталыгъын белгилей, назму тизгинлени тамамагъан «ишлеринден» сора, алларында да, араларында да келиучюдюле. Аллай кючге аллитерацияланы, ассонансланы, онглу суратлау мадарланы кѳошулулары назмуну бетин, интонациясын кѳурайдыла.

Лирикалы чыгъармада аны интонациясы айырыб улуу магъаналыды. Нек десенг, ол бир джанындан, чыгъарманы башхалыгъын, энчи хауасын айыртады, бир джанындан айбатлыгъын, окѳуучуну терен сезимлерин кѳозгъагъан, кесине тартхан кючюн джаратады, бир джанындан да, назмуну магъанасыны не къадар терен ачыкъланыууна себеб болуб, пафосун кѳлтюртюб, тема, идея джюгюн кесгинлейди.

Ал строфаны 1-чи, 3-чю, 5-чи тизгинлерин башлагъан сѳзледе басымлы **а** тауушну кѳайтарылыуу ассонансды, ючюнчю тизгинде сѳзлени башлагъан джумушакъ **т** таууш аллитерация кѳурайды.

Экинчи строфада 1-чи бла 3-чю, 5-чи бла 7-чи тизгинлени ахырларында тунакы тауушла бирча болуб, басымлы ачыкъ тауушла уа башха болгъанлары диссонансда чыгъарадыла.

Ючюнчю строфада 1-чи, 2-чи, 4-чю тизгинлени ахырларында келген басымлы **и** кючлю рифма чакъдырыб, айтылгъан затланы бегитген интонацияны эндиге дери эшитилгенден да къаты этеди, назмуну кесгин тамамланыуун хазырлайды. Бу строфаны 5-чи, 6-чы тизгинлеринде **кѳ** таууш кѳурагъан аллитерация, **къан-джан** сѳзле туудургъан онглу ичги рифма, 7-чи, 8-чи тизгинледеги аллитерация (с таууш кѳайтарылады), сау-сал сѳзледеги басымлы **а** джаратхан ассонанс, эмда **деген-сезмеген** сѳзлени чалышыуу рифмаланганлары текстни тыйыншылысыча «кийиндиредиле», мелодикасын ѳсдюредиле.

Чыгъарманы ичинде, аны суратлау кючюн бегитген, интонациясын кѳурагъан *ритмика, метрика, строфика, фоника* джанындан да хайырландырылгъан мадарла дагъыда кѳбдюле. Аланы пайдасындан «Керти затда» туугъан кюч-

лю акустика фон бютеу текстни, Джырчыны бирси чыгъар-маларынча, ариу, сейир музыкалы (макъамлы) этеди. Айхай да, была бары назмуну магъанасын ачыкълар ючюн, хар сёзню семантика кефин толу, терен чертер ючюн, окъучуну сезимлерине, ангысына айтылгъанны къатылыуун ёсдюрюр ючюн табылгъандыла.

«Умутларым — джети кёкню джудузу», — деб джзгъан Джырчы Исмаил дуня къудуретинде чекмеген, сгъгыш этмеген зат къалмагъанчады. Онглу лирикалы фхмусу толу чагъыб, энчи джззыууну, сезимлерини юсю бла адамгъа «**учунур насыб**» сынатхан «**джашау деген джан-детни**» да, «**дуня деген кёзбауда**»:

Къобхан къобанда
Ташха къадалыб,
Тургъан кибикди
Джашау мадарым, —

деб, адамгъа мугурлукъ келтирген, сындыргъан, аяусуз теблеб, туюуб тулукъ этген къыйынлашыуну да поэзиясында баямлайды.

Миллетибиз Азиядан туугъан джуртуна джыйылгъандан сора джззылгъан «Керти зат» Джырчы Исмаилны бютеу джашауундан хапар береди, ёмюрюнде кёргенин, ангылагъанын ачыкълайды, адамны дунягъа байлагъан огуур кючню хакъындан баш оюмун туру этеди.

«**Узакъ ёмюрте**» сыналгъанны бир гитче назмугъа джыймакълыкъ, талай образны юсю бла кёргюзюу, эшта, къуру бек онглу поэтлени къолларындан келген иш болур. Алай мийик суратлау дараджагъа, бир ажымсыз, «Керти затдача», тилни чынг онглу кесгин мадарлары бла уста, фхммулу хайырлана билиу чыгъарады.

Назмуну башлагъан тенглешидирилени ахырлары басымлы ачыкъ тауушлагъа бошалгъанлары, аланы ызындан келген сёзлени — айтымланы бегитиу къуллукъларын деменнгили толтургъанлары лирикалы геройгъа тюшген азабланы, къыйынлыкъланы азаймагъанларын, узакъ заманны — поэтни ёмюрюню асламында — тыйылмагъанларын-тынмагъанларын танытала.

Адамлыкъсызлыкъ, огъурсузлукъ, хатерсизлик кючле-ген джашауну айланчларын, ауурлугъун мындан кесгин къалай суратларгъа, ангылатыргъа боллукъду?

Магъанасыз къызыуун, нек, не этгенин киши ангыла-магъан, огъурамагъан, бир деб бир джорукъну истемеген, джукъгъа бойсунмагъан дюрген шайтан джел бурулгъан

сагъатда бютеу затны къатышханы, кюн жарыгы джабылгъаны, эс джыяргъа, оюмларгъа мадар чыкъмагъаны, игини амандан айыргъан чеклени джоюлгъанлары, джаны болгъан инсанны бу букъудан, чарсдан, бу джаханимден тышына ычхыныргъа дьгаласындан озуб, башха мурагы, термилиую къалмаучусу кез туурагъа сюелгенчады.

Быллай сыйыннгылы образны ызындан, назмуну башлануун бютюн кесгинлей, поэтни ич дуниясына, джюрегине эшик ачханча, олсагъатдагы джамагъат болумну, кърал джашауну энклеген **таш тирменни** эмда къыйын джазыуну — болумну белгилеген **нартюх бюртюкню** эзлиуюню суратлары чыгъадыла. Адамны хыйсабы, джашауу, мурагылары умур-чумур болгъан мюрзеу бурхуну халына тюшгени, джашау адамны къалай ийлегени, анга къалай зарауатлыкъла джетдиргени терен сезиледи.

«Таш тирменни» ишлетген «шайтан джел» къалай, къайдан тебренигенди?

Кюнню жарыгын мутхуз этген, джылыуун тыйгъан, джашаугъа, ашхылыкъгъа, мийикликге учунууну къанатларыны кюйдюрген огъурсуз кюч неди? Аллаи къыйынмы болгъанды закий поэтни джазыуу?

Бу соруулагъа джууаб излей, аны бютеу творчествосуну магъанасын джыйгъан, къудуретин таныгъхан, пафосун келтюрген «Керти затны» образ системасы бла бара, Джырчы Исмаилны джашау джолуна белюнейик.

«Тёрде да болдум, эшик артха да къысылдым...»

Поэтни творчествосу бла джазыуу къысха байламлы болгъаны чыгъармаларындан танылыбды. Туугъан халкъы бла бирлигин терен ангылаб, кимни да сагъышландырырча, тюшондюрюрча, Къарачайына сюймеклигин ёсдюрюрча джазгъанды ол. Закий къудуретин, халал джанын миллетине бериб, Къарачайны джарыкъ, насыблы кюнюн андан да огъурлу, нюрлю этерге учунганлай, къыйын кюнюнде уа, кесин унутуб, къолундан келгенича халкъын джакъларгъа кюрешгенди Исмаил.

Сейирди, дуния литературада, поэзияда анга дери эм белгили акъылманланы творчестволарында тюбөб келген

темаланы — поэзияны халкъны джашауунда орнун, поэтни халкъы бла бирикмеклигин, кесин аны джакъчысы халда ангылауун — бир ажымсыз, аланы окъугъан, билген да этмегенлей (ол затха поэтни джашаууна аталыб басмаланган ишле, таныгъан адамланы айтханлары да шагъатлыкъ этелле), — Аллах тюшюндюргенча, ангылаб, Джырчы Исмаил терен, кесича кёргюзгенди, эмда бу затда, фахмусуну онглулугъу бла, усталыгъыны мийиклиги бла, сёз байлыгъы бла, дуния ангылаууну учсуз-къыйырсызлыгъы бла, сезимлерини берекети бла адам улуну чынг онглу поэтерини дараджасына чыкыгъанды.

Чыкдым кёклеге учунуб, учуб,
Мийикден къараб дунияны кёрдюм.
Мен эшитмеген таууш къалмады,
Джашаугъа «сейир», «тамаша», — дедим.

Манга келгенед аллай бир кёзю:
Джумлай аламгъа айтдым сёзюмю,
Къарачай тилни сыйлы этдирдим,
Къарачай джырны кенгнге эшитдирдим.

Белгилесича, 20-чы джылланы аягъында — 30-чу джылада Джырчы Исмаилны фахмусу толу джашнайды, дуния ангылауу улуу онг табады, тил байлыгъы тамам ёседи, кюч джыяды, аты белгили болады, джазгъанлары, айырыб джырлары халкъны сюйюндюредиле, джюрек разылыгъын табадыла. Ол заманны эсгерген адамланы шагъатлыкъларына кёре, къарачай халкъ кесини онглу джырчысына берген сыйны башха бир адам табмагъанды.

Исмаилны назмулары китабла болуб чыкыгъандыла, элдеде, шахарлада, школада, тюз орамлада аны джырларын улуу-гитче да джырлагъанды, ала миллетини джарыкъ иннетин андан да бек джарытхандыла, джашау кючюне кюч къошхандыла, ёмюрледе халкъны бюртюк-бюртюк джыйылгъан тин хазнасына улуу айнытыр юлюш болуб киргендиле.

Джырчы Исмаилны поэзиясыны баш магъанасы — туугъан халкъыны тин-иннет байлыгъын, джашау нюзюрлерин, Аллахны къудуретинде — джарыкъ дунияда кесин ангылауун, игиликге, ашхылыкъгъа учундургъан адамлыкъ, миллетлик шартларын ачыкълагъанындады.

Сени сёзюнг халкъны сёзюн айтмай эсе,
Сени назмунг джюрекледе къалмай эсе,

Сени джырынг халкъ ауазы болмай эсе —
Аллай джырчы керек тюддю Къарачайгъа!

Семенланы Исмаил Къарачайны биринчи халкъ поэт-леринденди. Анга Джырчы деб, Халкъ поэт деб партия, кърал номенклатура атамагъанды, халкъ кеси атагъанды, ол миллетибиз Къарачайны чынг онглу адамларыны бирине этген хурметди.

Бир кёл басханым — джаб-джангыз бир зат:

«Джырчы Сымаил» — халкъ атагъан ат,

Ёлюб кетсем да, ол атым къалыр,

Халкъ ауузунда джырым сакъланыр.

Онглу фахму уруб баргъан тау суугъа ушай болур, къобханы сайын джагъаларына сыйынмай, беқден-бек джайылыб, джангы джерлени кючлеген, алгъыннгы ызына къайтыргъа излемей, бютеу кючюн, талпымакълыгъын бериб, аллын тыйгъан затланы къаушата, джангы, андан да къысха, терк алгъа элтген джолланы айыргъан.

Фахму хаман учаргъа хазыр болуб тургъан къанатлычады, солтанджаядан ма бусагъат ычхынады деген сакъчады:

Бар эди кюнюм,

Къакъгъан къанатым,

Тау къушха тенглик

Этген сагъатым.

Керти поэтни баш шарты, фахмусуну тамалы — ич дуниясыны толу азатлыгъы, сынгар кесини иннетине, джюрегине тынгылау, халкъына игиликге джораланнган кючюн, башхалагъа — онглулагъа, онгсузлагъа да соруб кюрешмей, Аллах бергенича, табигъат къурагъаныча, кеси излегенича хайырландырыу.

Хар кючлюге кёзбау сезле айта эсенг,

Тюз сёз бла энчи сокъмакъ салмай эсенг,

Керти затны айтыр кёкюрек табмай эсенг, —

Аллай джырчы керек тюддю Къарачайгъа!

Октябр революциядан сора, джангы властны къыйынлыкъларын сынай тебрегинчи, Джырчы Исмаил да, халкъны асламысыча, властха ийнаннганды, джангы джашаугъа атаб джырла джазгъанды. Аны творчествосуна да ол кёзюуде киши къатылмагъанды.

Белгилисича, 30-чу джылланы экинчи джарымындан СССР-де кърал репрессияла бютюн кюч алгъандыла. Бир-си джерледеча, Къарачайда да онглу адамла джюулгъандыла. Не бола тургъанын кебле ангыламай, учсуз-къыйырысыз «халкъны джаулары» кырылгъанларына хош тургъандыла, Сталинге алгъындан да бек баш ургъандыла.

Бютеу дунияны кудуретине — зауугъуна, джарсыууна да джюрегин аманатха бериб джашагъан Поэтни Аллаха алай джаратханды да, хар ишни болушлусуча ангыларгъа онгу джетгенди. Уллу фахмусуна, адамлыгъына кертелей, кыйышдырмай, кѳрген, билген затыны хакъындан джаза, Исмаил джер юсюне джайылгъан артыкчылыктыгъа къраршчы тургъанды. Ол джыллада огъуна аны къралда болумну юсюнден джазылгъан чыгъармалары халкъны арасында кенг джайылгъандыла.

Эки джашы бар эд Таубийни
Апенди бла камунис.
Эй бир-бирине этди аланы
Сталин деген Ибилис.

Сѳзю сыйдамды, оноуу терсди,
Иши уа халкълагъа ташады.
Эй, бизге этерни этгенди —
Онглу-онглубуздан бошады.

Бал таракъланы балларын эмиб,
Балауузларын тутдурау.
Эй, Алий улу Умарны джойду,
Сейитни джерге джутдурау.

Ажымлы болуб айырылдыла
Ала миллетни джолундан...
Эй, джарыкъ кюнюм кърангы болду,
Джукъ а келмейди кѳолумдан.

Кычырыкъ этиб не эталайыкъ,
Ауузларыбыз байланыб...
Хар атлаам сайын тахсачы барды
Кѳз-кѳулакъ болуб, сагъайыб.

Эй, Эресейге тѳре болалмад
Сталин деген урия.
Шыкыртсыз атлай, тауушсуз сарнай,
Кърангы болду дуния.

«Зорлукъну джыры».

Диктатураны тамам къаты заманында быллай чыгъ-
армала ючюн къой, эслемей кърал политикагъа чюйре сёз
эшитдиргенлери амалтын, таб, чыртда хаталары болмагъ-
анлай, сюймегенлерини тил этиулеры бла мингле бла адам-
ла къурутулуб баргъандыла. Алайлыгъын кимден да ариу
кёре тургъанлай, айтыр сёзюн ичине джутмагъанды Джыр-
чы Исмаил.

Юйюмю, малымы алдыла,
Джокъду аллымда тауугъум.
Колхоз уу джетген джашауда
Къайдан да болсун зауугъунг.

Адамсызлыкъ кючлеген къралны ичинде джашаб тур-
гъанлай, былай ачыкъ режим бла кюреш бардыргъан, къу-
ру Къарачайдан, не Кавказдан тюл, бютеу СССР-ни джа-
зычуларындан да, кишини эсге тюшюралмайма. Кёбле
репрессияла чекгенлери, тюрю-тюрю сылтаула бла кы-
рылгъанлары белгилиди, алай а къанлы генсекни систе-
масына кёкюрек тирегенле, аны джаныуар тюрсюнюн
ачыкълау бла тахтадан тайдырыргъа кюрешгенле болгъан
эселе да, сан бирдиле.

Сталин деген чуутлу
Джашауубузну къурутду.
Тиллерибизни чалдырды,
Кесине махдау салдырды.

Махдау салалгъан — төргеди,
Салалмагъан а — кёргеди,
Джан татлы — мен да айтама,
Арта тобагъа къайтама.

Ма эпиграмма:

Эчкиге гакгы табдыргъан,
Тауукъгъа бышлакъ сыкъдыргъан,
Джылкъыдан джюнде кыркъдыргъан,
Къойлагъа оноу тутдургъан
Сталинибиз джашасын!

Быллай чыгъармалары НКВД-дагъы башкесерлеге джет-
мей кълмагъандыла. Аланы кълалай ишлегенлеринден биз-
ни заманда ачыкъланнган шагъатлыкълагъа кёре, кёрме-
генлери, эшитмегенлери, билмегенлери болгъанды дерча

тюдю. Ол сагъатда хар адамны ызындан тюшюб тургъан-
ча болум къралгъанды. Алайлыгъын да суратлагъанды
Исмаил:

Артымда джылан,
Алымда — макъа...
Къоян болгъанма
Мен къркъа-къркъа.

Бутумда кишен,
Башымда — джюген,
Джегеди, минеди
Минерге сүйген...

Къанлы режим поэтни аяб кърймагъанды. Талай за-
манны тормеде тутханлары белгилиди. Бир ишексиз, джа-
шауу Аллах бла сакъланнганды.

Ол ауур джыллада къралны, джашауну зорлукъ кюч-
легенча, поэтни джюрегин да мыдахлыкъ басханлай тур-
гъанды.

Сен темир аугъа тюшген къранатлы,
Джукъунуб тюгюнг, тюшюб къранатынг...
Мени халым да ушайды санга,
Джашау аямай тийгенди джаннга.

Санау кюнлени бюгюн да бири,
Ётюб барады мени ёмюрюм.
Алыб келгени артыкълукъ, бушуу,
Кёргеним зорлукъ, джашауум кърюу-шуу.

Кюнде кюнюм да ётеди былай,
Умут ёледи, джашауну сынай...
Чапыракъдан да ётмейди сёзюм,
Сингиралмайма... Джетмейди тёзюм!..

Ийнаныу ёддю, кертилик келди!
Джашау адамны джаныуар этди,
Джокъ эсе азауунг, не аман тишинг
Алына барлыкъ тюддю бир ишинг.

Уста тюл эсенг сен ёторюкге,
Джюрютмей эсенг махдау-хыликге —
Акъллы эсенг да джокъ сенде болум,
Алаллыкъ тюлсе джашауда орун.

Сынау кюнлени бюгюн да бири,
Былайлай барлыкъ эсе ёмюрюм,

Кереги джокъду тамбланы манга,
Бошалсын ёмюр — разыма анга...

«Мыдах кюн».

Ол замандан башлаб, властны эгетлери онла бла джыланы узагында джырчыны унукъдуруугъа таймаздан къара кюч салгъанлай тургъандыла, ол зауаллыны къаллай бир кюнюн мутхуз этгендиле! Джырларыны, назмуларыны, поэмаларыны окъуучугъа джолларын кесиб, китабларын чыгъарыргъа къоймай, кеси саулай творчествосун да, таб атын да джокъ этерге тырмашхандыла.

Ол себебденди бююн-бюгече да туугъан халкъы да, бирси миллетле да Семенланы Исмаилны суратлау чыгъармаларыны кёбюсюн билмегенлери. Джырчыны аты барыбызны эсибиздеди, анга джырчы деб нек айтылгъанын а, барыбыз да тюл эсек да, кёбюбюз билмейбиз. Къуджур болум: онгла поэтни юсюнден хар къарачайлы сабий заманында огъуна, кесин биринчи эсгерге башлагъанлай, эшитеди. Эмда джашаууну узунунда унутмайды, нек десенг, чыгъармаларыңдан юзюкле, нарт сёзлеча, ауздан ауузгъа айтыла, къулагъына чалышханлай турадыла. Алай а андан озуб, юзмей джырланыб тургъан белгили джырланы да Исмаилныкъыдыла деб кеб адам тюзетелмейди.

Литератураны тарихинде быллай болумла тюбей келгендиле: не заманлада да къралланы кючлеген тиранла алагъа бойсунмагъан акъылманланы къурутур джанындан болгъандыла. Иш не бла бошалгъаны да белгилиди: джер юсюн титиретген кърал башчыла, залимле кесек замандан думп болуб кетгендиле, закийлени акъыл, джюрек къудуретлери уа адам улуну джолун джарытханлай турады.

«Джырым тутмакъдады, атым батмакъдады, мискин болдум джюрек инджилиб»

*Джырчы Исмаилны творчествосунда
кёчгюнчюлюкню темасы*

Кёчгюнчюлюкню юсюнден биз бююн кеб зат билебиз. Ол билимни табар ючюн, ёмюр джарымдан артыкъ заман керек болду. Дунияны алтысындан бирин хайырсыз

идеология бла тунчукъдуруб тургъан, ёретинлей алдауукъдан, артыкълыкъдан, адамсызлыкъдан согъулгъан кърал чачылыргъа керек болду. Кеб зат тинтильге, кеб джазылыргъа, кеб зат ачыкъланыргъа керек болду халкъла нек, къалай кёчюрюлгенлерин тюзетир ючюн.

Энди кърарайыкъ, бизни бюгюнню билимбиз бла Семенланы Исмаилны кёчгюнчюлюкде джазгъан затларында башхалыкъ бар эсе. Джокъду. Халкъыбыз онла бла джылланы кюрешиб, тоталитар къралны къраршчы пропагандасындан азатланыб табхан ангылауну улуу поэт кёчгюнчюлюк кюнюнде огъуна айыргъанды, ким да тюзюн билерин излеб, джазгъан да этгенди.

Къаллай бир поэзия къудурет, джашауда болгъан затлагъа кертилик барды, сёз ючюн, «Кёчгюнчюлюк кюнюнде» деген назмусунда, сау халкъны иннетин да, нюзюрюн да кёрюзген, ачы къыйынлыкъ басхан кюнюн хапарлагъан.

Сейир дуня, джаннган джулдуз,
Тийген кюн,
Барысы да бизники эд
Кёчгюнчюн.
Джюрюте эк иги умутла,
Адетле,
Талпына эк джашау деген
Джандетге.

Ариу музыка къуюлгъанча, бу сейир тауушладан къуралгъан сёзлени минг кереле къайтарыб турсанг да эрикдирмезле — алай бир мийикди, онгуду была джаратхан суратлау кюч! Не бла джетгенди поэт ол дараджагъа?

Назму бек тынч окъулгъанын кёребиз. Адам ангыламазлыкъ, аны тилин чалдырлыкъ къыйын сёзле джокъдула мында. Биринчи эки тизгинде хайырланнган эпитетле быллай сёзтутушлада ёмюрледен бери да келедиле, аланы ким да кюнню ичинде талай кере да айтады: «Сейир дуня», «джаннган джулдуз», «тийген кюн».

Была халкъны ауузундан чыкыгъанчадыла, алай а быллай тизимде назмуну къурамына аланы фахмулу поэт джарашдыргъанды.

Бу эки тизгинни окъугъанны кёзюне дуня ариулугъу кёрюнеди, джюреги джумушакъ, ингил сезимлеге белене,

учунмакълыкъ сынайды, ашхы муратла къозгъалыб, ёх-темлениб, къанатланыб, игиликге, алгъа силкинири келеди.

Кёлюню аллай улуу кёлтюрюлгенин артыкъ кёргенча къаршчы хауа ючюнчю бла тёртюнючю тизгинледен уруб, къайгъы къозгъайды, алда туугъан умутланы «тыркъ» деб сындырыб къоймагъанлыкъгъа, окъуучуну эсин да, джюрегин да экили этеди:

Барысы да бизники эд
Кёчгюнчюн.

Строфаны къалгъан тизгинлери ётген заманладан халпарлай, халны толу ачыкъламагъанлыкъгъа, боллукъ болгъанын белгилейдиле, иги умутланы да, адетлени да, адамланы талпытхан джашау деген джандетни да не эсе да бир хатерсиз къара кюч басыб, дыф этдирмей тургъанын сездиредиле.

Экинчи строфаны биринчи тёрт тизгини чыгъарманы сюжетини байланыуун тамамлайдыла, адамлагъа ёлюм бла тенглешдирилген улуу къыйынлыкъ джетгенин ангылатадыла:

Энди къадар бизге сыртын
Бургъанды,
Хыны джазыу сыйрат кёпюр
Къургъанды.

Бу тёрт тизгинни ичинде хайырландырылгъан суратлау мадарла айтылгъан затланы окъуучуну ангысына, джюрегине окъча тюз дженгил джетдиртиб къатылтадыла.

«Къадар бизге сыртын бургъанды» деген бетлендириу кимни да тюшюндюрюрчады, ёкюндюрюрчады, миз болуб чанчылгъанчады, кеси аллына къычыра тургъанчады. Кимни да акъылын ол дуняа бла байламлы сагъышлагъа ийген **«Хыны джазыу сыйрат кёпюр къургъанды»** метафора бусагъатха дери джыйыла келген къайгъыны кесгин тамамлай, ашхылыкъ онг алырына ышаныуну толу къурута, хар кимни да ангысын тюнгюлюу басханын ачыкъ этеди.

Семенланы Исмаилны чыгъармалары бла танышхынчынгга, кёчгюнчюлюк, халкъгъа джетген бу ачы къыйынлыкъ, суратлау литератураны темасы болаллыкъ тюддю, джангыз документле шагъатлыкъ этелликле аны юсюнден деб тура эдим. Фахмулу джазыучу табылмаз дегеникден тюл. Ёмюр джарымдан артыкъ заман ётгенликге, бюгюн-

бюгече да джюреклени кемиргенлей тургъан азабны кёр-гюзюрге суратлау мадарла табылырламы, авторла не ай-тыргъа излегенлерин кеслери толу ангылаялырламы, не иннет бла чыгъарыргъа боллукъдула бу теманы суратлау литературагъа деб.

Кертиде да, джашауубузда быллай кёзююлюбюз болгъанды, быллай зарауатлыкъла сынагъанбыз деб кёзге ту-туу суратлау литератураны иши тюддю, тюз шагъатлыкъгъа документли чыгъармала аталадыла. Онглу суратлау чыгъарма уа керти болгъан затланы да ажымсыз тинте, аланы олсагъатда джашагъанланы да, халкъны келик төлюлерин да, бютеу адам улуну ойландырылыкъ, тюшюндюрлюк, ёкюндюрлюк магъаналарын ачыкълый, кимге да джангы билим бола, аны табыуда туугъан эстетика кюч бла къурумазлыкъ тин байлыкълый турлукъ дараджагъа чыгъады.

Семенланы Исмаилны биз къарай тургъан назмусуну сюжетини ёсююу толусу бла къарачай халкъны къалай кёчюрюлгенин ачыкълагъан керти болгъан ишлени тамалындады. «**Ачы буйрукъ Москвадан келгени**», халкъгъа «**бандит**» ат атагъанлары, адамланы тууар вагонлада къыйын халлары, къайры элтгенлерин билмей, сау къаллыкъларындан-къырылыкъларындан хапарсызлыкълары, ауур джолну кёлтюрмей ёлгенлени къарауула басдыртмай джол джанына быргъатыб баргъанлары, суратлача, окъуучуну кёз аллына сюелиб бир-бири бла ауушунуб барадыла.

...Тюзде, аталарыны ёлююн асырамагъанлай кююб, вагоннга миниб кетерге унамагъан, къыйынлыкъ джюреклерин тарай тургъан эки кызыны конвойла герохладан атыб, тургъан джерлеринде ёлтюрюб кетедиле.

Бугъа кетди, джангыз ёлюк
Юч болду,
Бу артыкълыкъ джюреклеге
Кюч болду.

Былайы «Кёчгюнчюлюк кюнюмде» чыгъарманы кульминациясыды. Былайда, ары дери айтыла, окъуучуну эсин беқден-бек бёддоре, джюрегин джарсыга келген зорлукъну — чынг ачысы, адам тезмезлиги кёргюзюлюб, юйлеринден-джерлеринден джан алыучулагъа (душегубкалагъа) ушагъан вагонлагъа урулуб, сюрюлюб, кысыдалыб баргъан тутмакъ миллетни джан да джаныуар да джазыкъланынчыра керти болуму ачыкъланады.

Джаханимге ёретинлей
Кирдик деб,
Сарнайдыла тиширыула
Сарында,
Кърал бизге берген иги
Затларын
Къусдургъанды бирин къоймай
Барын да.

Башында айтылгъаныча, СССР оюлгъунчуннга Шимал Кавказны халкъларыны джазычуларындан Джырчы Исмаилча, къралны алай ачыкъ терслеген болмагъанды. Азияда, андан къайтхандан сора да кёчгюнчюлюкню темасына джазгъанла дагъыда чыкыгъандыла.

Сёз ючюн, белгили малкъар поэт Къулийланы Къайсын кесини чыгъармаларында бу теманы кёлтюргенди. «Ленинни юсюнден таулу поэмасында», «Осуятым» поэмасында халкъы чекген къыйынлыкны хақындан кеб айтады. Вождь бла ушакъда поэт анга кёчгюнчюлюк бла байламлы, джюрегин таймаздан къыйнаб тургъан джарсыуларын хапарлайды, ол къурагъан совет власть ючюн гюнахсыз терсленген халкъы джанын-къанын, джашауун аямазлыгъын чертеди, алай бла, анга ёлчемсиз къыйынлыкны кимле, нек болдургъанларын айгъакълар муратда къралны ызчыларын аджашдырыр амал хайырландырады. Неги ол амал?

Къулий улу джазгъандан былай чыгъады: совет власть халкъ ючюн къуралгъан эсе (къуру сёзде айтыла эсе да башхасы джокъду), халкъ да совет власть ючюн джанын-къанын артха салмай эсе, къралга керти эсе, репрессияланы туудургъан, бардыргъан кюч а тёрге къайдан ёрлегенди? Кимлелле аны сафларында, кимлелле совет идеяны да, анга берилген халкъланы да уатхан? Джазылгъандан джууаб былай ангылашынады: экисини да — Советлени да, миллетлени да джаулары.

Малкъар поэт болумгъа башха тюрюю къарагъанды, башха джанындан суратлагъанды. Кертиде да, не аманлыгъы барды совет властны баш идеяларыны, социалист системаны излемлерини? Аманлыкъ къой, ёмюрледен бери бютеу адам улу кюсеген улуу игиликледиле.

Адамла бир-бирлерине тенгдиле, джолдашдыла, къарнашдыла лозунглары багъалыкъларын энди, хар ким джаны къайгылы болуб, ачдан-джаланнгачдан кеслерини, юйдегилерини, адамларыны джашауларын сакъларгъа кюреш-

ген кыйын бусагъатлада толу сынайбыз. Бай, джарлы болмай, дунияны бирча насыблы этген джашау къурам — коммунизм идея — улуу ашхылыкъ — адам улуну толмазлыкъ мураты, ай медет, миллионланы учундуруб, ардан джанларын алычу...

Къуру СССР тюл, къайсы джанына къарасанг да, социалист джолгъа сюелген къралла халкъларыны къанлары бла джуулгъанлай тургъанла. Эшта, бир бек кыйяулу джери болур совет идеяны, ол хаман да кеси кесини артын этерге, халкъланы онгларын, адамгъа тыйыншлы джашауларын къурутургъа ууланыб тура эсе. Аллаи чот тюзетилмей, властны башына аманлыкъчыла, зорчула келиучю джолла кесилмей, коммунизм ишлеуге атланыуну магъанасы бармыды?

Былай оюмла бла бирге, аманлыкъчыладан азатланыуда, хар затны тыйыншылысыча джарашдырыуда, адамны джашауун, миллетлени тазалыкъларын, багъалыкъларын ажымсыз баш хазнача джакълауда къралны айныр джолу болгъанына ийеделе окъуучуну эсин Къайсынны кечгюнчюлюкню суратлагъан чыгъармалары.

Былайда, литературада ёмюрледен бери келген проблема-соруу тууады: тюз окъуучугъа, кечгюнчю халкъланы джазыуларына, аланы джашау кючлерини айныууна, бегиюуне, ёсююуне, миллетлени культураларына, адам улуну тин хазнасына не бек хайырлыды — тюз сёзюн айтыб, аны ючюн бютеу ёмюрюнде репрессияла чеге, онла бла джылланы литературагъа, окъуучугъа, басмагъа джууукъ ийилмей турууму, огъесе заманга къабыргъаны джарашдырыб, тиранланы аджатыр, айгъакълар суратлау мадарла табыб, кёзююнде айтырын айтыб кълмакълыкъмы? Огъесе, экиси да бирчамы хайырлыдыла?

Эшта, бу, литература бла бирге туугъан соруугъа джууабны окъуучу кеси излер, табар. Ол джууаб, айхай да, поэтни башына табыкъ бу эди дегенден чыгъарыкъ тюлдю. Сёз поэтке табыкъны юсюнден бармагъаны хакъды. Литературагъа, ёмюрлюк окъуучугъа, адам улуну культурына хайырлылыкъ, табыкъ сорулад.

Къалай-алай эсе да, бир ишексиз, Къулийланы Къайсынны, белгили чыгъармаларында кечгюнчюлюкню темасын официал совет литературагъа киргизгени, киши кёлтюрген къой, сагъыныргъа да мадар болмай тургъан сагъатда кесгин сорууну-дауну халкъны, къралны аллында да салгъаны магъаналы, тыйыншлы иш эди.

Алай а быллай болумлада ёмюрледен бери да проблема къралгъаны, эм алгъа, не чыгъарма да болсун, аны пафосу тюз аңгылашынамыды, эмда, бирси заманда да ууакъланмай, чанчакъланмай, бузулмай турамыды, турлукъмуду, джамагъат болумла, адамланы бир-бирлери бла келишиулери, кърал кърумла тюрлене баргъанларына да чыдаяламыды деген баш соруугъа ажымсыз джууабны келиуюнде-келмеуюндеди, алда салыннган магъанасын сакълагъанында-сакъламагъанындады.

Бир ажымсыз, Совет властны толу разылыгъын Семенланы Исмаил да табханды. Аны ашхылыгъына, огъуруна ийнаннган сагъатында, насыбха тартхан, джюрекленни учундургъан джырлары бла, назмулары бла. Сёз ючюн, арт джыллагъа дери аны «Джашасын бизни партия» джырын бютеу халкъ джырлаб тургъанын эсге тюшюрюрге боллукъду. Партия хар кимни джанындан этиб, халкъда анга ийнам толу къруб бошагъанындан сора да бу джырыны куплетлери адамланы эслерине келе, джырлана тургъанлары чыгъарманы улуу эстетика кючюне, ариулугъуна, хар кимни аңгысында орунлу болуб кърумай тургъанына шагъатды.

Алай а Джырчы Исмаил не Ленинни, не Сталинни, не ала къругъан системаны Аллах бла джашауну арасында кесине да, халкъына да тере этмегенди.

Тоталитар кърал адамны джашауун истемегенини, халкъланы кырыугъа нек ууланнганыны баш сылтауун ачыкълай, «Кёчгюнчюлюк кюнюмде» назмусунда поэт быллай образла кърарайды.

Джахил шашса элтедиле
Моллагъа,
Ашыкъ чыгъыб анга элтген
Джоллагъа,
Молла шашса барыр джери
Болмайды,
Терс, тюзме деб, ол эсине
Алмайды.

Базыб анга акъыл берир бир джан
Джокъ,
Джангылдынг деб, ойлашдырыр
Адам джокъ.
Эй, тамада суюгенича
Этгенди,
Ачы буйрукъ къл салыныб
Битгенди.

Джырчы Исмаилны кимни да сейирсиндирирча кертини кёре билгени, айхай да, билгичликден болмагъанды, хар затны терен сюзюб, оюмлаб, тюзюн айырыргъа онглу акъылы мадар, хыйсаб табдыргъанынданды.

80-чы джылланы экинчи джарымындан башлаб, Сталинни не адам болгъаныны юсюнден айырыб кеб тюрюю зат джазгъан эдиле. Бу проблеманы не джанындан да илму тамалда тинтген медицина къуллукъчула бегитгенге кёре, Сталинни керти да шашхан аурууу — терен паранойясы болгъанды.

Учу-къыйыры болмагъан къралны бютеу халкълары баш уруб, табыныб тургъан вождну адамсызлыгъын, акъылсызлыгъын джангыз Джырчы Исмаилча Аллах берген джарыкъ дуниягъа джарыкъ, таза къарамларын джойдуртмай, ангыларын идеологияны къуршоууна, алдаулукъларына кючлетмей, джюреклерини, ич дунияларыны азатлыгъын сакълагъан, ётлери болгъан, къоркъмагъан адамла ангылагъандыла. Бусагъатда да азмы тюбейбиз: «Сталинни кесини гюнахы болмагъанды. Тёгерегиндеги аманлыкъчыла этгенлени ол билмегенди», — дегенлеге.

Сейир тюлмюдю, кеб болмай М. С. Горбачёвгъа да алай айта эдиле; бусагъатда, алай зат болалыр деб адамны эсине чыртда келелмезлик, улуу, ауур аманлыкъ этилгенинде да — чеченлидени джангыдан къырыб-джырыб чыкыгъанларында, эндиги патчахха да алай айтадыла. Быллай таурух эртделеден, бурунладан келеди — олсагъатда да кёбле патчахланы алакатлыкъларына ийнамларын тас этмезге кюрешгендиле, алагъа джетген ауур джашауну сылтауну тамадаланы эгетлери туудурадыла деб тургъанлары тарихден белгилиди.

Идеология таурухлагъа аданыб, ангылары терсейиб, кеслерини джашауларын истемегенле, башхаланы, халкъланы джашауларын да капекге санамауларыны юлгюлери да кёбдю тарихде. Быллай болум къуру да адамгъа къаршчы тургъан, аны джашауну багушха тенг этген тоталитар къраллада къуралады. Таб джарашхан къралда, керти демократ обществода бютеу адам улу ючюн къайгъырыу, бютеу адам улуну бетин сакълау, ол джыйгъан адеб, намыс, тин къудуретни ёсдюрюрге талпымакълыкъ онглайды.

Алай ишни не заманлада да дунияны чынг онглу, чынг акъылы адамлары бардыргъанлай тургъандыла. **Джырчы Исмаил да ол адамладанды.** Анга да джер юсюнде адам-

дан, аны джашауундан, аны ич дуниясыны саулугъундан, тазалыгъындан багъалы зат болмагъанды. Ол себебден, Аллах бергенича, джашауунда, чыгъармаларында аланы сыйлагъан да, джакълагъан да этгенди. Миллионла бла адамланы кырыб баргъан режимни, аны башчысыны да акъылсыз, шашхынлы болгъанларын, тюз адам аллай бир кыйынлыкъны туудуралмазлыгъын, кеси да келтиралмазлыгъын ангылаб, Джырчы Исмаил артха-алгъа салмай, болушлусуча джазгъанды.

Бу, «Кёчгюнчюлюк кюнюмде» деген назмусунда поэт адам тюрсюнден тайышхан кърал тамаданы айгъакълагъан бла кълмай. Туугъан халкъын джакълауда, анга заран келтирген ачы кючню тамырларын излеуде, Джырчы Исмаилны сагъышлары, джюрек сезимлери бек мийикге, дуния дараджагъа чыгъадыла, адам джашагъан дунияда, адамланы арасында былай, джаныуарланы джорукълары хорлагъан, болум нек къралыргъа болады деген соруугъа джууаб изленеди.

Бетсиз заман, нек этесе
Залимлик?
Нек болгъанды бизни бла
Аранг тик?
Кимди сени оноуунгу
Джюрютген ?
Онгсуз халкъны къанын ич деб
Юретген?

1943 джыл «мурдар бугъа» тартыб баргъан вагонланы биринде, «Кёчгюнчюлюк кюнюмде» назмусун толтургъан сагъышлары ангысын кючлеб, кълундан башха келген зат болмай, тюз,огъурлу сёзю бла туугъан халкъына кёл этерге кюрешген Къарачайны халкъ поэтини сыфаты кёз алда тургъанчады.

Ким билсин, бу джарлы халкъны
Насыбы
Юзюлмейин тутуб кълалыкъ
Эсе уа?..
Ким билсин, бу баргъан джерин
Табсыныб,
Джан кечинмек баджаралыкъ
Эсе уа?

Джарлы халкъым, къатдыр энди
Белинги,

Джоюлдум деб, такъыр этме
Кёлюнго,
Ёлген эшек джалыдан
Къоркъмайды,
Сен да къоркъма, джууукъ къойма
Елюмню.

Къыйын, бушуулу кюнде башха адамдан кёл, болуш-
лукъ табыу кимге да эс джыйдыргъаны белгилиди. Был-
лай онглу суратлау чыгъарма аны окъугъанны, эшитгенни
тюшондюрмей, джюрек кючюн бегитмей, джашаугъа кёл-
лендирмей къоймайды.

Джырчы Исмаилны «Кёчгюнчюлюк кюнюмде» на-
змусундан башлаб туугъан джуртубузгъа къайтыугъа атал-
гъан чыгъармаларына дери къарачай литератураны эм
мийик суратлау дараджалы джетишимлери болгъаны хакъды.

Бир ажымсыз, улуу поэт кесини джюрегинден бу чы-
гъармаларына салгъан юлюш, иннет, эстетика кюч кёч-
гюнчюлюкде аланы эшитген кеб къарачайлыгъа огъурсуз
джылланы, къыйынлыкъланы онгларгъа себеб болгъанды-
ла, джалгъан бедилшени ыйлыгъындан къутулургъа, та-
заланыргъа, артыкълыкъла нек этилгенлерин тюзюн ан-
гыларгъа, джуртсуз-кюнсюз къалгъанлыкъгъа, джашаудан,
тюзлюк орнуна къайтырындан умугларын юзmezге хый-
саб табдыргъандыла.

Халкъны гюнахсызлыгъын, тюзлюгюн, иннет кирсиз-
лигин кёргюзген, аны адебин, намысын, сыйын джакъла-
гъан Джырчыны ол чыгъармаларында джашаугъа алай
бир кертилик, алай бир чексиз ийнам, алай бир сурат-
лау кюч, пафос барды — игиликни, ашхылыкъны болур-
ларындан не бек тюнголген адамгъа да эс джыйдырырча,
тюшондюрюрча, джангыдан дуниягъа илешдирирча.

Артыкълыкълагъа джюрегим джарсыб,
Ауур сагъышла башымы басыб,
Кетиб барама — кюнюм — барамта...
Тегерегимден хар ким таш ата.

Къуру кесим тюл, менича кёбле,
Джукъгъа саналмай бирер келекге,
Залимлик азау джаргъан бу заман,
Къурутуб барад миллетни тамам.

Ой джарлы халкъым, учхун-кёбелек!
Ким этди сени джерингден ирек?

Къайры келгенсе тауунгдан эниб?
Палах юсюне палах кѣлтюрюб?

Тутулгъан да сен, джутулгъан да сен,
Къууулгъан да сен, тоналгъан да сен,
Кѣргенинг зорлукъ, чегеринг азаб,
Кѣзюнде ауунг, аягъынг тузакъ.

Къайда къалдыла ырысхынг, мюлкюнг?...
Санларынг тюшюб, джюрегинг — къюлтюм...
Кюч табармыса аякъ тирерге?
Джол табармыса артха келирге?

Тюзлюк тутмакъда, насыб тубанда,
Онглу сѣлешмейд онгсузну джакълаб,
Биз, суудан къумгъа тюшген чабакъла,
Солуу джетмейин джерни тырнакълаб.

Къатдыр кесинги, ой джарлы миллет!
Этейик къумда джашау кечинмек.
Боюнсхасына джекгенди къадар
Аны тартмайын джокъду бир мадар.

Не болгъанын толу ангыламай, къыйынлыкъны тюбюнден чыгълмай, бел тюзетелмей, ачдан-джаланнгачдан, хауа джарашмагъандан, аурууладан сау юйдегиле къырылыб баргъан кѣчгюнчюлюкню чынг азаблы кюнлеринде джазылгъанды бу назму. Миллетини къырылыуун, термилиуюн кѣре тургъан поэтни кѣлюню азайгъаны, такъыр болгъаны танылады.

Халкъына джетген къыйынлыкъны аны бла бирге сынай, инджиле — быллай кюнюнде да зорчуланы айгъакълагъан, тюзлюкню излеген сѣзюн айтады Исмаил.

Назмуну башлагъан, асыры улуу ауурлукъ басханча, созула, къыйын айтылгъан, мутхуз, тунакы эшитилген биринчи сѣзню бѣлюмлери огъуна хапар этиле тургъан, бошаламагъан зорлукъну, улуу зарауатлыкъланы хакъындан баргъаныны белгилеричадыла: **Ар-тыкъ-лыкъ-ла-гъа**. Бу сѣзде **а** бла башланнган биринчи джик айтылгъан затлагъа — артыкълыкълагъа, зорлукъгъа джол бош, ачыкъ болгъанын, алагъа тыйгъыч тюбемегенин сездиреди, **Тыкъ** — джик кюч бла, **лыкъ** — да дженгил, джунчумагъанлай, сансызлай этилген ишни чертедиле.

Бек къыйналгъан адамны, джылауун тыялмай, тыгългъанча халын эсге саладыла.

Ызындан бу тизгинде келген «*джюрегим джарсыб*» сёзлени бирча зынгырдауукъ **дж** тауушла бла башланганлары, тынч, къысха айтылганлары айгъакъланган аманлыкъла, ачылыкъла лирикалы геройну джашаууна хатериз дюрген къатылганларын шагъатлагъанлары бла бирге, артыкълыкъланы кемсиз кеб болганларын, аланы чекгенлени уа азлыкъларын, энчиликлерин, адам улуну арасындан юзюлюб айырылганча джангызлыкъларын, ангылатадыла.

Экинчи тизгинни къураган кючлю метафора назмуну экспрессиясын ёсдюреди, лирикалы героину сыфаты кёрюне башлайды, аны къысха-къысха солуу алганча, бола турган затладан кеси-кесине (башха киши табылмай) тарыкъланча болуму чыгъарманы ритмикасын белгилейди.

Ючюнчю тизгиндеги тенгleshдириу юйсюз-кюнсюз, джерсиз-суусуз, хакъсыз-джакъсыз къалган кёчгюнчюню джазыкълыкъ онглаган тюрсюнюн кёзге тутады.

Сыйыннгысыз, хылымылы аманлыкъ этген адамны ачытыргъа, ёлтюрюрге деб, юсюне таш атыу адет эртделеде, бурунлада, джахиликден чыкълан озгун, дюрген мардача, азабча эгериледи миллет ангыда. Фразеология сёз-тутушну тюрлениб хайырланнганы бла тамамланган биринчи строфа, «Ачыулу сёзню» лирикалы герою аллай аманлыкъланы сырын тартханын — аны къралда, джаматда, бирси адамланы арасындан бырнакъ этген кыйынлыкъланы кёлтюрюб барганын айыртады.

Джырчыны къалган чыгъармаларындача, «Ачыулу сёзде» да бирча тауушланы къайтарылыб, бир-бирлерини кючлерин кёлтюре, орунлу, таб хайырландырылганлары назмуну келбетин ёсдюрюуге да ююш къоша, айтылган затланы кесгинлерге, магъаналарын толу ачыкъларгъа себеп боладыла.

Сёз ючюн, биринчи төрттизгинде зынгырдауукъ **р** тауушну тюрлю-тюрлю джикледе 8 кере хайырланнганы, зынгырдауукъ, тунакы да эшитилген **б-п** тауушланы 7 кере, **т** тауушну 5 кере келгенлери лирикалы героину — кёчгюнчюню ауур халын суратлауда къошакъ таблыкъла ачадыла.

Назмуну къош-къош рифмананнганы аны ритмикасын кючлю тутады, кёчгюнчюню сыфатын къурауда тыйыншылы иш баджарады. Алдагъы эки тизгинни **сыб-сыб** деб, къысха юзюлген, рифманы кесгин белгилеген джиклери аманнга таянган адамны кючден-бутдан, сыгъылыб-сыгъыныб, тамам кыйынлашыб джан кечинмек этиуон кёрюзгенчадыла.

Окъуучуну эсин бѣлдюрген **-ыб-, -ыб-** тауушла уа—
джюреги акъырындан-акъырын ура, джан солуу эте тур-
гъан адамны сыфатлайла.

Ючюнчю бла тѣртюнчю тизгинлени ахыр бѣлюмлери
-та-, -та-, — алкъын этиле, бола тургъан ишни хакъындан-
дыла...

Джангыз биреуленни юсюнден сѣз барад деб окъуучу-
ну эси анга бурулгъанлай:

Къуру кесим тюл, менича кѣбле,
Джукъгъа саналмай бирер кѣлекге, —

тизгинле кыйынлыкъ сынагъанланы къадарлыкъларын
чертедиле.

Поэтни «Кѣчгюнчюлюк кюнюмде» назмусунда къу-
ралгъан, чыгъарманы тауушулулугъун, пафосун бек мий-
ик дараджагъа кѣлтюрген, терен магъанасы, онгу бол-
гъан сыфат:

Бетсиз заман, нек этесе
Залимлик?

«Ачыгулу сѣзде» да джангы, кючлю метафорада къай-
тарылады:

Залимлик азау джаргъан бу заман,
Къурутуб барад миллетни тамам.

Былайда, чыгъарманы байланыуун тамамлай, биринчи
кере «миллет» деген сѣз хайырланады, алай а окъуучугъа
алкъын ачыкъ тюддю ол сыйындыргъан магъана: не мил-
лет, кеб адамгъамы айтылды алай, огъесе?..

Ой джарлы халкъым, учхун-кѣбелек!
Ким этди сени джерингден ирек?
Къайры келгенсе таунгдан эниб?
Палах юсюне палах кѣлтюрюб?

Бу, экинчи тѣрттизгин, сѣзню толусу бла ачыкълайды,
кѣчгюнчю халкъны образы алгъа чыгъады. Тыйылыб тур-
гъан ырхыны аллы бошланганча, **лирикалы геройну —**
кѣчгюнчюню — авторну джюрегинде къайнагъан сезим-
ле назму тизгинлени толтурадыла:

Тутулгъан да сен, джутулгъан да сен,
Къууулгъан да сен, тоналгъан да сен,
Кѣргенинг зорлукъ, чегеринг азаб,
Кѣзюнгде ауунг, аягъынг тузакъ.

Къайда къалдыла ырысхынг, мюлкюнг?..
Санларынг тюшюб, джюрегинг — кюлтюм...
Кюч табармыса аякъ тирерге?
Джол табармыса артха келирге?

Ючюнчю, тѣртюнчю, бешинчи тѣрттизгинле чыгъар-
маны кульминациясыдыла, былада назмуну башлагъан сѣз-
де къаллай артыкълыкъланы юсюнден айтылгъаны улуу
суратлау кюч бла айгъакъланады.

Алында бир адамны халын, артда бютеу халкъны зор-
лукъ кючлеген сѣфатын кѣргюзе келиб, алтынчы тѣрт-
тизгинде автор айтылгъан затланы эсеблерин бирге джый-
ышдырады, джашау къурагъан болумну толу тинтгенден,
анализин чыгъаргъандан сора, багъа бичеди.

Тюзлюк тутмакъда, насыб тубанда,
Онглу сѣлешмейд онгсузну джакълаб,
Биз суудан къумгъа тюшген чабакъла,
Солуу джетмейин джерни тырнакълаб.

Улуу фахмусу, джюрек кючю болгъан поэтни туугъан
халкъына кѣл бериую бла, джашаугъа чакъырыуу бла, акъыл-
маннга тыйыншылы тюз оноун джыйгъан тизгинле бла
бошалады «Ачыулу сѣз»:

Къатдыр кесинги, ой джарлы миллет!
Этейик къумда джашау кечинмек.
Боюнсахсына джекгенди къадар
Аны тартмайын джокъду бир мадар.

Аллах берген джашауну багъалылыгъын черте, андан
тюнголмезге, анга учундурургъа, анга джангыдан, бек ауур,
къыйын болумда да, сокъмакъ салыргъа мадар излеб кю-
решеди поэт.

Заман ѳте баргъанлыкъгъа, керти суратлау чыгъарма-
ла эски болмайдыла, зырафлыкъгъа къалмайдыла, кючле-
ри таркъаймайды, ол себебден, тюрю-тюрю чурумла-
дан, адамланы бир-бир тѣлюлерине ташада турсала да, джер
юсюнден тас, думп болуб джутулмасала, кѣзюую бла

халкъланы культураларында кеслерини тыйыншлы орунларын аладыла.

Джырчы Исмаилны бек кеб чыгъармасыча, «Ачыулу сёз» да — шедеврди — аны шартлары — мында джыйылгъан суратлау кюч бла халкъны басхан къара кечени ауурлугъун баямлагъан, тюзлюкню джакълагъан, зорчуланы къашларына салгъан магъанасы, кёчгюнчюлеге эс джыйдыргъан, адамлыкъларын сыйлагъан, бегитген, джашаугъа учундургъан пафосуду.

Не заманлада да халкъыбызда этилген кюле джетген къыйынлыкъны ауурлугъун, джюрек джарсытхан ачыуун, адамны бир кёзюге, къабханнга тюшгенча, джашаудан тюнлюлюб, джылау аллы болуб ёкюноуюн, дуниясын къара кюн басханын танытхандыла.

Семенланы Исмаилны «Ёмюрде Азияда къалыргъа буюргъан указ бла къарачай миллетни шагърей этген кюн» джазгъан кююу къарачай поэзияны эм мийик суратлау кючю болгъан чыгъармаларыны бириди, бир ажымсыз, азаб чекгенлени халларын толу суратлайды.

Къарамыйыкъ Къарачайны къанын иче,
Джарыкъ кюнлюбюзню этди къара кече,
Бушуу, къайгы бары бирден бизге кече...
Баш кёлтюрюб къарамайды Къарачайым.
Юйлюбюзден къысдалла
Энди юйлюбюз джокъ.
Элибизден къысдалла
Элибиз да джокъ,

Джашауубуз джашау тюлдю джаннган отду,
Хар кюнлюбюз кюн туюлдю, учхан окъду.
Бюгюнлюкде насыб кёрген бир джан джокъду...
Баш кёлтюрюб къарамайды Къарачайым.
Динибизни алдыла
Энди дин да джокъ.
Джуртубузну алдыла
Энди джурт да джокъ.

Умут чагы джюрекледе бир чакъмаса,
Къарлы таугъа салыб барыр кюн чыкъмаса,
Тюзлюк туруб бу зорлукъну бир джыкъмаса
Баш кёлтюрюб къараялмаз Къарачайым.
Бу дунияны кенгинде
Бизге ышыкъ джокъ.
Къарачай аты болгъан
Энди халкъ да джокъ.

Кюню биринчи тизгининде огъуна бир-бири ызла-рындан, сёзлени башлаб эмда орталарында къат-къат келген, ауур эштилген къысыкъ **къ, р** тауушла (аллитерация) сёзлени маъаналарын окъуучу дженгил, тюз ангыларча этедиле, хылымылы аманлыкъ тыныб бошагъанын чертедиле.

Строфаны башха тизгинлеринде да — экинчиде — бирер, ючюнчюде — бир бла эки, тёртюнчюде — эки бла юч кере къайтарыладыла ала. Биринчи юч тизгинни аякълары юзюлюб баргъанча кёргюзген **и-че, ке-че, кё-че** тауушла хапарлагъанны джан солууун эшитдиргенча чыгъадыла.

Строфаны экинчи тёрт тизгининде балта бла чорт урдурулуб баргъанча: **къысдалла-джокъ, къысдалла-джокъ** деб къайтарылгъан сёзле, элсиз-кюнсюз, джакъсыз къалгъанланы суратлай, шкок атылыб, аланы агъызыб баргъанча тауушла чыгъарадыла.

Къралны башында тургъан Къарамыйыкъны ким да къоркъарча адам къандан тоймагъан джаныууар тюрсюню къуру биринчи тизгинни тёрт сёзю бла айгъакълана — **Къарамыйыкъ Къарачайны къанын иче** — миллетибизни басхан къыйынлыкъны кеб заманнга созулгъанын, андан къутулургъа мадар табылмагъанын ангылатады. «Бир абыннган — минг сюрюнюр!» — дегенлей, кёчгюнчюлеге джангыз къыйынлыкъ келмей, кюнден-кюннге кёбейгени: «*Бушуу, къайгъы бары бирден бизге кече...*», — метафора бла окъуучуну ангысына сингеди.

Строфаны тёртюнчю тизгини — «*Баш кёлтиорюб къарамайды Къарачайым*» бетлендириу, маъанасы бла, суратлау кючю бла окъуучуну санларын къыя, джюрегин титирете, миллет сезимлерине къатыла, хатерсиз уллу кючге къаршчы туруп хыйсабы болмагъан, аны тюбюнде къалгъан халкъны болумун толу танытады.

Былайда «Къарачайым» деген ат хар адамгъа алай къысха, алай бек джууукълашады — ким да ары дери уллу сагъыш этмей хайырланнган сёзден — ол кеси болгъанын, атасы-анасы болгъанын, сабийи, джууугъу болгъанын айыртханча; миллети къара кюнню чегиуон кеси бусагъатда, кюнюю окъуй, эшите тургъан сагъатда, сынай тургъанча джюреги бла ангылайды.

Былай онглу суратлау мадарла табмакълыкъ, аланы ариу, уста хайырландырыу — закийликни шартларыдыла. «*Джашауубуз джашау тюлдю, джаннган отду, хар кюннюбюз кюн тюлдю, учхан окъду*», — деген, бир-бири ызын-

дан келген тенгешдириуле экинчи строфада бу кюйню туудургъан ачы болумну андан да терен ачадыла, кёз алдынга сюегенча суратлай, эсинги, джюрегинги хар къылычыгына тийишдиредиле.

Бу строфада да, тилни башха кесгин мадарлары бла бирге, аллитерация хайырланганды. Мында къулакъгъа илиннген **джа, джы, джо, джу** тауушладыла: **Джашауубуз Джашау тюлдю Джаннган отду**, — мени сартын, мындан кючлю суратларгъа мадар джокъду.

Бу тенгешдириу, адамны эсинде, ол кеси да ангыламагъанлай, чыгъармада айтыла тургъан затлагъа келишген, **дж** таууш бла башланган сёзлени тизмин къозгъагъанчады: *джазыу, джазыкъ, джаллы, джалгъан, джаныуар, джар, джаргъан, джакъ, джылау, джылан, джалан, джаугъан...*

Джаннган отда джаны болгъан зат сау къалмайд. «Кюнлери кюн болмай» «учхан окълай» он мингле бла кёчгюнчюлени джанларын алгъанларын энди барыбыз да билебиз.

«Бюгюнлюкде насыб кёрген бир джан джокъду» — метафора, Аллах берген туугъан джуртну сыйырылгъанын, джарыкъ дуняны «къара кечеге» тенг болгъанын сыфатлай, джашауну сыйы, магъанасы къалмагъанын туру этеди.

Тёртюнчю тизгинде къайтарылгъан: **«Баш кёлтюрюб къарамайды Къарачайым»** — рефрен, чыгъарманы ангылауубузну чанчакълатмай, кючюн ёсдюргенден ёсдюре, ангыбызны бошлатмай.

Закий поэтни бу кююн дуня шедеврлени мийиклигине чыгъаргъан — ючюнчю строфада танылгъан пафосу — ачы къыйынлыкъны суратлауда да халкъны джашау кючю думп болуб кетмезине, тюзлюкню къайтырына ышанмакълыкъ кюсеуде, хар зат Аллахны къудуретинден джарыкъ дуняда кесини орнун табарын изленнгениндеди. Болгъан къара кюнлени кёзге тутуб окъуучуну ангысын мутхуз этиуге джораланмай, азаб тюбюнде да **«Джашау деген Джандетден»** бир джилтинчик кёрюрге, аны ышырыб, анга талпыныргъа, айныу джолну табаргъа термилгенди халкъ поэт.

Умут чагъы джюрекледен бир чакъмаса,
Къарлы таугъа салыб бары кюн чыкъмаса,
Тюзлюк туруб бу зорлукъну бир джыкъмаса
Баш кёлтюрюб къараялмаз Къарачайым.

Былай чыгъармаланы иннет байлыкълары, онглу суратлау кючлери кимни да ойлашдырырчадыла, терен джюрек кыллагъа тие, джууаб, ангыламакълыкъ таба, зорлукъ чекгенлени орунларына кеслери тюшгенча, болумларын сездире, кърал дараджада ауур аманлыкъчы иш этгенлеге адамла бары да ирият берирча, кършчы турурча этедиле.

Исмаилны назмуларын къайтара да окъугъан сагъатымда, кѣчгюнчюлюкню юсюнден сѣзню биринчи кѣлтюрдюле, газетге биринчи джаздыла, назмула чыгъардыла деб 90-чы джылланы аллында миллетибиз бир-бир адамлагъа къаллай бир сый бергени, махдау салгъаны, бюсюреу этгени эсиме тюшеди. Тыш адамланы ол кюнледе бардырылгъан митингледе, джюрек разылыкъдан, халкълыбызгъа кызыла, джашла этгенек.

Аймыса, ол бары игилик эди, кѣлюбюз учуннгадан, онла бла джылланы узагъында джарашмагъан кърал бетибизге джагълыб кюрешген къара тамгъаладан кутхарылдыкъ, тазаландыкъ деб этилген ишле эдиле. Ол адамла халкълыбызны джазыууна огъур бла тийишдиле деген магъана эди. Огъайым, дауум джокъду.

Я, Аллахым, адамлыгъыны онглулугъу бла, фахмусуну кючю бла, иннетини тазалыгъы бла, не ачы кыйынылыкълны тюбюнде да къуруб, кюл болуб къалмай, джашнаб тургъан учсуз-кыйырсыз соймеклиги бла халкълыны мутхуз кюнюн джарытхан акълман поэтибизни — Джырчы Исмаилны кыйыныны халаллыгъын къачан огъурарыкъбыз, анга Аллах берген сыйын тыйыншылысыча дараджагъа къачан кѣлтюрлюкбюз?

Аман ат аталыб, джуртундан кысдалгъан къарачай миллетни сыйын кѣлтюрюуде, тюзлюгюн ачыкълауда, тутгъан джерине учсуз-кыйырсыз соймеклигин черте, аны халкълыгъын джакълауда Семенланы Исмаил баджаргъан ишни онглулугъун нек ангыламайбыз?

Ачы джыллада кесини джашаууна къркълуб кысылыб турмай, эсин, джанын халкълына бериб, хар чыгъармасында аны джашауун, сыйын джакълый, кюнлерин-кечелерин да анга себеб излеб ашыргъан, ауушхунчуннга дери миллетин огъур сѣзю бла ийнакълый, тюзлюкню, адамлыкълны аякъ тюбде кълмазлыкъларына ышаныуун тохтатмагъан халкъ поэтибизни творчествосун бюгюн да нек билмей, багъласын нек чыгъармай турабыз?

Ой, Къарачай къуш тюгюнлей чачылды,
Бар палахны башы бери ачылды,
Джарлы миллет Азиягъа атылды...
Джуддуз атлы, бадан татлы, ой анам! —

деб, не къаты джюрекни да эритирча, ана бла баланы байлагъан кючню терен ачыкълагъан, адамны ич дуниясыны джарашыулулугъун, байлыгъын кёргюзтген, анга Аллах тыйыншылы этген огъургъа, халаллыкъгъа, тазалыкъгъа баш урдурурлай, сейир сезим къудуретли, мийик суратлау дараджалы — ауушхан анасына этилген кюуде-сарында, эки-сине да дуния джарыгъын ачхан туугъан халкъына къыйынлыкъ джетгенин айтханында да;

Тынгылайма — таууш келед кюнбатхандан —
Гюрюдейле Минги Тауну бугъойлары,
Чакъыралла тансыкъ болуб Къарачайны,
Тирилелле адамланы борбайлары, —

деб, Азиядагъы эм къыйын джыллада джазылгъан, Къарачай туугъан джерине къайтырына, аны бла табигъат къурагъан бирлигин джангыдан табарына поэтни ийнаныуун кёргюзген бу романтикалы чыгъармасында да;

Борбай бар бола, джюрек тар эсе,
Къайгъырмай эсем къыйналгъанлагъа,
Мен нек джашайма? Кимге керекме?
Адамса дерге болурму манга? —

деб, лирикалы геройну мийик адамлыкъ шартларын ачыкълагъан «Нек джашайма?» деген назмусунда да;

Не этейик, ким да бирер мадар этед,
Джан сакълауну азды сайламы.
Эй, мугурлукъ сингмей, алай къалай къалсын
Къарачайны джарыкъ къарамы?..

деб, халкъыны джашау кючюню таркъаймазына, адамланы игиликге, ашхылыкъгъа учунмакълыкълары азаймазына, иннетлерини терсеймезине къайгъырыуу танылгъан «Къол тирменни хапарында» да;

Ангылайма къара парий,
Сени халынгы,

Ёз джюрегим сынчыгъанча,
Улугъанынгы.
Сени киби́к мен да мугур,
Бугъоу салыныб,
Сени киби́к мен да бир джан,
Онгум алыныб. —

деб, лирикалы геройну джашауун, джанын, халын къара парийни болумуна тенгешдиргенинде да;

Орта Азия — бизни тургъан элибиз!
Тау Къарачай бизни туугъан джерибиз!
Тургъан элинг — дарий киби́к бир айбат,
Туугъан джеринг — джан сакълагъан керамат, —

деб, «Къайтайыкъ» назмуну къууанч эшитилген тауушларында да; накъут-налмазла бла джасагъанча, чыгъармаларыны дараджаларын дуня поэзияны эм онглу юлгюлеринден кем этмеген, не тюрлю теманы да толу ачыкъларгъа, окъуучуну джюрегине салыргъа хыйсаб берген, тюбюнде келтирилген тизгинледеча, сейир суратлау мадарла табыуда да:

Джарлы Къарачай нек келди бери,
Талауул болуб рысхысы, джери?;

Сан — мындады, джан — андады, андад эсим...;

Хар ёлгенибиз джерин кюсейди,
Хар джаны болгъан джуртун излейди;

Саулукъда къазылды кёрюм...
Бир кёлтюрюлмейди кёлюм;

Кимсе деб, бир да сормайды киши,
Къарачайлыма — олду бедишим;

Кёлюнг сына́р терсликлени кёре-кёре,
Джюрек азар хар тайгъаннга джылау бере...;

Бу дуниям садакъ учхан төрелей,
Ётген кюнюм джаныб кетген ёртенлей,
Аз ёмюрюм кьонакълыкыгъа келгенлей,
Этген ишим — тенгизге таш кетгенлей;

Эшит, Аллахым тилек сёзюмо,
Къызгъанма бизден насыб кёзюню!
Къайтыу насыбны бер къартха, джашха;

Ой, кюн десем — мен джеталмаз узакъда,
Ой, джер десем — аякъ тюбде, тузакъда,
Халкъым десем — кёчююлде, ачлыкъда...
Бер, Аллахым, джашар киби къарыуну! —

деген джарсыулу тилегинде да — **барында да** — Къара-
чайны халкъ поэти ол кёзюуде кесини творчествосуну ал-
лында салгъан баш муратына элтген джодда, джанын арт-
ха тутмай, арымай-талмай, къаджыкъмай кюрешгени
кёрюнеди.

Не эди ол баш мурат?

Кюн тиеди тегерекни джарыта,
Къанатлыланы джыргъа, оюннга тарта...
Кёзюм къарайд табигъатны хатына...
Термилеме джеталмазлыкъ затыма.

Къанатлыча кёксюл кёкде учалсам,
Джарлы халкъгъа тюзлюк излей кетерем.
Эй, халкъ чекген къыйынлыкъны айталсам,
Бу дуняда муратыма джетерем.

«Джаз».

Уллу поэтни бу сегиз тизгинге сыйынган сагъышла-
ры окъуучугъа мыдахлыкъ, джарсыу хауа да келтиредиле,
кёлюн кёлтюрген, ёхтемлендирген да этедиле. Къысха, тюз,
бош сёзле бла джазылгъан терен лирикалы назмуда —
бир ишексиз, быллай чыгъармалада муну юлгюге, эталон-
нга санаргъа дурусду — ненча онглу образ, къаллай уллу
суратлау кюч джаратылгъанды!

Биринчи тёрттизгинни тауушларыны ауушунуунда
(музыкасында) джумушакъ т бирсилени онглаб (алли-
терация) окъуучуну ариу, ингил, алай а нек эсе да мыдах-
лыкъ келтирген сезимлеге белегенчад.

Кюн тиеди тегерекни джарыта,
Къанатлыланы джыргъа, оюннга тарта...
Кёзюм къарайд табигъатны хатына...
Термилеме джеталмазлыкъ затыма.

Къош-къош рифмаланган тизгинлени аякълары ачыкъ
тауушлагъа бошалгъаны окъуучуну эсинде да, поэтни ке-
синича, умут ышан чакъдыргъанчады.

Назмуну 11 джикден къралган ёлчемини (метрикасыны) экинчи тизгинде башхалыгы — 12 джик, авторну былайда айтырга излегенин толу кьатлатады.

Кюнню джарыгы, джылыуу джаны болган затны сансыз кьоймайды, кerpеслендиреди, учундурады, кьууандырады.

Алайлыгы ажимсыз эсе да, экинчи тизгинде артык джик, аны тауушулуугун айырыб ариу эте, **тарта** деген сёзню «кюч салыныб этилген» зат деген магъанасына эс бёлдюреди. Болса да, былайда игиликге, ашхылыкъга тарта деген магъана бузулмайды.

Ючюнчю тизгин табигъатда хар зат тыйыншлы орнунда тургъанын, анда болган джарашуулукъну, келишиуню чертген суратчыкъ кёргюзтеди, анга талпытады.

«**Термилеме джеталмазлыкъ затыма**», — айтым лирикалы геройну ал тизгинде сезилген мыдахлыкъ кючлеген кёлюн эсге сала, не эсе да бир улуу кьайгысы болгъанын ачыкьлайды. Табигъатда джарашуулукъну, зауукьлукъну суратындан сора адамны былай ышангысыз халы эсни, айырыб, сагъайтады, кесине тартады, болмазлыкъ, джеталмазлыкъ затына термилтир ючюн адамга кьаллай кюн келирге керекди деген сорууну ангыга кьатылтады.

Анга джууб экинчи төрттизгинде келеди. Айырыб, сабий джылларында тюшюнде учмаган, тюнюнде уа кьанатлылага сукьланмаган аз адам болур. Кёкню мийиклигинде эркин, суйген джары барыб, дунияны кьууатын, хауаны тазалыгын, аламны кенглигин сынаб джашаган кьанатлыла гитчени-улуну да учундурганлай, сейир умутлага тартханлай туруучандыла.

Кёчгюнчюлюкню ауур джылларында джазган назмусунда ёхтем поэте «**Кьанатлыча кёксюл кёкде учалсам**» тенглешдириу нек керек болган эди эке? Аны ызындан келген тизгинде айтылгъаныча, тууган халкына тюзлюк излей барырга мадар табар ючюн.

Белгилисича, зорчу режим кёчгюнчюлеге турган джерлеринден кёлтюрюлрге, тышына атланырга кьоймагъанды. Комендантладан эркинликсиз элден, райондан чыкьган болса, сабий, улуу, тиширыу, эркиши айырмай, тюрге джыйгъандыла, башха тюрю азабла чекдиргендиле. Исмаил ол болумну «Джамбулда» назмусунда да кёргюзгенди:

Мутхузду, мыдахды кѣгюм,
Бир шкок атымды чегим,
Чыкъмазгъа болгъанды бегим...
Бир кѣлтюрюлмейди кѣлюм.

Дуния поэзияда, орус поэзияда да, къанатлыланы сыфатлары тюрлю-тюрлю хайырланганлай келгендиле. Сѣз ючюн, А. С. Пушкинни «Тутмакъ» («Узник») атлы белгили назмусунда къушну сыфаты улуу идея иш баджарады.

Зовѣт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!»

Мы вольные птицы: пора, брат, пора!

Къырылгъан-джырылгъан Къарачайына себеб излей, тюзлюк дуниядан думп болуб, къуруб кетмегенине ийнамын къоймагъанды Джырчы Исмаил.

«Джаз» назмусунда ахыр эки тизгин аны *«Халкъым кѣчгюнчюлюк къыйынлыкъдан къутулсун, джуртун, насыбын табсын!»* деген иннетин, — хар тылпыуу, хар джюрек ургъаны, сагъышы, иши бу баш муратына джѣтдирелселе дегенин кѣргюзедиле.

Бир ажымсыз, халкъ чекген къыйынлыкъны Джырчы Исмаил закий кюч бла ачыкълагъанды, аны кѣчгюнчюлюкге аталгъан чыгъармалары ол джилланы суратлау шагъатлыгъыдыла, джюреклени джазгъан кюуледиле, ёлюмден — джашауну, къыйынлыкъдан — къууанчны, аманлыкъладан, зордан — ашхылыкъны, адамлыкъны, тюзлюкню онгун танытхан ышанладыла.

Къарачай литературада кѣчгюнчюлюкню 14 джылында джазылгъан халкъгъа белгили суратлау чыгъармала болмагъаны себебли, Азиядагъы заман эндилеге дери юзюлюб тургъанча эди. Джырчы Исмаилны анда къуралгъан поэзиясы, кѣчгюнчюлюкге аталгъан халкъ джырла бла бирге, милетни тин джашауну саулугъун туру этеди.

Исмаилны акъылман поэзиясы — ёмюрлеге джашнагъан, кюнча джылытхан, алтынча джылтырагъан, Къарачайны къурумазлыкъ тин хазнасы — анга тюбегенни насыб юлюшюн табыргъанча кѣлюн кѣлтюре, джюрегин учундура, халкъны тилини байлыгъына сукълаңдыра, адамны ангы, иннет кючюню учсуз-къыйырсыз мийикликлеге джетелгенине табындыра, ёхтемлендиреди, джюреклеге бѣгеклик келтиреди.

Аллай поэзияны кѳурагъан адамыбыз болгъаны — халкыбызны улуу насыбыды.

Ангылаб да бошагъынчы, бу сагъышла туугъанларын-данды, сезилгенлеринденди «Джаз» деген назмуну окѳугъандан адамны кѳлю кѳуру джарсыу чегиб кѳалмай, алгъа, кѳууанчха да тебиннгени.

Джырчы Исмаилны поэзиясыны энчи хауасын, назмуларыны, джырларыны биринчи сѳзлериңден, биринчи тизгинлеринден башлаб, не мыдахлыкъ келтирген, не кѳууанч чакъдыргъан тылпыуун ким да джюреги бла сезеди, анга толу эс иеди, бѳленеди. «Белгилигиле мени эним, тамгъам», — деб, «Джашчыкъгъа» назмусунда-осиятында Джырчы кеси бу затны чертгени хакъды. Фахмусуну онглулугъу, дуния ангылаууну кенглиги, кѳалгъанладан башхалыгъы, сейирлиги, ѳмюрлени узагъында бютеу халкыны тин-иннет кѳудуретин джыйыб сакълагъан тилни байлыгъын андан да улуу дараджагъа чыгъарырча уста хайырландырыуу, джашауда болгъан-болмагъан ишлени да кимге да туура этерча, бир джугъуна джарарча, джарыкъ дуния бла байламлыгъын ѳсдюре, игиликге, ашхылыкъгъа учундурурча, джазыу келтирген кѳара кючню абындырырча, джолун кесерча, онгларча, ариулукъну, тазалыкыны, магъаналы адамлыкъ шартланы ангыгъа кючлю сингдирирча, аланы ажымсыз алчылыкъларын бегитирча поэтни хыйсабы туудурады суратлау чыгъармалада аллай хауаны, аллай энни, тамгъаны.

Ол тукъум закий кѳудуретни биз Семенланы Исмаилны халкыгъа кѳчгюнчюлюк келтирген ачы кыйынлыкъланы айгъакълагъан чыгъармаларында да сынайбыз, Къарачайны Азиядан кѳайтыууна, андан сора джашаууна аталгъан сейирлик назмуларында да кѳребиз.

«Биз кѳайытдыкъ джуртубузгъа джара байлай...»

Кѳайытхан кюн халкыма

Онтѳрт джылны джер тырнакъллаб джашагъан
Джыламукъ бла гырджынны тенг ашагъан,
Сарнайса сен тау джуртунгу ийнакъллай,
Джарлы халкым, ой джаралы Къарачай!

Адамларынг Азияда кьалдыла,
Джюреклеге кетмез ауруу салдыла,
Къабырларынг къум тюзледе сынсызлай,
Уланларынг къазауатда ызсызлай.

Ол джыллада джан бергенле къайтмазла,
Тауларына тансыкъ салам айтмазла,
Махар суудан баурланыб ичмезле,
Саула этген бу кюулени эшитмезле.

Ол джылланы къан ызлары кеберле,
Аллах айтса, уланларынг джетерле.
Сен джырларса тауларынгда алгъынлай,
Джарлы халкъым, ой джаралы Къарачай!

Ёлгенинге джаннет юню багъышлай,
Сауларынгы джашау джолгъа алгъышлай,
Мен айтханча джыламугъунг джылтырай,
Айт орайда, ой джаралы Къарачай!

Не узакъда да, не къыйын кюнледе да туугъан джурту
бла байламлыгъын юзмеген, тюнюнде сагъышларында —
тюшоңде да Къарачайны ызына къайтырын кюсеб, ол
насыб кюнню келирине ажымсызлай, магъаналы сёзю бла
миллетини эсин да анга буруб, тюзлюк тюбде къалмазына
ышандырыб джашагъан поэтни къайтыугъа аталгъан наз-
муларыны окъуучуну кёлюн къандыргъан, джюрегин се-
зим къудуретден толтургъан суратлау кючлери сейирди.
Къум тюзледе атылыб, кеб заманны суусабха термилиб,
онгсуз болуб тургъанла Къарачайны кирсиз чокъуракъ кёз-
леулерин табыб кёллерин басханча — къууанч, бушуу джы-
ламукъла да къозгъайды Семен улуну къайтыугъа атал-
гъан назмуларын окъуу.

Джырчы Исмаил бу назмуларында хайырландыргъан
суратлау мадарла, ол джетген мийик суратлау дараджа,
сёзсюз да, бютеу дуня поэзияны джасандырырчадыла.

Белгилисича, адам улуну тарихинде уллу гитче халкъла
да къыйынлыкъла сынар ючюн къалмагъандыла. Тюрлю-
тюрлю чурумладан кёбле къуруб, думп болуб да кетгендиле.
Бюгюнлюкде аланы бир бирлерини тиллери сакъланады,
асламысыны уа ыз ышанлары да тас болгъанды. Литерату-
рада, искусствода алагъа эс бёлюннгенлей турады.

Алай а 20-чы ёмюрде Шимал Кавказны бир къауум
халкъларыны туугъан джерлеринден кёчюрюлгенлери да,
Азияда, Сибирде сынагъан азаблары, ызларына къайтхан-
лары да бирси, эртдеги заманлада халкъланы тарихлерине

ушамагъанларыча, аланы хакъындан джазылгъан суратлау чыгъармаланы пафослары да башхады. Къарачайны къайтыууна аталгъан назмуланы, джырланы — Джырчы Исмаилныкъыланы, халкъныкъыланы да — баш шартлары — бютеу халкъны туугъан джерине соймеклигини учсуз-къыйырсызлыгъын, анга термилиуюн, аны джангыдан табханы, башха зат бла тенгleshдирмезча уллу насыб болгъанын ачыкълауду.

Башында айтылгъаныча, Джырчы Исмаилны хар назму-сунда сёзлени таб орунлу болгъанлары, ариу джарашханлары, бир-бирлери бла аламат келишиулери халкъ поэтни онглу тил байлыгъын, тилни кесгин мадарларын толу ачыкълаб, бек уста хайырландырыуун шагъатлайдыла.

Сёз ючюн, тенгleshдирирге, тилге чемерлиги бла адамны чынг терен сезимлерин къозгъарча мийик суратлау дараджагъа чыкыгъан орус поэт Сергей Есенинни хар назмусун джырлаб айтырынг келгенчады. Исмаилны лирикасы да алайды.

«Къайтхан кюн халкъыма» назмуну тизгинлери аллындан артына дери 11 джикден-бёлумден къуралгъанын кёребиз.

Хар эки тизгин бир-бири бла къош-къош рифмаланыб барадыла. Рифмала бек кючлюедиле, байдыла, сау сёздеден къуралгъанча: **джашагъан-ашагъан, ийнакълай-Къарачай, къаддыла-салдыла, сынсызлай-ызсызлай, къайтмазла-айтмазла, ичмезле-эшитмезле, кеберле-джертерле, багъышлай-алгъышлай, д. б.**

Хар тизгинде ахыр джик басымлыды (ударениялыды), айтылгъан затны кертилигин шагъатлагъанчады, чной уруб бегитиб баргъанчады.

Аллитерацияны, ассонансланы, бирси мадарланы хайырлануулары, магъаналары да, Исмаилны башха чыгъармаларындача, бу назмуда да бек уллуду. Ала хар тизгинде, хар строфада келедиле.

Мында дж тауушну 22 кере къайтарылгъаны окъуучуну эсин **джер, джыламукъ, гырджын, джарлы, джюрек, джыллада, джаралы, джуртунг, джан, джаннет** сёзлеге толу бурады, аланы хакъындан айтылгъаннга сагъышландырады.

3 таууш джитилиги бла, зынгырдауукълугъу бла адамны эсин сагъайта, **Азия, кетмез ауруу, сынсызлай, къазауатда ызсызлай, къайтмазла, салам айтмазла, ичмезле, къан ызлары, эшитмезле, д. а. к.** сёздеде болуб бошагъан, мыдахлыкъ, бушуу келтирген, халкъгъа бителмезлик джа-

ра тюшюрген кыйынлыкны не кьадар тауушу, толу баямлаугъа джораланыбды.

Адамны джугъу ачыгъанда да, улуу кыйынлыкъ этдирген сарнауда да, **ай-ай** деген таууш джюрекни титирегенин, онгу тауусулгъанын танытады. Тизгинлени аякларында басым (ударение) тюшген **ай** тауушну гитче назмуда 12 кере кьайтарылгъаны халкыны кьууанч кюню джыламукъла бла джуулгъанын кергюзеди: ийнакълай, Къарачай, сынсызлай, ызсызлай, алгышлай, кьайтмазла, **айтмазла**, багышлай, алгышлай, джылтырай, **айт**, орайда.

Поэзия чыгъармагъа онг табдыргъан — анда кьуралгъан образладыла. «Кьайтхан кюн халкыма» назмуну хар тизгини джангы, джарыкъ, сейир, онгу образды.

«Онтёрт джылны джер тырнакълаб джашагъан», — метафора дуняда юлюшсюз, атылыб кьалгъан миллетни джан дьгаласын сыфатлайды: саулукълары, кючлери кетиб бошамагъанлай, бирде окъ ууундан, не ачдан-джалангачдан бауурларындан тюшюб, тирилелмей, тыпырдаб, джашаугъа илиниб кюрешгенлени сыфатлары.

Джырчыны поэтикасын ангыларгъа, ол хайырланган суратлау амаланы ачыкъларгъа тюрюлю-тюрюлю чыгъармаларында кьуралгъан сыфатлагъа, образ системагъа кьарау себеб боллукъду. Сёз ючюн, *«Онтёрт джылны джер тырнакълаб джашагъан»* метафора бла «Ачыулу сёзде»: *«Биз суудан кьумгъа тюшген чабакъла, солуу джетмейин джерни тырнакълаб»* — тенгшешдириуде байламлыкъ ышан, была кибик бирси чыгъармалада сыфатланы джаратылыуларында алчылыкъ (доминанталыкъ) этген сезимлени тюз айырыб, аланы туудургъан ишлени сюзюу хайыры боллугъуна ишек джокъду. Исмаилны поэтикасын толу тинтиу — литературоведениени алда амалсыз баджарылыкъ улуу ишлерини бириди.

«Джыламукъ бла гырджынны тенг ашагъан», — тенгшешдириуде халкъ чекген азабны, анга этилген зорлукъну эки джаны ачыкъланады: кечгюнчюлени санларын эзген бла, джанларын алгъан бла кьалмай — джюреклерин да эзиу, атбет атау бла намысларын, сыйларын джоюу, милет шартларын, бетлерин толусу бла кьурутургъа излеу. Къара кючню онглаялмай, джюреклерине себеб этелмей, зорлукъну сынагъанла, «тырнакълаб» табхан гырджылары бла «тенг» — терслик, джарсыу, ачыу туудургъан джыламукъларын джуханларыны сураты керюннгенчады.

«Сарнайса сен тау джуртунгу ийнакълай», — деб айтылгъанда кьаллай бир сыйыннгысыз джюрек джарсыу,

къаллай бир сыйыт, туугъан халкъына къайгырмакълыкъ, учсуз-къыйырсыз сыймеклик эшитиледи. Джерлерине къайтханла, къуаныр кюч табмай, жарыкъ танг атхан биринчи кюнлерин сарнау бла джабадыла. Туугъан джуртларыны таза хауасы унугъуб, къысылыб тургъан джюрек-лени бошлагъанча, къара кюнню чачханча, адамны кёл-тюрем этген ауурлукъладан ариулагъанча.

«Джарлы халкъым, ой джаралы Къарачай», — бу эпигетледе поэтни бютеу огъур джюрек кючю, халкъына толу берилмеклиги туруду. Контекстге кере, «Джарлы халкъым» эпитет сыйындыргъан магъана теренди: терслик, зорлукъ онг табхан, залимле кючлеген дуняда, тюз, халал къыйыны бла джашагъан халкъ джарлылыкъ, джазыкълыкъ сынамай мадар джокъду.

Мени сартын, Семенланы Исмаилча халкъын сюе билген, аны сыйын, джашау мадарларын кёлтюрюрге талпыб онглу иш баджаргъан бек азды дуняда адам. Ёмюрюню узагъында миллетине къолундан келгенича игилик этерге, джанына къоркъуу болгъан джерде да аны сакълар ючюн, джакълар ючюн алгъа чыкыгъан халкъ поэтни улуу адамлыгъы, чексиз джюрек инджиую сыйыныбды ол джангыз назму тизгиннге.

Суратлау чыгъарманы формасы магъанасына кере къуралады. Белгилисича, фахмулу адам анга сагъыш этиб да кюрешмейди, айтыргъа излегенин тыйыншлы кебге къуя, джарашдырады.

Сёз ючюн, «Къайтхан кюн халкъыма» назмугъа къарайыкъ. Гитче лирикалы чыгъарманы ичине кеб зат сыйынганды: кёчгюнчюлюкню къыйынлыгъын кёргюзюу да, Къарачайны къайтхан кюннюню келбети да, халкъны джазыуна къазауат салгъан табла да, келлик замандан игилик сакълау да... Ала бары бирер энчи сурат болуб назмугъа киргендиле. Былай бир затны бир джерге джыйылгъаны, суратла бир-бирин ауушдуруб баргъаны чыгъарманы композициясын да, тонун (тауушлугъун, аууазын) да айыргъандыла.

Биз башында къарагъан «Кёчгюнчюлюк кюнюмде» назмуну композициясы, анда айтылгъан затланы бир-бири ызындан тизилиб келгенлерича, ариу, тюз, бузукъсуз ёсюб бара эсе, «Къайтхан кюн халкъыма» назму бир-бирлерине ёчюкген зауукълукъ бла къыйынлыкъны айыра орчагъа киргенча, миллетни алында аланы халилемелерин бергенча, хауаларын чекгенча, джашау бла ёлюмню арасын айырта, Аллах къурагъан джарыкъ дуняда бегиб тургъан

дараджагъа чыгъаргъанча, башхалыкълары кёрюнуб тургъан болумладан-блокладан ишленнгенчады. Алай а бу зат назмугъа сыныкълыкъ келтирмейди. Мында хайырланган бирси суратлау мадарланы къурамында, окъуучугъа аны магъанасын, идея-эстетика кючюн толу джетдирирге себеп болады.

Назмуну тамамлай, саулугъун бегите, ахыр тёрттизгин аны пафосун туру этеди:

Ёлгенинге джаннет юню багъышлай,
Сауларынгы джашау джолгъа алгъышлай,
Мен айтханча джыламугъунг джылтырай,
Айт орайда, ой джаралы Къарачай!

Къарачайны ёлгенле бла саулагъа юлешген къара кюнлери артда къалыб, джашау онг табханы белгиленеди былайда.

70-чи, 80-чы джыллада СССР-ге, дуниягъа да эшитилген «Хорламны кюню» («День победы») деген джырда: «Это праздник со слезами на глазах» сёзле сыйындыргъан магъанагъа адамланы эслери бёлюннгенлей, джюреклери джууаб этгенлей, джарсыгъанлай тура эди. Аланы джазгъан орус поэтни фахмусуну уллулугъуна шагъатлыкъ эди бу тизгиндеги кючлю образ. Ишек джолкъду.

Былайда аны сагъыннганым — ол заманлада кёблеге джангы кёрюннген сыфатны Джырчы Исмаил къарачай халкъ Азиядан къайтхан кюн, 1957 джыл **къураб, хайырланнганын** чертер ючюндю:

Мен айтханча джыламугъунг джылтырай,
Айт орайда, ой джаралы Къарачай!

Бу образ башха сёзле бла джазылыб, халкъ поэтни «Исмаил къайытды джерине» деген назмусунда да келеди:

Мен Семенланы Семенме дейме,
Чыдамым бла эменме,
Бек ашыкъ болуб, бек тансыкъ болуб,
Шам Къарачайгъа келгенме.

Сен Семенланы Семенсе дейле,
Меңден джыр, оюн излейле.
Чачылгъан джуртха басыннган адамла
Манга кез ач деб тилейле.

Мен да сенича биреулен алан,
Бу джарлы халкъны уланы,
Мен да сенича ийналмайма
Керти кёрдюм деб тауланы.

Джюрек тыхсыса аууаз чыкъмайды,
Тамагынг кысыб, буулуб,
Бюгюн Исмаил джыр айталмайды,
Кёзден джыламукъ къуюлуб.

Ана бла бала тюбешген киби
Джурт халкъы бла тюбешди.
Сау онтёрт джылы басдырыб тургъан
Джылыуун бизге юлешди.

Джюреги тыхсый, кёзлери тола,
Тойла этеди Къарачай.
Бу къайтхан кюнню, бу къууанч кюнню
Саулай дуниягъа айгъакълай!

1957, Хурзук.

Бу назмуда кёчгюнчюлюкден туугъан тыбырларына къайтхан адамланы халлары, авторну — халкъ поэтни — тюрсюню эмда къойнундан халкъы зор бла алыныб, узакълагъа, кёчгюнчюлюкге къысдалгъанда да адамларыны барыны эслерин къыбламача кесине айландырыб, мукъладисча джюреклерин кесине тартыб тургъан ата джуртну — Къарачайны — сыфатлары къуралгъандыла.

Бир адам, халкъ, туугъан джурт... Ёмюрлени узагъында быланы келишиулери, бирикмекликлери сыналгъанды, бегигенди. Табигъатда тюбемегенча, назмуда да была къурагъан юч сыфатда бир-бирине чюйрелик, табсызлыкъ, айрылыкъ танылмайды, ала ючюсю юч хыйсабны тюрлю-тюрлю дараджалада ачыкълай, авторну муратын джетимли къатлатадыла.

Ал строфада авторну кеси кесини халилемесин джарашдыруунда биз аны джашаугъа джарыкъ кёзден къарауун, неге эсе да бек разы болуб, ёхтемлениб тургъанын, таукеллигин, учунмакълыгъын сезебиз. «Исмаил» аты бла хайырланмай, тукъумуну тамырын къайтара «Семенланы Семенме» дегенинде, «тёзген төш ашар» деу магъанада «чыдамым бла эменме» деб белгилегенинде, сёзю, бир джанындан, чамгъа, оюннга, къууанча тартханын, бирси джанындан а, ассоциациялыкъ образ къуралыб кёрюннгенча,

бу адамны бек улуу ауурлукълагъа чыдаб, аланы тюбюнде къалыб кетмей ычхыннганын, терк огъуна аны тансыкъ этген джерине, анга дуня аламатыгъыча кёрюннген «Шам Къарачайгъа» келгенин айыртадыла.

Исмаилны бирси чыгъармаларындача, назмуну аллындан огъуна, айтылган затланы кесгинлер, бегитир къуллакъ бла тиани тюрлю-тюрлю мадарлары хайырланнгадыла.

Сёз ючюн, биринчи тизгинде **мен** сёзю (бёлюмню) талай кере: **Мен Семенланы Семенме дейме**; ючюнчю тизгинде да — **бек... болуб, бек... болуб** сёзлени (Бек ашыкъ болуб, бек тансыкъ болуб) къайтарылганлары фоникалыкъ анафорала болуб келедиле. Биринчи тизгинде **дейме**, экинчи тизгинде да **эменме** сёздеде басымы е тауушланы бир-бирлери бла байламлыгъы асонанс къурайдыла.

Тёрт тизгинни ичинде зынгырдауукъ м тауушну **11** кере, зынгырдауукъ н тауушну **7** кере, зынгырдауукъ, тунакы да келген **б** тауушну **7** кере, джумушакъ л тауушну **5** кере эшитилгенлери, лирикалы геройну, «тюзлюк тюзде къалмаз» деген кёлюн танытхан, келтюрюлген, махтанаракъ халын чертген, деменгили аллитерацияла туудурадыла.

Бу биринчи тизгиндеде огъуна джаратылган интонация назмуну андан ары ёсююнде да сакъланады.

«*Сен Семенланы Семенсе гейле, менден джыр, оюн излейле*», — сёзле авторну ким да танылган джырчы, оюнчу адам болганын анылатадыла.

«*Чачылган джуртха басынган адамла менден кез ач деб тилейле*», — айтым аныча кёчгюнчюлюкден, джер этекледен къайтханла кеб болганларын билдиргени бла къалмай, аланы джашау кючлери тозурагъанын, кюсеб турган игиликни — джуртларын табханларында да, джюреклерине къууанч сингелмей, бошалган къыйынлыкъланы ауурлукъларындан тазаланалмай, онглу, белгили адамларындан, былайда — халкъ поэтден, себеб сакъланган халлары чертиледиле. Аны:

Мен да сенича биреулен, алан,
Бу джарлы халкъны уланы,
Мен да сенича ийналалмайма
Керти кёрдюм деб тауланы.

Джюрек тыхсыса аууаз чыкъмайды,
Тамагъынг къысыб, бууулуб,
Бюгюн Сымаил джыр айталмайды,
Кёзден джыламукъ къуулуб, —

деб эсгертгени халкъгъа кѣчгюнчюлюк джетдирген къыйынлыкъланы башы къайтыу кюн бла джабылыб къалалмазын кѣргюзеди, джангыдан ата джуртларын табханланы керти болумларын айгъакълайды.

Халкъны туугъан джерини сыфаты чыгъарманы баш компонентиди, ара ѳзегиди.

«Шам Къарачайгъа», «чачылгъан джуртха» — эпитетле, адамланы толу титирегенлерин танытхан, халларын кесгин белгилеген, «Мен да сенича ийнаналмайма керти кѣрдюм деб тауланы» деген айтым, суратланган затланы бир-бирлери бла байламлыгъын сакълайла, назмуну архитектуроникасыны сау, тыйыншлы джарашдырылыуун баджартадыла.

Къыйынлыкъда, зауукълукъда болса да, она бла джылладан, не да кюнден-кюннге бир-бирлерин табыб турсала да, дунияда ана бла баланы тюбешиулеринден ашхы, табигъат къурамгъа керти, тыйыншлы зат болмаз:

Ана бла бала тюбешген кибик

Джурт халкъы бла тюбешди,

Сау онтѳрт джылны басдырыб тургъан

Джылыуун бизге юлешди.

Былайы чыгъарманы лейтмотивин толу баямлагъан джериди, назмуда бютеу айтылгъан, этилген иш да бу къууанчлы тюбешиуню хакъындан болгъаны ангылашынады. Бу тизгинледеги онглу тенглешдириу бла сейир суратлау кючю болгъан бетлендириу, хар зат, Аллах къурагъаныча, орнун табханын белгилейдиде. Джурт халкъын къойнуна алды, джылыуу бла, огъуруу бла энди аны таланган джюрегин чапырлыкъды, джашау кючюн ѳсдюрюкдю, джакъларыкъды деген магъана келеди.

Назмуда къуралгъан: **лирикалы геройну, халкъны, джуртну сыфатлары** бир-бирлерин толтура, **Къарачай деген сыйлы атха** — этнонимге джыйыладыла, аны джарыкъ дунияда джашнау джолун джангыдан ачханчадыла:

Джюреги тыхсый, кезлери тола,

Тойла этеди Къарачай.

Айхай да, Семенланы Исмаилча Къарачайгъа келген къыйынлыкъланы джолларын кесерге джан аямай алгъа чыкъланла, миллетибизни айныры ючюн къаджыкъмай

кюрешгенле къачан да болгъандыла. Халкъ онглуду, Аллахха шукур. Алай а закий кюч бла мийик суратлау дараджада адамны халкъы бла, ата джурту бла, джашау бла байлагъан джюрек къылларын ачыкълагъан; Аллах берген фахмусу бла терен суймеклигинден туугъан ёлюмсюз сёзю бла — дуняда чынг онглу сауут бла — Къарачайын сакълагъан; халкъыны да, джуртуну да тазалыгъын, джашау, тин къудуретин, огъурун, келбетин дунягъа баямлагъан башха кимни айтайыкъ?!

Мен тансыкъ болуб келгенме, тенгле,
Учулан башы таулагъа.
Мен джылы салам береме энди
Ёлгенле къалыб, саулагъа.

Ой ташын джалаб, сууун ичейик
Бу ёзенлени, джерлени,
Сыйлы атларын кюуге салайыкъ
Тышында джан бергенлени.

Шам Къарачайым, къучакъ джайым
Сени терсликден къоруулай!
Да джаланаякъ бир айланайым
Ким сау къайытды деб соруулай!

Тузлу джыламукъ бетими джууа
Ексюзле бла джылайым,
Ой кенге къалгъан ёлгенлеге атаб,
Джер сайлаб сынташ салайым.

Нарат терекни джибек чачына
Тюртюден инджи тизейим,
Тау этегинде атылыб къалгъан
Къабыр топракъны излейим.

Къыйынлыкъ чекген бу джарлы халкъгъа
Кёз ачдыра, джыр айтайым,
Къайда болсам да ахыр кюномде
Ой бу джерлеге къайтайым!

Ой, ата джуртум, сыйлы Къарачай,
Мен къууаннгандан джылайма.
Узакъдан келиб, тансыкъдан кююб
Джюрек таралыб джырлайма.

Адамны бютеу санларын титиретген бу тизгинле кеси кесибизни билирге, ангыларгъа, сыйларгъа, миллетибизни,

джуртубузну сюерге, сакъларгъа чакъырадыла, юлгюдюле. Бу назмуда баямланганча, Къарачайыбызгъа улуу сюймекликни ангылай билгенни джюреги байынмай, ашхылыкъгъа, игиликге учунмакълыкъ сынамай къалмайды.

Зорчу кърал, бютеу къара кючю бла басыб, эзиретиб: «Сен миллет тюлсе, уллунг-гитченг да бандитди, къырыл, атыл-сатыл, букъу бол, думп бол!» — деб Къарачайны джойгъан кюнюнден башлаб, халкъ поэт: «Бу шашхынлы мурдарны ишиди. Джашауунгу, ангынгы, огъурунгу сакъла, тюзлюк хорларыкъды, зорчула бошаллыкъдыла, Аллахны ашхылыгъындан джуртубузгъа къайытыр кюн келликди!» — деб халкъына кёл этиб, артыкълыкълагъа къаршчы кюрешиш тохтатмагъанды. Исмаилны Азияда джазылгъан бютеу чыгъармалары ол кюрешни этапларыдыла, белгилеридиле:

Къолум, къалтырай, къалам тутады,
Онгдан содуна сёзле тартады,
Ол сёзле ёсе тизгин болурла,
Тизгинле тола назму къурурла.

Ол назму бизге шагъатлыкъ этер,
Бизден керти сёз къралгъа джетер,
Махшар кюн кибик аллай кюн келир,
Бу таза халкъгъа баш бошлукъ берир.

Бюгюн а джукъу басханча кёзюм,
Джансызды, ётмейд сёлешген сёзюм...
Кавказ бла миллет — джан бла тёнгек,
Ала бирлешмей тебмез бу джюрек!..

1948 гж., Къазахстан.

«Къайтыу насыб» келгенин — тас этмеген ийнамы джашауда толгъанын — кёргенден сора уа, Джырчы Исмаил «Тансыкълау джырында» бютеу миллетин джокълайды — сауну джашаугъа чакъыра, ёлгенлеге тыйыншы сёз, кюу айта, джырын джыламукъ бла джууа, джылауну джыр бла алмашдыра.

Эсгериб къарагъан кёрлюкдю назмуну образ система-сы къалай къуралгъанын: хар строфада джуртну тансыкълагъан, сыфатлагъан тизгинлени халкъны тюрсюнюн чыгъаргъан, болумун танытханла ауушдуруб баргъанларын. Саула бла ёлгенле да тенг сагъынылгъанлыкъгъа, энди джашау онг табды деген магъана келеди:

Мен джылы салам береме энди
Ёлгенле къалыб, саулагъа.

Къаллай улуу адамлыкъ, иннет тазалыкъ, джашау кюч,
тау джуртубузгъа, Къарачайгъа сыймеклик сыйыннганды
бу чыгъармагъа:

Шам Къарачайым, къучакъ джайым
Сени терсликден къоруулай!
Да джаланаякъ бир айланайым
Ким сау къайытды деб соруулай!

Быллай метафора къудурет, быллай сейир образла,
быллай адамны бютеу джюрек кючюн джыйгъан,
ишлетген сёзле, аланы эшитгенлени, окъугъанланы
эслеринден кетген кюй, сурат болуб тюшюб къалгъан-
чадыла, хаман кеслерине къайытарадыла.

Сабий анасына термилгенча, азаб тюбюнде кюсеб
тургъан джерин табхан кёчгюнчю (лирикалы герой) аны
джылыуун, огъурун тансыкълай, не къадар дженгил, толу
сезер, сынар ючюн, джерни хар кесегин, хар атламын
ийнакълай, джалан аякъ джайылады...

Акылы, адамлыгъы, джюрек онгу бла халкъыбызны
сыйын кёлтюрген, къыйын кюнде милетин сейирлик по-
эзиясы бла джакълагъан Семенланы Исмаилны огъур сы-
фаты джуртуну мийик тауларыны тёшпелеринде, хар таза
къарачай джюрекде узакъ ёмюрле сакъланыры хакъды.

Халкъын «терсликден къоруулай» ол танытхан эрки-
шилик, ол баджаргъан иш, ол къурагъан тин байлыкъ,
Инша Аллах айтса, айныу джолда баргъан джуртунда анга
джанындан суйген Къарачайы саллыкъ эсертмелени та-
малыдыла.

«Ой, ата джуртум, сыйлы Къарачай!»

90-чы джыллада ачыкъланнганыча, хар спецпереселе-
нецни — къарт болсун, джаш болсун, эркиши-тиширыу
болсун, джангы туугъан сабийлени да, энчи карточкала-
рында кёчюрюлгенлерини сылтаууна къарачайлы бол-
гъанлары айтылгъанды. «Баңдит» ат аталыб, Азиягъа къыс-
далгъан халкъ, къайытыб туугъан джерин табханында да,
гюнахы болмагъанлай кёчюрюлгени ачыкъ айтылмай, анга

толу политика реабилитация этилмей, буз урурну аллы бла кёкню къара булутла басханча, 60-чы, 70-чи, 80-чы джыллада да партия-кърал аппарат ауурлугъун салгъанлай, эсине тюшгенича, бешиш-сёгюш санагъанлай, тургъанлы кеб заман ётмегенди. Къарачайны унукъдурур, бетин джояр, сыйын теблер джанындан тохтаусуз бардырылгъан кюреш улуу кюч алыб эди.

Къалгъан адамланыча, джазычуланы юслерине да къамчи бла къарауул сюелиб тургъанча эди болум. Къарачайны тарихини, ашхы адетлерини, джашаууну юсюнден керти зат джаздыртхан къой, таб табигъатны суратлауну да идеологияны излемлерине тартаргъа ууланыб эдиле властагъыла. «Бизни туугъан джерибиз», «тауларыбыз», «Къарачайыбыз» дегенча сёзле миллетчиликни белгилерине тергелиб, аланы тамырлары юзюлюрге, къурутулургъа кереклиси баш иште саналыб эди. Къралгъа «къабыргъасын джарашдырмагъан халкъны» «айгъакълаугъа», «туйюуге» пленумла, сходла атала, Къарачайны айныууна къаршчы оноула алына, пресса тохтаусуз удуй, ётюрюк китабла басмалана тура эдиле.

Бу затланы эсге салгъаным — Джырчы Исмаил къаллай заманлада джашагъанын, чыгъармаларын къаллай болумда джазгъанын не къадар толу кёзюбюзге кёргюзалсакъ, творчество кючу бла адамлыкъ шартларыны онглулугъун ангылаясакъ дегенликденди.

Кёчгюнчюлюкню аллындан башлаб кърал репрессиялагъа тюшген халкъ къаллай инджиу, азабла чекгенин, къаллай кыйынлыкъладан ётгенин, тутмакълыкъдан къутулургъа тырмашыуун, бютеу джашау кюнюн джыйыб, эс ташлаб къалмай, киши джерледе да къаджыкъмай урунуу бла кюч алгъанын, Кавказгъа, ата джуртуна къайытханын терен суратлагъан Исмаилны поэзиясын, беш башлы эмеген сууну аллын тыйыб тургъанча, онла бла джылланы, поэт ауушхандан сора да, джабханлай келдиле.

Тыйдыла эсе да, джабдыла эсе да — эмегенле къуруб кетдиле, Джырчыны тин къудурети уа кесине джол ачады, халкъына, джашаугъа чыгъады.

Исмаил этгенни башха киши эталмагъанды. Ол не заманлада да халкъыны джашауундан, джазыуундан айырылмагъанды, аны аууазыча, Аллахны, тарихни аллында бир кыйсыкъ сёз айтмай, таза иннетине кёре улуу фахмусун миллетине, адам улугъа кереклисича толу хайырландыралгъанды.

Мен кёкюрекме — тюз айтаса — тюзню суйген,
Халкъ бла бирге бир ёртенде бирге кюйген,
Халкъ бла бирге тёрт санымы ишде тюйген,
Аллай джырчы керекди деб Къарачайгъа!

Сыйы болмагъан адам башхаланы сыйларыкъ тюлдю; халкъны тюнкеси тауусулса, ол да кишиге огъур этерик тюлдю. Кесин истемеген, къалгъанланы да мылтарыкъды. Джангыз аякъ тиреген, не джанындан да онг табхан, къаруу, кюч алгъан миллет бурдураллыкъды адам улуну алгъа, прогрессге элтген чархны.

Ол себеден, уллу-гитче халкъ болса да, анда миллетчилик излеу — аны эркинликлерин кесерге, аякъ тюбге быргъаргъа ууланган терс, аманлыкъчылыкъ ишди. Хар миллет кесин бегитирге, айныу джолда барыргъа эркинди. Аны башхала бла келишиуюню-келишмеуюню хакъындан а (ол башха ишди) кърал ичде, кърала арасында да тыйыншлы оноула алыныб, адамланы джашауларына табыкъла туудурургъа керекдиле.

Семенланы Исмаил кесини халкъын Аллах берген дуняда джашагъан халкъланы биринден кем этмегенди. «Бизбиз сизден ашхыла!», — деб кишини башына урмагъанлай, эрши къарамагъанлай, башхалагъа хыянатсыз, къолундан келгенича халкъыны сыйын кёлтюрюб кюрешгенди, аны бла бирге бютеу адам улуна хурмет этгенди, онгуна онг къошханды.

Ёхтем поэтни бу иннетиди бютеу творчествосуну пафосуна ачхыч болгъан. Аны символуча, идея-суратлау къудуретин танытхан, биз башында сюзе келиб айырылгъан «Керти зат» назмусуну тамалы да.

Анда лирикалы геройну джашау джолуну, сифатыны, джюрек къайгъыларыны, сезимлерини, умутларыны юсю бла, поэт Къарачайны кеси-кесин эсгерирге, ачы джараларын багъаргъа, кёчгюнчюлюк джыргъан-къыргъан, талагъан джашау кючюн, миллет сыйын кёлтюрюрге, бегитирге, Аллах джаратхан энчилигине, орнуна, онгуна къайытыргъа, джарыкъ дунядан изин, учунмакълыкъ алыргъа, игиликге, къууанчча, насыбха элтген джоллагъа атланыргъа, хар адамны, халкъны джашауун багъалатыргъа, сюерге таукеллендиреди.

Башхача айтыргъа, «чачылгъан джуртха басынган адамлагъа» кёл береди, «ууулгъан» джюреклеге джангырыр, айныр кюч сингдире, дуня ашхылыгына байлайды.

Биз, бююннго хар тюз, таза кёллю къарачайлыла, шагъатбыз закий халкъ поэтибизни иннетини мийиклигине, халкъына, милетине учсуз-къыйырсыз сүймеклигине, ангылайбыз, хошбуз, табынабыз керти затына: **Къарачайны кёгюнден таза болмагъанына; Къарачай деген сёзден сыйлы сёз эшитилмегенине; Къарачай деген, къан бла кирген джанча, джюреклерибизде, хар бирибизни джашауубузда тургъанына.**

Кесибизге кесибибизни ангыларгъа, дунябызгъа огъур кёзден къараргъа, Аллах берген табигъатыбызны ариулугъун, берекетин сыйларгъа, джакъларгъа юретген поэтни назму тизгинлери онглу иннет, суратлау кючлери бла энтда кеб тёлюлени тюшонджюрюле, кёблеге, тышхылагъа да, Къарачайны суюджюрюле!

**«Къыйыным — халал, кесим а —
харам, сезюм — чачыла,
джырым — урлана...»**

Семенланы Исмаилны сабий заманымда кёргеним эсимден кетмейди. Къызыл Октябрь элде ким да «Джырчы Сымаил» дей эди анга. Олсагъатда биз аны назмуларын билмей эдик, алай а аны тыш къарамында, бетинде огъурлулугъу, акъылы, ич дунясыны кенглиги, байлыгъы танылыб эдиле.

Керти халкъ поэтни, халкъ джырчыны образыча къалгъанды аны тюрсюню мени эсимде.

Алай а Джырчы Исмаилны сыфатын башха тюрлю кёргенле да аз тюддюле. Сүймегенлик эте эселе, нек?

Бусагъатлада да, мен ушакъ этген, окъуулары-билимлери болгъан бир къауум адамла, Исмаилны юсюнден сёлешселе, айтхан сёзлерини магъанасызлыкъларын къулакъламай, терен сагъыш этиб кеслерин къыйнамай: «Фахмулу адам болгъанлыкъгъа бир джолну, бир иннетни тутмагъанды, бир сабда турмагъанды, влахта аман айтханды да, аны ючюн андан таякъ джейгенди», — деб силдеб иедиле.

Былай учхара сёзлени, алагъа магъана бериб хыртха уруб айланырча къутлары джокъду, алай а нек орунлу болуб турургъа керекди бу заран? Сталин къурагъан систе-

ма къаллай «саб» болгъанын ариу биледиле алай сёз джю-
рютгенле. Властха аман айтхан къой, кече-кюн да анга
махдау салыб, харс уруб тургъанла ала болгъан эселе да,
арабин, унутханмы этгенле Азиялагъа, каторгалагъа быр-
гъалгъанларын?

Джангыз адамны къой, халкъланы истемеген, къан тѣ-
герге къоркъмагъан, кимни да болсун — онгуну-къарыу-
сузну да, улуну-гитчени да, азны-кѣбно да артын этиб
барыргъа ууланыб тургъан системагъа кертиликни сакъ-
латыргъа излегенле — адамлыкъсызлыкъларын танытал-
ла дерге боллукъду, бу зат, мурдарлагъа джесирге, нѣгер-
ликге берилрге кюрешгенлени дуня ангылаулары, джа-
шаугъа къараулары улуу къыяулу болгъаныны, акъылла-
рыны ачы терсейгенини кюзгюсюду.

Кеслерин бир джолну тутуб баргъанлагъа санагъанла,
къадалыб коммунизм ишлей тургъан иннетлеринден не
къалгъанын бир чучхуб кѣрсюнле!

Акъылы болгъан адамны дуня ангылауу бирча къа-
тыб турмайды. Кѣзю ачыла баргъанча, ангысы онгайя ба-
рады, алгъын кѣрмегенин артда кѣреди.

Улуу поэтке уа, тарихден белгилсича, нени да терен
оюмлай, хар ишегѣ тюз, керти багъа биче билиулери сый да
келгиреди, сакъланмагъан джарсыула да сынадады.

Кѣчгюнчюлюкге дери, андан сора да, халкъны джаша-
ууна келген тюрлениуле, джамагъат болумну хауасы,
Джырчы Исмаилны творчествосунда ариу танылыб тура-
дыла. 60-чы джылланы ал сюреминде болдурулгъан либе-
рал джангырыула бла байламлы «джылыу» да; уюуну кѣ-
зююнде идеология бугъоуланы беқден-бек буугъанлары,
адамланы иннетлерин бузгъанлары да, поэтни чыгъарма-
ларындан терен сезиледиле, ойлашдырадыла, тюзюн ан-
гыларгъа болушадыла.

Алында онглу фахмусундан къанатланыб, «учунуб-
учуб» джазгъан, ардан огъур иннети бла, ъхтем кючу
бла халкъын джакълай, зорчу партия-кърал аппаратха
къаршчы чыкыгъан, джюрек талпыуу бла миллетин да кѣл-
ендире, «бек ашыкъ болуб, бек тансыкъ болуб» Шам Къа-
рачайына къайтхан **халкъ поэт, ёлюб кетгинчинге дери
джакъ, тюзлюк табмагъанды**, ызындан къралны репрес-
сия органлары тюшгенлей тургъандыла, суюмегенле, зар
адамла ыйлыкъ сѣзле эшитдире, аууз чайкъамдыларында
атын кирге бояй, табалаб, сындырыб кюрешгендиле.

Мен ангылагъандан, Исмаилны джюрегине чынг ачы кюлтюм бу кёзюуде тюшгенди: миллети ючюн джанын берирге хазыр ёхтем, онглу адамны, ёмюрге болмагъанча мийик суратлау кюдуретли тин байлыкъны халкъына саругъа этген поэтни, ёрге кюбмазча уруб сыртындан салыр ючюн, халкъны кесини ичинден къайгылы, къарангы, дюрген адамланы табыб, аланы юсдюргендиле, сюйген миллети, къарачайлыла кеслери юсюне чабханча, теблегенча, джукъгъа санамагъанча хыйсаб кюурагъандыла.

Энтда туююшоу, энтда дауур-дау,
Былай болубму турлукъду джашау?
Тауусурукъча биз бу дунияны
Хар хыны сёзге табылад сылтау.

«Туююшоучю хоншума» назмуган.

Политиканы аманлыгъы, «кир иш» болгъаны, ай ме-дет, былай хыйсабда танылады: керти керек кюнде табы-лыб, халкъынг ючюн джанынгы берсенг да, политика алай бурдуругъа боллукъду — минг джылны халкъынг сенден джийиргениб, аманлаб, ирият бериб турурча.

Улуу поэтни назмуларын, джырларын урлаб, башхала джазгъандыла аланы, Исмаилныкыла тюдюле, ол бир къарангы адам, керти джыр этеми биллик эди деб, заууалыны аяусуз «ыхдыргъандыла, эзгендиле».

Кёчгюнчюлюкде адам арасындан бырнак этилиб, аты-лыб тургъан заманда да, СССР-де хар джанны идеология кюуршалаб, «Къарачайым» деб айтыргъа болмагъан кёзюуде да, властны эгетлери, «кючлюле», «сюймегенле» тохтау-суз уу кююб, Аллах къабыл кёрген джарыкъ кюнлерин къарангы этиб кюрешген сагъатда да тюз сёзюн кыйыш-дырмагъан Джырчы Исмаилны тин кюдуретин — биз Къарачай эсек, къарачайлыла эсек — нек кёлтюрмей ту-рабыз?!

Исмаилны да, халкъыбызны да джауларына эндиледе да, алгъынча этелгенигизни этигиз деб, эркин джол къоя, гюнахларын эсгертмей, джалгъан сёзлерин, ишлерин да тёрден тайдырмагъанлай, кечилмезлик айыбларына джо-лукъдуралмай, нек туралабыз?! «Джалгъан сёз кёлтюрюб кетгенледен», учсуз-къыйырсыз артыкълыкъла сынагъан адамладан кечмеклик тиленилмей, тюзлюк орнун табмай, залимле дуниясы тахтадан, тёрден таймаз, миллет литера-тураланы, культураланы айныууна да тыйыншылы джол ачылмаз.

Бюгюнледе бек табсыз халгъа келиб тургъан джамагъат болумубузну Аллах тюзетсин, джамагъат ангыбыз, джамагъат бетибиз, онгубуз айнырча себеб этсин, ётген тарих джолларыбызгъа да, бюгюнубюзге да, хар бир ишге тюз кёзден къараб, керти багъасын ангыларча, тыйыншы орнун айырырча.

Зорчу режим бла кюрешде бютеу къарыуу тауусулуб, чыгъармаларына башха «иеле» табылыб, халкыгъа белгили «Минги Таун» огъуна область радиода биреуню авторлугъу бла джырлатхан кюнлени да сынагъанды Къарачайны онглу поэти.

Къолундан башха зат келмей, джашына осиятынды, сёзлерин алмашдыра, эзоп тил бла керти болумну суратлагъанды зауаллы:

ДЖАШЧЫКЪГЪА

(осият)

Къошум чачылды, сюрююум тюзде,
Бештау барамта — табмайма излеб.
Табханыма да душманым даучу,
Булбул орнуна гугук джырлаучу.

Бештау шаушалса, кюн джылыу алса,
Излеялырча мадарынг болса,
Урланнганымы сыйыр ызына,
Джый сюрюююмю эсги арбазыма.

Даучу болсала, айтсала джалгъан,
Хатерсиз сёлеш, болма джалынчакъ,
Белгилидиге мени эним, тамгъам,
Халкъ айтырыкъды сен сорууласанг.

Барым батмасын, джогъум чыкъмасын,
Барымы бер да халкъымы сыйла,
Кесингден артха чыртда къалмайын
Болушурукъду санга Суфия.

1981 гж., Джингирик.

Ай медет, Исмаилны «сюрююуне» къол узатыу бюгюн да тохтагъанды дерча тюлдю. Назму тизгинлери, сейир образлары, адамсызлыкъ онглагъан властны излемлерине табылыулары бла эртделеден бери поэт атха къалыб тургъан:

Хар неден да борбай алгъан, абынмагъан,
Не межгитде, не клисада табынмагъан,
Джарлы халкъны ачыуларын сагъынмагъан —

бир-бир «белгили джырчылананы» фахмусуз, джашаусуз назмуларыны арасында, **башха дунияладан джесирге алынганча**, джылтыраб, мутхузланмай турадыла. Ала-ны ким да кёрюрчады, Семен улуну «эни, тамгъасы» юслериндеди.

Сёз ючюн, Джырчы Исмаилны ачы кыйынлыкъын, бютеу джюрек инджиуюн, анасына учсуз-кыйырсыз суй-меклигин, аны ёлгенине джыдауун-таралууун джыйгъан «Джулгуз атлы, балган татлы, ой анам!» деген назму тизгинине къол этиб, анга кесини ауушхан анасыны атын салыб, кюу «джарашдыргъан» джашха-«поэтге» не айтхын?

Тюз адам эталмазлыкъ ишди бу. Фахмусу, магъанасы дыккы джазыучу сермеб, къралны ауурлугъу, джамагъат болумну, ангыны бузулгъаны джетдирген кыйынлыкъ-ланы тюбюнден ычхыналмай ёлген халкъ поэтни эм онглу тизгинлерини бирин тонау бла башына сый чакъырыб кюрешгенд, кесиникича газетледе, китаблада басмалагъанд. Гудучу «поэт» къаллай бир ыйлыкъгъа, бедигше ие болгъанын айтмай къойсакъ да — излегенин табады — ауушхан анасына биреуню башха кыйынлыкъдан сарнаун атау бла сыныкълыкъ, учузлукъ джоралагъанын эспер-мезча джюрек дуппукълугъуна, ангысызлыкъына-антсыз-лыкъына сейир этерчады.

Алай а бу мисал Исмаилны «душманлары» не адамла болгъанларын толу айгъакълайды.

Ай медет, ол тукъум гудулау къарачай литературада орунлу болгъаны аны суйгенлеге барыбызгъа уму бедигши. Власть Джырчы Исмаилны къурутду, энди аны аты ёмюрде онг табмаз, джазгъанларын киши джокъламаз деб тонагъанланы заман кеси ёкюндюрюр, боюнларына къаллай бир ауур джюк алгъанларына тюшюндюрюр, уруну арты къуру болгъанын энгда бир кере шагъатлар.

Бусагъатлада да къууанч джыйылулада, таб бир-бир поэтлени творчество ингирлеринде, Джырчы Исмаилны «Минги Тауну» макъамы согъулады, не да джыр джырланады, авторну аты уа сагъынылмагъанлай къалады.

Алай бла, билмеген адамгъа, джыр не халкъныкыгъа кёрюнеди, неда — аманы — ол ингирни иесиникича.

Мындан ары, халкъда, уллугъа-гитчеге да, джангыдан белгили болуб бошагъынчы, аллай джерледе Джырчы Исмаилны затлары хайырлансала, улуу поэтни аты кесгин айтылыргъа керекди. Атсыз-чуусуз, «урлана» тургъаны терк тохтаргъа керекди.

Узакъ созулган, халек, хатерсиз джыллада Джырчыны творчествосу литература ичинден, хайырланыудан кенг быргъалыб, таб аны сагъыныргъа мадар болмагъаны себбли, тынгылы литературовед тинтиуле этилмегендиле. Илмуда керти багъа берилмегени, къарачай литератураны ёсююне къошхан магъанасы айырылмагъаны, беги-тилмегени уа поэтке аманлыкъ излегенлеге, аны учуз этерге кюрешген «душманларына», «даучуларына» таблыкъ къурагъанды — сыйлы атын, поэзияда дуня дараджалы дже-тишимлерин аякъ тюбге быргъаргъа, ишлеген «къошун чачаргъа».

Семенланы Исмаилны джашау джолу — биографиясы, кесгин, толу, илму тамалда джазылыргъа кереклиси бюгюн джууаблы литературовед ишлени бириди. Бу иш ба-джарымаса, поэтни образын бюгюнню адамла да, келлик тёлюле да кёраллыкъ, ангылаялыкъ тёлдюле.

Биографиясы къуралгъынчыннга уа, сынгар Исмаилны кесини джазгъанлары, чыгъармаларыдыла бизге, окъучулагъа, аны сынагъанларындан, джюрек халындан, джашау нюзюрлеринден тюз хапар берлик.

Аладады, джашау бла поэзияны тенг кёрген акъылманны Аллахны джарыкъ дунясын ангылауу да, сыйлауу да, миллетине теджегени да.

Сынгар поэзиясы бла тенглешидриликбиз, анда изле-рикбиз, табарыкъбыз Джырчы Исмаилны джашау джолундан, кёргенинден, этген муратларындан тюз хапар.

Кесини юсюнден поэт кеси айтханча башха бир адам айталыкъ тюдю.

Башхача айтылган а — терс айтылады. Исмаил поэзиясында джашауну джазыб баргъанды — кесиникин да, халкънынъын да. Джашауун хаух алыб, алдаулукъгъа джашамагъанча, джазгъанында да джалгъан сёзге орун болмагъанды.

Дуня джарыгъы бла халкъын тенг кёрген иннети уа, Аллах берген бютеу онглу кючюн хайырландырыб, узакъ ёмюрюнде бир кюнюн зыраф ийдирмей, Къарачайны айнытыр джанындан кюрешде ашыртханды.

СССР-ни джазыучуларыны Союзу чачылгъынчыннга, 90-чы джылланы аллында область бёлюмню къарачай

секциясы Джырчыны творчество хазнасын толусу бла джыйыб басмалар джанындан тыйыншлы иш баджара теб-регени эсимдеди. Аны бла бирге поэтни туугъан кюнюне атаб юбилей джыйылыу, илму конференция хазырларгъа таукелениб эдиле къарачай джазыучула. Ахырында уа джукъ да этилмеди да къалды.

Сёзсюз да, олсагъатда джазычуланы талай джыйылыуларында башланган иш Джырчы Исмаилны джашаууну да, творчествосуну да толу политика реабилитациясын баджарыр мурат эди.

Аны ахырына дери болдурургъа къоймагъанла, ёмюр джарымдан артыкъны Джырчыны унукъдуруугъа ууланьб тургъан къара кючге, Совет власть къуруб кетгенден сора да, юлюш къошдула, Исмаилны творчествосу окъуучугъа эркин ачылыр джеринде тыйдыла. Къарачай джазычуланы организациясы бу иште таукелсизлик, къарыусузлукъ этгенине ишексизме. Эшта, алгъыннгы ыхдырууну ууу энтда тауусулмагъан болур!

Аллай болумда, энчи башламчылыкълары бла, 1992 джыл Джырчы Исмаилны сайламаларын Москвада китаб этиб Семенланы Дахир, Чаушланы Исрафилъ, Лайпанланы Билял чыгъардыла. Халкъларыны культураларыны, искустволарыны, литератураларыны ёсююне джан аурутханла сау болсунла!

Поэтни иги кесек назмусу кирген «Джырчы Сымаил» деген бу китабдан сора 1996 джылны январь айына дери аны творчествосундан окъуучу къолуна алырча башха зат джокъ эди.

Нальчикде чыкъгъан «Минги Тау» журналны ол джылгъы биринчи номеринде, Семенланы Исмаилны 105 джыллыгына аталыб, «Акътамакъ» поэмасыны бюгюннге табылгъан толу тексти басмаланды. Чыгъарманы басмагъа хазырлагъан, журналны баш редактору Бегийланы Абдуллах «Ал сёзюнде» былай джазады:

«Адам не къадар улуу, не къадар фахмулу болса, аны о къадар терен тунчукъдурургъа, о къадар ыспассыз этерге кюрешиб келген дуниядан чыгъар-чыкъмаз жашайбыз. Алай, Аллахха шукур, акъ сёз, таза сёз, керти сёз жокъ болмайды, ёлмейди, чыгъады бир кюнде жарыкыгъа, туурагъа, Исмаилны «Акътамагыгъа». Бу закий чыгъарма энди басмаланады, юч жыйырма жылдан сора! Аны басмалауну «Минги Тау» кесине улуу намысха, борчха да санайды. Ана тилин, ата юйюн, туугъан ташын, тарихин, халкъын

суйген хар таулугъа «Акътамакъ» улуу къууанч боллугъун да биледи. Ол сейир этиб къаллыкъды тилибизни шатык-лыгына, байлыгына, жүрек, ниет тазалыгына, тёрени, адетни ариулугъуна, суймекликни чууакълыгына, эсникъылы тереңлигине... Бу тауушлукъ зат эндиге дери чыкъмай тургъанына да. Бир шексиз, «Акътамакъ», тейри эшиги ачылгъанча, къарачай-малкъар миллет культурагъа, Тюрк дунияны алтын хазнасына жангы сёз болуб къошуллукъду».

Къарачай литератураны чынг мийик джетишими — Семенланы Исмаилны поэзиясы — бирнак болуб тургъаны — бюгюн да литература джашауубузну терең къыялуулугъун шагъатлайды.

Джазыучулары Союзу быллай чотну тюзеталлыкъ тюл эсе, аны магъанасы недеди? Мен ангылагъандан, къарачай джазыучулары, республиканы джазыучуларыны организацияларыны да бюгюнледе баш иши — Семенланы Исмаилны творчество хазнасын толусу бла джашаугъа къайтарыду.

Исмаилны китаблары чыкъмасала, Джырчыны сыйлагъан юбилей джыйылыула, илму конференцияла бюгюнню окъуучугъа аны тин байлыгъын келтирген къууанч болмасала — барыбызгъа, бюгюнню къарачай литературагъа — дуния литературагъа да, къарачай халкъгъа — бютеу адам улуна да ажымсыз заранды, къоранчды.

Исмаилны бютеу чыгъармаларын окъуучугъа толусу бла къайтарыу, сёзсюз да, бир-эки адамны къолундан келик иш тюлдю, поэтни ахлуларыны, джууукъларыны иши тюлдю — халкъны ишиди, Республиканы ишиди — Джырчы Исмаил бютеу халкъыбызны онгун кёргюзген адамы болгъаны ючюн, Дунияны адамы болгъаны ючюн.

Мен бу статьяда, Джырчы Исмаилны джашауу, чыгъармачылыкъ джолу этдирген бир къауум сагъышларымы джазама. Алах айтса, литератураны суйгенле, окъуучула, литературоведде, алимле улуу ишге кеслерини юлюшлерин къошарла, алай бла Къарачайны эм онглу адамларыны бирини керти тюрсюню, суратлау къадары келлик тёлюлеге да тин хазна болуб джетер, 20-чы ёмюрню болумун, къайгысын-зауугъун, алда заманлагъа да ачыкъ этер. Алах айтса, джыйылыр Исмаилны «сюрююю» «къошуна», къайытыр тин берекети халкъына!

«Мени киби́к бу джерге э́тда не́нча сукъла́ныр?..»

Адам ёмюрюнде сынагъан зауукъну, къыйынлыкъны да, джашауну магъанасын айырыргъа кюрешиуюн да, табигъат бла арасын, келишиуюн, огъур дунияны къойнунда ашхылыкъгъа, игиликге, суймекликге талпынуун, джазыуунда учундургъан, мыдахландыргъан, къыйнагъан, термилтген затланы хакъындан сагъышланы да, джашауну да, ёлюмню да, болгъанны да, боллукъну да — заман ёте баргъанлыкъгъа кереклиликлерин тас этмеген лирика темаланы ёмюрледен бери адам улуну эм онглу акъылманлары кёлтюргенлей, кеслерини оюмлары бла байындыргъанлай келгендиле.

Ёмюрлюк темала деб нек айтылады?

Ала дуниягъа туугъан хар адамгъа джангы, энчи болгъанлары ючюн.

Айтыргъа, джер джюзюнде эндилеге дери да хар бир адамгъа суймеклик айтдыргъан сёзле учсуз-къыйырсыз къайтарылгъанлыкъларына кеслерини тазалыкъларын, ариу-лукъларын, магъаналылыкъларын тас этмегендиле. «Сюеме!» — сёз эсги болмайды, нек десенг, ол белгилеген сезим хар адамны джюрегинде джангы тууады, хаман да биринчиди, хаман да энчиди. Айтылгъан сёзле бир болгъанлыкъгъа, хар ким кесича суюди. Адамла бир-бирлерине ушамагъанларыча, суймекликлери да ушамайды. Поэтлени творчестволарында да бу сезим бирер тюрлю айгъакъланады, теренлигине, кючюне кёре орун табады.

1996 джыл «Минги Тау» журнал басмалагъан «Акътамакъ» поэмагъа ал сёзюнде Джырчыны джашы поэт Семенланы Азрет, атасыны чыгъармачылыкъ джолуну башланнганыны юсюнден айта, былай джазады: «Къулакъ юзюлюр болса — чыпчыкъ аягъындан», — дегенча, Исмаилны ары дери кёрюнмей, ташада тургъан улуу фахмусуну белгили болууна Акътамакъ себеб болгъанды». «...Джер, дуния бютеу да аны (поэтни) суймеклиги эсе, Кавказ (Къарачай) ол суймекликни Акътамагъыды, «Акътамакъ» башындан аягъына деричин да суймеклик джырды».

Дунияны онглу адамларыны кёбюсюн мийик джетишимлеге суймеклик элтгенди. Нек? Джюрекни эм бек джашнагъан кёзюю, джаз башында джылыу табхан джер джаны болгъан затха кюч къуя, бютеу табигъатны къозгъагъанча, джангыдан джашаугъа учундургъанча, адамны эсин, татлы умутладан толу огъур, сейир дуниягъа белей,

акъылына акъыл, къарыууна къарыу къошханча, талпын-
нган затына ёхтем атланыргъа, джетишимле къатларгъа
онг бередиди.

Къуру белгили поэманы тюл, фахмулу поэтни бютеу
творчивосуну — тенгизни теренича терен, сабийни
джыламугъуча таза, кюн джарыгъыча джити, орунлу,
джашаулу, адамгъа насыб юлюшюн табдыргъанча джю-
регин къандыргъан, хошлукъ келтирген, джашаугъа кёл-
лендирген, излегенине, талпыгъанына джууаб этген мий-
ик, илешли лирикасыны тамалында да адамны джашау-
уну сыйын чыгъаргъан, къууатлы, джарыкъ, джылыулу,
берекетли этген, чынг сейир, чынг таза, чынг улуу се-
зим — суюмеклик — джуртха, табигъатха, дюн-дуни-
ягъа суюмеклик, атагъа-анагъа, къарачай халкъына,
бютеу адам улуна суюмеклик, джашауну джашау этген
тутуругъуна, ариулугъуна, насыбына — тиширыугъа
суюмеклик, Аллах берген огъур джашаугъа суюмеклик
болгъаны туудургъанды, джандыргъанды ёмюрлеге за-
кий поэзияны джукъланмазлыкъ шынкъартын.

Ата деген Минги Таугъа миннгенлей,
Ана деген дарий, дамха кийгенлей,
Кюнюм батды джарлы анам ёлгенлей,
Джуддуз атлы, балдан татлы, ой анам!

Билмегенлей кёчюрюрге бардыла,
Сормагъанлай машинагъа салдыла.
Эки джашынг эки джерде къалдыла
Джуддуз атлы, балдан татлы, ой анам!

Кимле чачдыла Семенлада къалангы,
Кимге айтайым джюрегимде джарамы,
Къайда къойдум акъ сют берген анамы?
Джуддуз атлы, балдан татлы, ой анам!

Бу кюнюю окъуб тебреген адам джырлаб тебрейди,
джылаб тебрейди. Былай, бютеу джюрек къылларынгы
къалтыратхан, санларынгы титиретген поэзия кюнюю бир
джерге джыяргъа онг табылгъаны адамны ич дунясыны
мийиклигин чертиу бла бирге, миллетни тин къудурети
къаллай улуу дараджагъа чыкыгъанын, джашауну-ёлюм-
ню хакъындан да терен ангылауун, сезимлерини байлыгъын
белгилейди, литератураны, эстетиканы сыйын танытады.

Заууаллы поэтни джаны бла бир болгъан анасын тас этген къара кюннюю къыйынлыгъыны ауурлугъун сыйындыргъан сарындан — кюуден нюр джарыкъ ургъанча нек болады?

Борбайларынг къыйыла тургъанлай, окъуб башлагъанынгдан айырылырынг нек келмейди?

Анасыны ауушханы анга ёмюрлюк чарпыу, бител-мезлик джара болгъанын ангылай тургъанлай, муну джазгъан адамгъа къолунгдан келгенича бир джукъ этерге нек кюсейсе? Нек талпынады джюрек поэтни, ёксюзню къорууларгъа, ачыуун не бла болса да юлеширге, джумушатыргъа?

Адам аллай улуу къыйынлыкъны кёлтюрюрге къарыу табханына табигъат къурагъан джашау кюнню шукурлай, ким баш урмаз бу чыгъармадача мийик суратлау дараджада атаны-ананы сыйын айта билгеннге, ёлюсюз поэзияда алагъа оюлмазлыкъ эсгертме салгъаннга?

Сёзсюз да, башха чыгъармалача, Исмаил анасына этген кюу да хар окъучугъа энчи сезимле келтирликди, ким да аны кесича, акъылына, болумуна, джашауунда сынагъанына кёре ангыларыкъды.

Бу, тоханасы ажимсыз дуня поэзияны алтын хазнасында тургъан «Анам» кюнню, суратлау къадарына — аны джаратылыууна, джашнаууна айырыб онг табдыргъан мадарла къайсыладыла?

Суратлау чыгъарманы формасы магъанасына кёре къуралгъаны белгилиди. Ични-тышны келишиую — саурукъну ышаны, табигъат къурамгъа тарта, джашауда нени да орунлулугъуна, пайдалыгъына, ушагъыулулугъуна сеbeb болады. Кюнню магъанасы бла формасыны таблыгъы, бирлиги, чыгъарманы тыйыншлы, келбетли, къудуретли эте, ал строфадан огъуна окъуучуну эсин байлайды, илешдиреди, сезимлерин къозгъайды.

Чыгъарманы кульминациясы огъуна былайдады — аны башлагъан строфада.

Сейир ал тенгешдириуледен ата-ана дунягъа джаратылгъан жаннга эм джууукъ, эм багъалы, эм керекли, эм сыйлы болгъанлары эсгериледи: аны айнытхан, чынг алгъа насыб юлюшюн табдыргъан, ёмюрлюк ышыгъы, дагъаны.

Къыйынлыкъны ауурлугъун ачыкълагъан: «Кюннюм баты джарлы анам ёлгенлей» — тизгин да, чыгъарманы эки строфасындан къалгъанларында къайтарылгъан, терен магъаналы, улуу суратлау дараджалы, бир-бирине тамам

бек келишген, таб рифмаланган, таза, жангы, кѳууатлы эпитетледен туугъан рефрен да: «**Джулдуз атлы, балдан татлы, ой анам!**» — ананы огъурун, дуния кѳурамда чынг мийик тахтада — сабийни джюрегиңде — кѳурумазлыкъ тѳрун туру этген бай сыфат — кюню сылтаун белгилеу бла бирге, темасын, мыдах хауасын, сюжетни кѳуралыу-ун айыртадыла.

Башха болумда поэтге джазгъанын сюйгенича бюгерге мадар бар эсе, тюрлю-тюрлю омакълыкъла, «озгун-лукъла» кѳошаргъа излесе да эркин эсе, кюуге кирген хар сѳз, хар тизгин айырыб магъаналы, ѳлчемли, тыйыншлы болмаса, бир артыкъ, табсыз таууш эшитилсе да, хауасын, интонациясын бузарыкъды, иннет тазалыгъына, джашау кертилигине заран саллыкъды. Сѳз ючюн, быллай чыгъармада, сылтауна кѳре, аллындан огъуна аны мыдах хауасы окъучуну эсине, джюрегине джетмесе, ол кюу боллукъ тюдю, нек дегенде, башха затланы хапарлай келиб, ышара, ойнай, сандырай келиб, арддан ачы кыйынлыкъны хакъындан айтылмайды.

Кѳргенибизча, Джырчы Исмаил анасына этген кюуде биринчи сѳзле бла огъуна тема ачылыб, ачы, кульминациялы хапар айтылыб, ызындан бирси тексти келеди.

Не кирирге боллукъ эди, не киргенди бу текстге? Белгилисича, быллай болумда, ѳлгеннге джылауда, адамла керти дуниягъа кетгенлени джашауларындан, джарыкъ бетлерин, онглу ишлерин, адамлыкъ шартларын эсге тюшюредиле, уллу Аллахны аллына бет джарыкълы барырларын, джаңдетли болурларын излейдиле, тилек тилейдиле.

Поэт халкъ традициядан жанламагъанын кѳребиз. Эмда, сыңгар, аны анасына этген кюню, авторну фахмусуна кѳре, мийик суратлау кѳдурети, поэзияны джорукъларыны сакъланыуу, быллай болумда, тентиреген кюнюнде да, авторну айтыргъа излегенин деменнгили, джетишимли кѳатлагъаны, джюрек джарсыуун, сезимлерин толу ачыкълаялгъаны, кыйынлыгъы бла тыгъылыб, джабылыб кѳалмай, джашауну не джанына да сагъышлары, акъылман оюмларыдыла анга ана тилибизде бу жанрны толу магъанасын чыгъартхан, дараджасын кѳлтюртген.

Сюжетни кѳурамында, анасыны ѳлгенини ызындан, кыйынлыкъны теренлигин белгилер не зат салыныргъа боллукъ эди?

Ой, Къарачай къуш тюгюнлей чачылды,
Бар палахны башы бери ачылды,
Джарлы миллет Азиягъа атылды...
Джудуз атлы, балдан татлы, ой анам!

Анасыны ёлгенине тенгиште келген туугъан халкъыны юсюн басхан къыйынлыкъны ачы хапары.

Атадан-анадан керти дуниягъа бири кетсе, бири къалады, экиси да кетселе, ала салгъан юй, ашхы ишлери къаладыла, юй да чачылса, неда балалары башха джары кёчселе — аланы эслеринде да, джамагъат эсде да огъур адамла унутулмайдыла.

Туугъан халкъы, Къарачай чачылгъанда уа, инсаннга ашхылыкъ къалмайды, ышыкъ, джакъ джокъду, сынгар: «Бар палахны башы» ачылыб къалады анга...

Быллай магъана танылады керти болгъан ачы ишни айгъакълагъан: «**Ой, Къарачай къуш тюгюнлей чачылды**» айтымдан — мынга суратлау мадар, метафора демеклик да къыйынды...

Анасы ауушханлыкъгъа, аны бла ушагъын тохтатмагъанча къурагъанды автор чыгъарманы. Ана бла атаны сыйларын белгилей, кеб затны эсге тюшюре, джашауну, ёлюмню хакъындан сагъышларын туру эте, къарачай поэзияны джангы, онглу, бек мийик бетджаннга атлатхан суратлау къудурет табханды Исмаил.

Аны тил байлыгъын, поэтик онгун танытхан бир къауум мадарлагъа, ала неден джаратылгъанларын излей, къарайыкъ.

Ата деген Минги Таугъа миннгенлей — Минги Тауну тегерегинде джашагъанлагъа бу тенгешдириуню терен магъанасы туруду: Европада чынг улуу, чынг мийик, сыйлы тауну башына чыкъмакълыкъ бек онглу, керти эркишиге дурус, тыйыншлы иш, джигитлик болгъаны айтылады, атаны аллай бир къачы, хурметлилиги чертиледы.

Чыгъарманы бирси строфаларындагъы: «Ата деген ашхы ишге талпытхан», «Ата деген ёмюр юйню ачхычы», «Ата деген накъут-налмаз къалады», — окъуучуну ойлашдырырча, тюшондюрюрча къууатлы тизгинле да ата иннетни мийиклигин, ариулугъун, тазалыгъын, ата джюрекни ёхтем кючюн кёргюзюуге аталгъандыла.

Джудуз атлы, балдан татлы, ой анам! — Биз, джер юсюнде джашагъан адамла, джудузладан мийик джукъ билмейбиз. Мийиклигине кёре, джудузну ариулугъу, джарыкълыгъы адам улуну ёмюрлени узагъында сюйюндюр-

генлей, сукъландыргъанлай келгенди, джюрекледесе сейир умутла, учунмакълыкъ, джангы кюч туудура, ингилликге, тазалыкъгъа белей, къууанч, огъур сезимле келтиргенлей тургъанды. Эмда «Джулдуз» сёзю биллай сыйыннгылы, уллу, терен магъанасы аны поэзияда чынг кеб хайырланганладан этгенди.

Поэт ёлген анасыны, Джулдузханны, атын назму тизгиннге салыб, фахму кючю бла, анасыны аты энди ёмюрлюкде турлукъ ол тизгинни, мийик кёкде джулдуз тегереги нюрленнгенча, сейир, тамаша джарыкъдан толтуруб, ана огъурун, къачын, сыйын, анга кесини ёлчемсиз сюймеклигин да, ана аууазча джумушакъ эшитилген, ариу, кирсиз рифмалангангъан эпитетледен, дуня поэзия алкъын кёрмеген, адамны эсин тартхан, джюрегине разылыкъ бюркдюрген сейир, огъур, къудуретли образ джаратханды.

«**Балдан татлы**» — эпитет ана бла баланы бир-бирлерине не хыны, не хатерсиз кюч да юзелмезлик сюймекликлерин, байламлыкъларын терен ачыкълайды.

Ананы огъурлу сыфатын не къадар терен, не къадар толу, адамны ангысы джетелген эм мийик дараджада ачыкълаугъа аталгъандыла кююнню бютеу строфаларында бу сыфат бла (рефрен бла) бирге хайырланган айтымла, соруула, тенглешдириуле, метафорала, бирси суратлау мадарла: «Къайда къойдум акъ сют берген анамы?», «Ана деген кёкню, джерни танытхан», «Ана деген джашауунгу басхычы», «Ана деген джанынга джан салады», «Тогъуз айны ау тюбюнде кёлтордюнг», «Ёшпонюнгю тешек этиб ёсдюрдюнг», «Джюнюню джибек этген алтын къолларынг», «Анам эсе бир мусафир шейитди», д. б.

Дуняда эм ариу, чынг огъурлу, чынг онглу тиширыуну — ананы — сыфатын, къууатлы, ашхы портретин, бир ажимсыз, уллу суратлау кюч бла джазгъанды акъылман поэт.

Джыллыкъ джолдан келир эдим кёрюрге,
Санга, анам, олджан салам берирге,
Разылыгъынгы алыб ёлюрге
Джулдуз атлы, балдан татлы, ой анам!

Къарачайда къабырынгы табсам эд,
Зияратха Азиягъа бармазем,
Былай болуб къаллыгъымы мен билсем,
Джан бермейин айырылыб къалмазем.

Бу дунягъа туумай къалгъан мен болсам
Сени ёлген ачыуунгу билмезем,
Къазакъ элде къабырынгы кёрмезем...
Джудуз атлы, балдан татлы, ой анам!

Былай тизгинле джетген къыйынлыкъны ауурлугъун,
Джырчы Исмаилны анасына байлагъан кючно ажимсыз
ачыкълайдыла.

Алай а уллу поэтни ачы джарсыу кючлеген эсинде ду-
ния къурамны тюзлююнню-терслигини, джашау бла ёлюм-
дан аякъ алышларыны, адамны дуняда орнуу хакъын-
дан сагъышлары, оюмлары, ара айырыуудула кюноно магъ-
анасын кёлтюрген, биреуню басхан къыйынлыкъны мий-
ик поэзияны кючуо бла бютеу адам улугъа иннет-тин къа-
дар болурлай, анга джолукъгъанны ойлатырлай, тюшон-
дюрюрлей дараджагъа чыгъаргъан: «Ёлюм деген хар джю-
рекни ачытхан», «Джюрегиме джюрек ауруу къатылды»,
«Ёлюм деген джашагъанны ачысы», «Нек джылайма ким-
ден да не келликди?», «Уллу Аллахны буйругъуна тёрзерсе,
Махшар кюнде, ой балам деб, излерсе»;

«Кюн садакъа мени санга беририм,
Аллах айтса, махшар кюндю кёрюрюм»;

«Кече ёмюрюм бир къарангы тёбеди,
Кюн ёмюрюм джюзюб кетген кемеди,
Ёлюм деген хар адамгъа тёреди
Джудуз атлы, балдан татлы, ой анам!»

Джашау бла ёлюмню чыртда тохтамагъан ёмюрлюк
кюрешлерини юсюнден, «Анам» кюуден башлаб, дагъыда
кеб чыгъармасында джазгъанды Исмаил. Аны акъылман
оюмлары, сейир, ариу назму тизгинлери, бюгюнлюкде нарт
сёзлени дараджаларында, халкъда хайырландырыладыла:

Мурат тау башында, аджал имбашында
Этген муратына ким джетер?;

Адам ёмюр — саркъыб кетген шоркъады;

«Джашау деген ёмюрледен — кёз алдау,
Ёлюм деген джашагъаннга ёмюр дау» д. б.

Ким да алгъышда уллу Аллахдан, ол буюргъан джазы-
удан ашхылыкъ, насыб, саулукъ, онглу джашау тилейди.

Алгыш айтхан сагъатда адам джалгъан сёз айтмайды, Аллахха табыныуу бла, энчи ушакъ этгенча, джюрегин, иннетин толу ачады, болумун, магъанасын туру этеди.

Исмаилны, бютеу дуния ариулугъун джыйгъанча, закий тизгинлери:

Отха иймей, суугъа иймей сакъладынг,
Юй кёгюрчюн къанатларын джабханча,
Белляунгда сени алгыш сёзлеринг —
Джанкъылычдан нюр таякъла къакъгъанча... —

ана бла баланы бир-бирине байлагъан, аджатмагъан онглу, огъур кючню да, ана джюрекни бютеу къарыуун, тазалыгъын, кесин унута, баласына берилмеклигин да, ары дери дуния поэзияда болмагъанча, терен чертедиле.

Ананы белляуу, айхай да, алгыш сёздю, огъур тилекди.

Поэзияда, Джырчы Исмаилгъа дери быланы бир-бири бла былай терен, сейир кюч бла байлагъан, бир джанча бирликлерин айыртхан болгъанды деб билмейме.

«Джанкъылычдан нюр таякъла къакъгъанча» метафора ананы тилегини мийик дараджасын, иннетини учсуз-къыйырсыз огъурун, джанкъылычны джаратхан кирсиз хауача тазалыгъын, сабийине этген умутларыны мийиклигин, Аллахны джарыкъ дуниясына тыйыншлылыгъын ачыкълайды. Сабийи аман болурун излеген ана джокъду.

Дуниядан кетген атасына, анасына джюрек инджиую джыйылгъан, Джырчы Исмаилны чынг онглу чыгъармаларыны бири — «Анам» деген кюу — хар тизгини толу айттым, сейир суратлау, дуния къурамда атаны-ананы сыйларын, багъаларын танытады, алагъа дуния байлыгъы сабий болгъанын ангылата, къачларын мийикде тутаргъа талпытады.

Бютеу творчевосунда эс бёлюннгенлей келген тема-ла бла бирге, Исмаилны, айырыб, джашаууну экинчи джарымында эмда ахырында творчество кючюню асламын алгъанла бардыла. Къайсыладыла ала?

Поэтни джамагъатда орну, къуллугъу. Уллу фахмусуну кючю бла бай ич дуниясын толу ачыкъалагъан Исмаил кесини поэзиясына кимден да тюз багъа бере билгенди, аны халкъына кереклиги толу ангылагъанды, эмда, ол себебден, къоркъмай-юркмей, къыйышдырмай керти сёзюн айтханды, адамлыгъын да, фахмусун да ууакълат-

магъанды, учуз этмегенди. «Белгили джырчы бла сёлеше» деген назмусунда, фахмусуну тамалын кёргюзгенча, кесине базындырған затланы чертеди:

Мен кёкюрекме — тюз айтаса — тюзню суюген,
Халкъ бла бирге бир ёртеңде бирге куюген,
Халкъ бла бирге төрт санымы иште туюген,
Аллай джырчы керекди деб Къарачайгъа!

Фахмусуну теренлигин, онглулугъун, адам улугъа улуу пайда келтирича магъанасын Исмаил кимден да иги ангылагъанды, болушулусуча айтыргъа да тартынмагъанды:

Сен къалырса талай джыддан сагъынылмай,
Мен турурма Къарачайда унутулмай,
Миллет берир багъабызны аджашдырмай,
Быллай джырчы керекди деб Къарачайгъа!

Къошханы-къоратханы болмагъаны ючюн, башына асыры кеб сый тартханнга, махтанчакъгъа тергейле деб эсине да келтирмей, сейир поэзиясыны, кесини онгуну, улуу фахмусуну юсюнден Исмаил быллай, адамны суююндюрчя, сукъландырыча тизгинле джазгъанды:

Трам Семенни джашы эдим,
Къарачайны къадау ташы эдим,
Назмучуланы башы эдим;

Манга келгенед аллай бир кёзюю:
Джумлай аламгъа айтдым сёзюмю,
Къарачай тилни сыйлы этдирдим,
Къарачай джырны кеннге эшитдирдим;

Мен — миллетни алчысы;

Мен — тау белден ёргелей;

Мени тилим онгмаз сёзню анасы...;

Мени джырым Къарачайда айтылып
Миллетими ауазына саналыб.

Ехтем, сейир поэзиясы келтирген улуу сыйны, эмананы ючюн ёмюрюню узагъында чекген «ыхдырууну», «эзиюню» хакъындан сагъышлары да Исмаилны кеб чыгъармасына киргендиле:

Бар эди джазым халкъны къаратхан,
Бар эди джайым миллет джаратхан,
Энди къач келди, алтынчач аты,
Сууукъ джангуру, джеллери къаты.

Чегет тешиине, суула таркъай,
Кюн къысха бола, джылыу азайя...
Къачны джюрюшю сагъыш этдире,
Къыш ауангысы къоркъуу джетдире.

Чапыракъ уча, джер къуу-шуу бола,
Джюрегими да мугурлукъ ала,
Кетген кюнюмю эсге тюшюре,
Алай бла джаныма сеbeb келтире.

Эй, джазым, джайым мен джетмез джерде,
Къач бла къыш а — къатымда терде!..
Сагъыш этгеним — мени къанатым!..
Эсге тюшюрюу — къууанч сагъатым!

Болумну терен ачыкълар ючюн, джашауун джылны чакълары бла тенгешдире, къаллай онглу, хар окъуучуну ангысына, джюрегине да толу джетерик, ойлашдырлыкъ сыфатны къурагъанды бу назмуда поэт. Тюзлюкню, терсликни хакъындан сагъышлары, ёлюб кетгинчиннге, Исмаилны бошламагъандыла.

Тутхан дининги сат делле маннга,
Адамлыгъынгы ат делле маннга,
Аллахха аман айт делле маннга,
Сора орнунга къайт делле маннга, —

деб, «Тёзюу» деген назмусунда «насыб сагъайыб» келирине, алай демеклик, джашауда тюзлюк баш орунлу болуруна алкъын ышанмакълыгъы кёрюне эсе, «Мыдах сагъатда» назмусу ол умутуну юзюлгенин танытады.

Джаш ёмюрюм джанкъылышча джылтырай,
Къарт ёмюрюм балыкъ киби кълтырай,
Умутларым — джети кёкню джуддузу,
Джашауум а — къыш кечени мугхузу.

Кюч табмадым, мийик кёкге учмадым,
Джуддузланы миллетиме чачмадым,
Мугур болгъан джюрекдени ачмадым,
Зар уясы — бу джерледен къачмадым.

Туугъан джерден къайры къачхын таш атыб?
Ётюрюкню къалай айтхын бет сатыб?
Сатлыкълагъа кёзбау джыра этмедим,
Аны ючюн мурагыма джетмедим.

Кеб джылланы «унутулуб», «тюйюлюуге», «сыныкълыкыгъа» къалыб тургъан поэт не сынмагъанды, не ачуулу-дертли болмагъанды, не серликге дженгмегенди, ахыр кюнюне дери сейир поэзиясы чакыгъанлай, джашнагъанлай тургъанды. Ол табхан, хайырланган онглу суратлау мадарла, ол джетген мийик суратлау дараджа, ол баямлагъан джюрек-иннет кюч кимни сансыз къоярла?

Джашлыкъны, ариулукъну, учунмакълыкъны, таза-лыкъны мийик кёкде джылтырагъан **джанкылычха** болмаса, неге тенгешдиргин?!

Къартлыкъны, къарыусузлукъну, кюч юзюле, джашаудан тюнгюле барыуну, хауа табмай, солуу джетмей, джан дыгаласда **къалтырай тургъан балыкыгъа** болмаса, неге тенгешдиргин?!

Закий умутланы, учлары-кыйырлары болмагъан мийик адам умутланы, **джети кёкге да нюр джарыгъын бюркген сейирлик джудузгъа** болмаса, неге тенгешдиргин?!

Онла бла джылланы узагында аманлыкъчы къралны каратель органлары, эгетлери, «сатлыкъла», «гудучула», «сюймегенде», «залимле», «зарла», къан ичиучю гыбылача, онгун талагъан поэтни джашаууну ахыр джылларын **сууукъ кыш кечени мутхузуна** тенгешдириу да теренди, поэтни айтыргъа излегеин толу ачыкълайды.

Джети кёкню джарыталлыкъ **умутларын-джудузларын-сейирлик чыгъармаларын**, поэтни «миллетиме чачмадым» деген тизгининде, аны фахмусуна, поэзиясына къаллай бир заран салыннганы айгъакъланады. Исмаилны унукъдурур ючюн къара кючлерин аямагъан аманлыкъчыла къаллай бир джюрек онгун, джашауун, суратлау къададын къурутханлары, бу таб метафораны юсю бла терен сезиледи.

Поэтни джашауну, ёлюмню, адамны джазыууну хакындан сагъышлары.

Татлы дуня! Сейир дуня! Ачы дуня!
Джаратаса. Ёсдюресе. Джашнатаса...

Бергенинги кёбсюнесе, сыйыраса,
Аздыраса, тоздураса, к'яушатаса!

К'ячан, неден башланнганды сени аллынг,
К'ячан, к'яйда тохтарык'ды сени артынг?
Эй, улуу алам, ким ётапыр сени джырыб,
Ёлюм деген уу палахны башын к'ырыб?

Дунияг'а келген хар инсанны, джаратылг'янына да, керти дунияг'а кетер заманына да айлана да эси бёлюннгенлей туруучанды. Джашауну маг'анасын чучхуй, аны к'юралг'яныны тюзлюгюне-терслигине джууаб излей, ёмюрледен бери адам улу оюмлар ючюн к'алмаг'анды. Не ди бу джарык' дуния? Нек келебиз анга? Келдик эсек, нек кетерге керекбиз? Нек буюрады джаратхан улуу Аллах андан ётерге, джер юсюнде ызыбызда — баг'алы, джууук', суйген джюрекледен — джарсыу, джылау к'ююб кетерге? Сауг'а болса — джалг'ан дуния демезек. Сынау берген — джазыуубузг'а тюбейбиз, хар бирибизге джан берген сыйлы Аллах неге тырмашырыбызны, к'яйры атланырыбызны кеси билед, айырад. Недед да джашауну, джашаг'анны хайыры, болг'ан зат ажымсыз ёмюрлеге к'алмай эсе, учхан джудузлай, джаныб, к'уруб, думп болуб кетерик эсе?

Дуния тахсаланы к'армауг'а, ёмюрлюк соруулаг'а джууаб излеуге Джырчы Исмаил да иги кесек назму тизгинин атаг'анды. Джашау бла ёлюмню тохтаусуз кюрешерин айг'ак'лай, улуу поэт кеб затха кёз ачдырады, кеб затха тюшюндюредди.

Неден башланнганды аны творчествосунда бу тема, не заманда бёлгенди анга Исмаил эсин, к'аллай оюмла этгенди, не эсеблеге чык'г'анды?

Таныг'анланы шаг'атлык'ларындан, кесини джазг'анларындан да, Исмаил саубитген, бек к'арыуу адам болг'аны белгилиди.

«Исмаил араб-аджам адабият бла, к'арачай-малк'яр фольклор бла иги шаг'рей болг'анындан тышында да: тебсерге, джырларг'а, сёлеширге уста, атда ойнарг'а, эмилик юретирге, тутушург'а, джау джунге чыг'арг'а, чалк'ы чалырг'а кишиге ал бермеген, дунияг'а ишленнген, саулук'луу, чырайлы, сюек саулук'луу адам болг'анды. Игид да дейсе:

Джылтырайды-джанады
Миннген атынгы туяг'ы,

«Сороковойчукъну» тартыб келеди
Семен улу биягы...

«Бу джырны дырынчы кызла Исмаилгъа этгенди-
ле», — деб джашы Азрет джазады; ийнарда сагъынылгъан
«сороковойчукъ» — 1,25 гектар биченлик болгъанын да
эсгерте.

Кёбмю болад Къарачайда бир той кьоймай,
Къасым бла ойнай, кюле айланганлы?
Акъджал бла чарсха чабыб, орун алыб,
Эм джигитге, эм гёджебге саналгъанлы?

Эй, заманым, сен хорладынг, атдан атдың
Сырты джерге бир тиймеген Исмаилны.
Алтын чачын акъ кырау бла акъ агъартдың,
Нёгерликге бериб эсги хамаилны, —

деб джазады къартлыкъда, джаш джылларын тансыкълай,
Исмаил да.

Акътамакъ улу суймекликге джюрегин уятхан са-
гъатда, эси бла бютеу огъур дунияны аулай, ийнакълай,
керти деуча:

Къаблан кибикди къарыуум,
Джер тебрэндирир барыуум, —

деб белгилейди къара кючюн да, джюрек халын да ёхтем-
ленген поэт.

Быллай онглу, къарыулу адам, айхай да, джашаугъа тю-
бюнден ёрге къарамагъанды.

Адамлыгы бла, фахму къудурети бла халкъына хай-
ыр келтирирге талпыб, джашаугъа учунмакълыгы бла,
иннет тазалыгы бла, борбайы бла, ариулугъу бла тегере-
гиндегилени суйюндюре, сыйлай, дуния ашхылыкълагъа,
насыбха кёл байлагъанлай, кыйын болумланы аларын-
да ийилмей, къууанчха — къууанчхача, джарсыугъа —
джарсыугъача тюбей, Аллах бергенича халал урунуб, огъ-
ур бла, иман бла джашагъанды Исмаил.

Ахыр джылларында джазылгъан, джашаууну юсюнден
сагъышларын кёргюзген «Джолоучулукъ» деген назмусу
хар затны, сагъышланы да, джашаугъа кёре алмашыныу-
ларын ариу суратлайды, лирикалы геройгъа не да кесини
кёзююнде келгенин танытады.

Джашлыкъ джылларым,
Сант заманларым...
Кёк чартлагъанча,
Балий чакъгъанча,
Терк ташайдыгъыз,
Кёл азайтыгъыз.

Сизни ызыгъыздан
Джашил сызгъадан
Акъыл юлюшюм
Акъырын тюшюб
Къучагъын керди,
Илмусун берди.

Ол кёзюу маннга
Учуруб санны
Кеб зат билдирди,
Таугъа миндирди,
Ёрге салдырды,
Хорлам алдырды.

Сора къорады,
Кенгден къарады,
Кийик къачханча,
Кёк чартлагъанча...
Тынчлыкъны алды,
Мыдахлыкъ салды.

Аланы орнуна,
Заман дуруслаб,
Келгенди къартлыкъ,
Сербаш акъмакълыкъ.
Нёгерим одду,
Болумум солду.

Ёрлеу бошалды,
Аякъ ашалды,
Тебрэдим тюшюб,
Санларым юшюб,
Тёнгереген ташча,
Учхан агъашча.

Алымда ёзен —
Къарангы гёзен.

Алкъын ачыу-джарсыу сынамай, «ойнай-кюле айланган», чамдан, накъырдадан, зауукъдан толгъан джаш джылларын бек кеб чыгъармасында сагъынады поэт.

Не кыйын кезюуде да джашлык чакдыргъан уллу насыбны, ол этдирген джетишимлени, «хорлавланы» эсде туту, джашауга илеш, джарык кезден къарагъанын кыймагъанды, анга не ёге джаш, не кьонак болмагъанын унутмагъанды Исмаил.

Ол себебден болур, не ауур темагъа джазылгъан чыгармасыны да окъуучугъа унугъууну уун келтирмей, абзыратмай, сындырмай, эс табдырыуу, джашауга келлендириуу. Джаш джылларында да, улайгъан, джыллары «джюзге джанаша» баргъан сагъатда да, джашауундача болур, поэзиясында да, бирде чам, нактырда бла да, джарык дунияны, джашауну сыйын, кючюн, огъурун джюреклед бегитир муратда, кесини ажымсыз махтауун, онгун танытхан юлголе, айтымла бла кьоркмай хайырлана, — хар бир адам инсан ёхтем, онглу, джер джюзюнде бийлик этген магъанасына керти, тыйыншы болургъа кереклисин чертеди, бегитеди Исмаил.

Неда, сёз ючюн, аны, мийик суратлау кючю бла дуния шедеврлеге тенг, къартлыкгъа аталгъан назмусун окъугъан адам, бек джылы келиб эсе да, ауруб, къарыусуз эсе да, — саулук табаргъа, къарыуун джыаргъа келленир, муратларын таркъайтмаз, ышарыр, джарыр, бютеу джашау кючю тауусулмай, «мурдар уучугъа» «бой салмаз».

Къартлык, сени келгенинге хош тюлме,
Ийнан анга,
Уруш этмей бой салалмам къутсуз джыйрык
Киши санга,
Исмаилны тюшюрсенг да чабхан атны
Деу белинден
Айырмаса аны алай джашаб тургъан
Шох элинден.

Баш аурутуу, кыйын тюшле, къарыусузлук
Садынг саннга.
Кюрешесе бир умут да, бир къууанч да
Къоймай маннга.
Джюрегиме такыр бол деб, хар кюнюмде
Къадаласа,
Юзюб къоярмем деб, кенгден къоркъа-къоркъа
Узаласа.

Алай болмам, мурдар уучу, сени аллынгда
Марал кибик,
Джаным саудан тешек болмам ма сен берю

Талар киби.
Джан татахынг ёлюм келсе мени джолда
Излегиз сиз,
Бусагъатда уа кюрешме буууб мени
Сен керексиз.

Поэтни джашаугъа этген хурметин, уллу суймекли-
гин танытхан бу назмуда:

Джаным саулай тёшек болмам ма сен бёрю
Талар киби,—

тизгинле «бу дуняны бир кёргеннге», «баргъан джолун-
га», «кюнде келгеннге», «не палах тюшсе да — иги мурат
керегине», «джан ачытхан бир кюнюннге» тенг зат бол-
магъанын да белгилей, адамны джюрек-иннет къудурети-
ни, этген ишлерини, Аллах салгъан джаныны мийик сый-
ларын, багъаларын чертедиле. Заман тохтаусуз ёте бар-
гъаныча, адамны джашауну юсюнден сагъышлары да,
дуня ангылауу да тюрлене баргъанларын кёргюзген
«Сагъыш» деген назмуда болгъан затланы, эндилеге дери
да дуня поэзияда айгъакъланыр ючюн къалмагъан, алай
а Къарачайны халкъ поэтини суратлаунда да бир тюрлю
бир джаны бла, бирсилеге ушатылмай, миллет ангны мий-
ик дараджасында, ачыкъланнган оюмла келедиле.

Беш джылымда — кёюнда,
Он джылымда — оюнда,
Джыйырманчы джылымда
Тийрелени тоюнда.

Джыйырма бешге келгенде
Чам, накъырда сёзлерим,
Отузгъа джууукълаша
Къама киби кёзлерим.

Отуз бешден атладым
Къаблан киби кекелим.
Къыркъдан атлай билинди
Мындан ары этерим.

Эллиу джылда — эл сагъыш
Алкъын шатык атламым.
Алтмыш джылда — джан сагъыш
Мыдахыракъ къарамым.

Джетмиш джылда төр кьайгы,
Тынчлыкъ излеб санларым,
Сексен джылда — кёр кьайгы,
Ашыкьдырыб заманым.

Токъусаннга киргенлей
Къуран аят аузумда,
Тоба, шукур борч болуб,
Таш мынчагъым къолумда.

Джюзден атлай тебрeдим —
Сабийликге кьайтханча,
Джашаб кетген ёмюрюм
Къысха таурух айтханча.

Дуния деген джилтинди,
Уф — дегенлей джукъланыр...!
Мени кибик бу джерге
Энтда ненча сукъланыр...?

Кесини юсюнден, джашауундан хапарлагъан чыгъар-
масында Исмаил кимни да башындан ётген, кёзююу бла
эсин тартхан терен философиялы сагъышланы белгилей-
ди, айтылгъан затлагъа къарачайлыланы энчи къарамла-
рын туру этеди.

«Дюн-дунияны ташасына ким джетер?» деген соруугъа:

Эй, заман, заман
Ашыгъыш заман!
Къайры бараса
Тохтаусуз хаман?

Нек туудураса?
Нек ёсдюресе?
Бу къадар джанны
Къайры элтесе? —

соруулагъа джууаб излеуге; «Дуния дегенни» не болгъа-
нын, джашауну магъанасын айырыугъа къарачай поэтни
«Ингир», «Шабтал терекге къарай», «Джашагъанса», «Джо-
лум», «Дуния дегенинг — къонакьгъа келген», «Гитче су-
учукьгъа къарай», «Заманым», «Тенгими ёлгенине», дагъ-
ыда кеб башха чыгъармалары аталгъандыла.

Дуния къурамны, джашауну тахсаларын не джанын-

дан да тинте, кенг аламда эм уллу байлыкъны — адамны джанын сакълар, джакълар мадар излеб кюрешгенди акъылман.

Нек бериледи адамгъа саурукъ
Джашаб турургъа джокъ эсе мадар?
Умут байлыкъ да неге керекди
Джетдирмей эсе анга да къадар?

Не хайыр барды келиб кетиуден?
Нек джаратылад бу къадар миллет?
Бир джер юсюнде нек джашау этед,
Эби келмеген бу къадар уммет?

Нек ашыгъабыз тамблагъа талпыб,
Нек ашырабыз бюгюнню сууукъ,
Элте эселе ала экиси да
Бизни уакъ-ууакъ аджалгъа джууукъ...?

Соруула, соруула... Къаллай джууабла табханды алагъа уллу поэт?

Магъана джокъду, эй бу джашауда
Не зтейик?
Бу джерден къачыб аламда къайры кетейик?
Эй, сейир дуния, бизни ауунга
Тюшюрген!..
Кенгден кёргюзтюб насыбны кёздең
Кетерген.

Бу, «Былай ашыгъыб къайры барасыз?» деген назмуну ахыр строфасы, Исмаилны не дараджада оюмлагъанын, «сейир дуниягъа» огъур, сукъланч кёзден къарагъанын, аны бла байламлыгъы, анга суймеклиги азаймагъанын да танытады, ёкюнмейин, ачыусунмайын «кенгден кёргюзтюб насыбны кёзден кетергенини» сылтаууну, джашау къурамны тахсаларыны хакъындан сагъышлары джукъланмагъанын да белгиледи.

Бюгюн-бюгече да чынг онглу алимле, космосха чыгъыуну, анда баджарылгъан ишлени, башха узакъ планеталада джашар мадарла чучхугъанларыны баш магъанасын, — керек болса, адам улугъа кечер, табигъатда болургъа болукъ тюрлю-тюрлю къатышыуладан, катаклизмден сакъланыр, джашауну бусагъатдан эсе онгнга бурур, ёлюмден къутулур джер излеуде кёргенлери белгилиди.

Джырчы Исмаилны «*Бу гжерден къачыб аламда къайры кетейик?*» деген назму тизгини, аны джашауну сыйыны хакъындан сагъышлары джыйырманчы ёмюрде дуния илму джетген мийикледе болгъанын ачыкълайды. Эй, къудурети улуу Аллах, кеси сайлагъан поэтни: «Мен бир алим» деб айтыргъа тыйыншы да этгенди, онг, болум да бергенди.

Эшта, бара-баргъан сагъатлада, кенг аламда, бюгонгю илму билмеген, джашаугъа жангы мадарла ачылырла, закий халкъ поэтибизни да, хар бирибизни да муратларыбыздача, дуния байлыгъы — джашау — **«уф дегенлей» «джукъланмазча»,** терк юзюлюб къалмазча, онглу дара-джагъа чыгъар.

Ачыб къараб, ызына
Джабхан киби кёзню;

Учуб тюшген бир джилтинча;

«*Къысха таурух айтханча*» «*джашаб кетген*» «*ёмюрюнде*» уа: «Неди адамгъа тыйыншы иш?» — соруугъа джу-уабда, Исмаил къачан да кертиге, баш магъаналыгъа тергеген иннети алдады:

«Джашадынгмы, Исмаил?»
Мен айтама: «Къайдам»,
Джашагъанма дер эдим
Тийсе халкъгъа файдам.

Не къыйын болумгъа тюшсе да, не джунчуулу джашаса да — мында — халкъгъа, адам улуна хайыр келтириуде, кёргенди поэт Аллах берген джашаууну да, онглу фахмусуну да баш магъанасын, бу джолда сынагъанды зауукъ да, инджиу да, бу джолда табханды ёлумсюзлюгон да.

Джашау кючю таркъайя, къартлыкъ дженге, «ёмюр джауу» джууукълаша келгенин сынай, «Къышхы сагъыш» деген назмуда да джашаууну хайырлылыгъына-хайырсызлыгъына эс беледи:

Ёмюр төре кюнден-кюннге джууукъ атлай,
Соруу сорад кече сайын джууаб сакълай.
Не айтайым, не ишим бла махтанайым?
Зыраф джылла, сизни къайдан къайтарайым?..

Буетеу ёмюрюндеча, ахыр кюнлеринде да Джырчы Ис-
маилны сагъышлары миллетини юсюнден болгъандыла:

Энди уа бой салдым къартлыкъ дегеннге,
Кеб турмайын ол джатдырыр джегеннге.
Кеб турмайын кёзкермезге кетерме,
Къарачайгъа осиятымы этерме.

Сау къал энди ой джарлы миллетим!
Аллах берсин санга сыйлы хурметин!
Ёлгенингден къошулгъанынг кеб болсун!
Кюуден эсе къууанч джырынг кеб болсун!

Къайгъы сёзюнг алгъыш сёз бла джабылсын!
Хар юйюнгде къарачай сёз айтылсын!
Къабыр топуракъ тау этекде табылсын!
Сыйлы атынг сау дуниягъа айтылсын!

Ауур ынгычхамай, сарнамай, джууукълашыб келген
ёлюмню юсюнден былай тынч, акъылман поэтле болмаса,
ким джазалгъанд?

Ауушуруна, кертти дуниягъа кетерине сагъыш этмеген
инсан джокъду. Ахыр кюнюне дери эсин, акъылын таш-
ламай, джазыб тургъан улуу поэтни ёлюмню хакъындан
чыгъармалары, бир ажымсыз, мийик поэзияны юлгюсю-
дюле, айтылгъан затлагъа окъуучуну эсин толу бёлдюре-
диле, ойлашдырадыла, кеб затха тюшюндюредиле. Джыр-
чыны бу темагъа аталгъан назмуларыны окъуучугъа сы-
натхан сезимлери тюрлю-тюрлюдюле.

Бирлери авторну джюрегини эзилгенини, улуу къый-
ынлыкъ сынагъаныны ауурлугъун чекдире, джарсытады-
ла, титиретедиле, ачы, ышангысыз болумну туру этедиле:

Джашау деген ёмюрледен — кёз алдау,
Елюм деген джашагъаннга — ёмюр дау.
Сен борчунгу алгъа бериб къутулдунг,
Мен а бушуу тузагъына тутулдум.

Эй, кёл десенг — тыйы буздан сууукъду,
Елюм десенг энди манга джууукъду.
Кюнюм десенг — басыб тургъан бир азаб,
Кечем десем — сакълаб тургъан ахырат.

Бирлери, акъылман сагъышланы айырта, улуу, онглу
суймекликни, джюрек разылыкъны таныта, ачыуну со-
рукъдура, поэзияны не темагъа да джюреклени байлагъан

сейир эстетика кючюне сукъландыра, кимни да джашаууна, бюгюнюне-тамбласына да сагъышландыра, джангы тин хазнагъа илешдиредиле, ангыны ёсдюредиле.

Джангур къуяды. Бокъланган ырхы
Орамны тёбен барады. Дыккы
Болганды джарыкъ. Булут басханды,
Кёк джыламугъун джерге атханды...

Сёдегей джангур джауады джерге,
Тамчыла бюрке хар терезеге,
Иги умут бары джерге ташайыб,
Турама джангыз, кёлюм азайыб.

Ойнай, «къарт тели» деучененг манга,
Алтынед тилинг оюннга, чамгъа,
Сен менден алгъа ёлюмню кёрдюнг,
Мен артха къалыб минг кере ёддюм.

Мёлекча кетдинг бир кюн къыйнамай,
Мени юй этдинг джан-сан аямай...
Къууанч да кёрдюнг, ачыу да сездинг,
Тюзюмю ачдың, терсима тёздюнг.

Къыйын джылымда таянчакъ боддунг,
Къууанч кюнюмде эсленмей турдунг,
Юй кёгюрчюнча тыбырда чёкдюнг,
Он бармагъынг бла ырысхы этдинг.

Ой чёбню чёбге джалгъагъан къолунг
Къабыр арада табханды орун!..
Не сыйыт этгин — мен арта къалдым,
Таш джангур кибик къайгъы сёз алдым.

Сёдегей джангур къызгъандан къыза,
Кёлюм такъырды азгъандан аза,
Кеб турлукъ тюлме мен да бу джерде,
Ашыкъма энди санга тюберге.

Бирлери, поэт кесини келлик ахыр кюнюнню юсюнден джазгъанларыча, кёл басдырадыла, «Аллах хар кимни джашар дуниясын» «кеси бергенине, кеси алгъанына» хош эте, дуния, джашау къурамгъа сагъышланы, сезимлени да келишдиредиле:

Ханс кючеген тар джолчукъ бла ауур атлай,
Кючден чыкъдым къабырлагъа кюн туракълай.

Төгөрекде къач къатдыргъан мыдых кырдык,
Кырдык джарыб анда-мында — къабыр тырхык.

Сын ташлары къатыб-къатыб сюелелле,
Джазыулары кючден-бутдан эсленелле...
Ой, бу ёлюм бийлик этген сууукъ джерге
Келгенме мен орун излей боллукъ кёрге.

Былайдаса мен суймеген ёмюр джауум,
Джокъду санга, ол дунягъа, энди дауум,
Былайдаса татлы тенгим, джан татахым,
Былайдаса джандан суйген эт кърнашым.

Заман келди, мен да болдум бери джууукъ,
Эсим тая, кёлюм аза, саным сууукъ,
Келгенме мен сизге хоншу болайым деб,
Сизге джууукъ къабыр орун алайым деб.

Джашау кюнде адам бары не шох, не джау,
Джангыз мында этмез биреу биреуге дау,
Бу тебеде барыбыз да, айырмай, тенг,
Джокъду мында алим, не акъылы кем.

Бу джер бизни бир чунгургъа бирден къуяр,
Эзер, сыгъар, теблер, бурур, къысар, джаяр...
Адам сандан эмиб-эмиб кемик алыр,
Топракъ этиб ол топракъга ёсюм салыр.

1978 гж., Терезе.

«**Джаллы азыгъы мен да болдум...**» Исмаилны кесини джазыууну хакъындан джазгъанларында анга ёмюр джарым чакълы бир заманны узагъында этилген артыкълыкълагъа кесгин багъа бериледи, ол кир ишлени сылтаулары айгъакъланады.

Бир кюнню да хош болмагъанды Джырчыны джюреги онглу поэзиясыны багъасы чыкъмагъанына, аты аякъ тюбге быргъалгъанына.

Кесини фахмусуну мийик дараджасын, халкъыны джашауунда, литературасында, культурасында орнун кимден да бек, ариу ангылагъан акъылман ызындан тюшюб тургъанладан, аланы юсдюргенледен да дуняда чынг онглу сауут бла — ёлюмсюз сёзю бла кёрууланнганды, сынгараны бла кесини джашауун да, поэзиясыны сыйын да сакълаб кюрешгенди.

Айхай да, властны, суймегенлени, зарланы, «зулмучулукъ кёкюреклеринде орун табхан, ётюрюк бла керти зат-

ны башын джабхан» «белгили джырчыланы» ууларындан чекген азабларын Джырчы Исмаилны кесинден кючлю, терен киши да суратламаз, айгъакъалаймаз.

Назму тизгинлерин ангыларгъа джетсе болумубуз:

Сары атым, джаллы азыгъы болгъан атым,
Не эсе да эсге келди эсги атынг.
Акъджал дейем мине тебреб джасандырсам,
Акъджал дейем тойда, чарсада айландырсам.

Айтханымы эте эдинг бирин бузмай,
Бир кере да къалмагъанма санга базмай,
Кеб джоллада джюрюттененг сыртынг талыб,
Бир кере да сындырмайын артха къалыб.

Бюгюн сени ол сыфатынг эсге келди:
Тик сенчадан анам хариб бизге энди,
Мени аллымда сен тесукъа этдинг тамам,
Бизге къараб ышарылды сора анам.

Уяу болдум. Сагъыш этдим. Хошлукъ табдым.
Тюш къоркъуун сабийледен кери атдым.
Джораладым: сени керти джаллы сойду,
Мени уа зар, адам бетли бёрю джойду.

Къадарыбыз ушаш болуб экибизни
Аны ючюн кёрдюм сени бир ишексиз.
Джаллы азыгъы мен да болдум, ажым этдим,
Къыйынлыкъны бир тюрлюсюн джырыб ётдюм.

Сары атым, сен термилмей ёлюб кетдинг,
Мен сау къалыб, ёлюк кибик джашау этдим,
Тилчи тили аягъыма кишен салды,
Атлатмайын джашаууму кючюн алды.

«Сары атым».

Исмаил зауаллы джашаудан кетген 1981 джылда джазылгъан «Кёл басама» деген назмусунда ахыр кере джашаууна, джазыууна сагъышы, миллетине осияты, келлик тёлюлеге этген хурмети кёрюнеди.

Ахыр тылпыуу чыкыгъынчыннга джюрегин къыйнаб тургъан затла да сыйыннгандыла мыннга.

Бюгюн ауруу кючлегенди санымы,
Къутулургъа, эшда, болмаз мадарым.
Къаты сагъыш айландыргъанд башымы,
Кёрюннгенди аджашдырмаз къадарым.

Ёмюр деген кюч сынагъан тик джарды,
Ким насыблы къарар аны башындан?
Мен табмадым чыгъар джолну — ол хакъды—
Джыгъылдым да, къобалмадым джангъдан.

Джашауумда кеб кыйынны сынадым,
Инджиу чеқдим табылмайын керегим,
Инша Аллах — учуз болмад муратым,
Болмад учуз тюзлюк тутхан джюрегим.

Терсни, тюзню элек кибик себелей,
Заман кеси мухур салыр джаулагъа.
Зарлыкъ джетиб, сёз кёлтюрюб кетгенле,
Эшитилинирле энтда джерде саулагъа.

Ким болса да мени атыма ойлатыр,
Мени сёзюм джюрегине байланыб.
Мени джырым Къарачайда айтылыр,
Миллетими аууазына сайланыб.

Бюгюн ауруу кючлегенди санымы,
Къутулургъа энди джокъду мадарым,
Тюз джашауум таза сакълар атымы,
Туудукълагъа джетер керти хапарым.

1981 гж.

«Терсни, тюзню» ачыкълар, ангылар заманыбыз, халкъыбызны тин къудуретин дуня мийикликлеге чыгъаргъан закийибизни ёхтем ишин — ёлюмсюз поэзиясын билир, джакълар, сакълар заманыбыз, Къарачайны чынг онглу халкъ поэтини джашауун термилиуде ашыртхан «джаулагъа» этген итликлерин танытыр, «мухур салыр», кёзлерине тутар заманыбыз, Исмаилны «тюз джашауу», «таза аты», «керти хапары» «туудукълагъа», аджашмай, джоюлмай, ууакъланмай-учузланмай, кирсиз джетерча этер заманыбыз — эртде джетгенди.

*«Къалай насыблы агамлабыз биз!
Сёлешир ючюн — хазыр тилибиз»*

Джырчы Исмаилны поэзиясыны чакъгъаны — къарачай литература тилни джашаулу этгенди, аны «эниди», бютеу суратлау кючюн ачыкълагъан юлгюдю.

Бир ишексиз, таза къарачай литература тилни тамалы

быллай хазнадан кѳуралгъанды, Семен улу салгъан юлюш аны тохтаусуз алгъа, онгуна, ёсюу, айныу джолда барыр-ча хыйсабха чыгъаргъанды.

Башха сѳзле бла айтханда, орус литература тил онгун А. С. Пушкинни джетишимлеринде табхан эсе, ана тилибизни ёмюрледе джыйылгъан сейир кѳудурети, учсуз-кыйырсыз суратлау мадарлары закий халкъ поэтибизни Семенланы Исмаилны поэзиясында ачыкълангандыла, сакълангандыла, джангы, мийик дараджа табхандыла, андан да ары айныугъа атлангандыла.

Алайды да, бусагъатха дери айтыла келгенича, халкъ поэт фольклордан кѳарт (фольклорный старец) тюлдю, джашы поэт Семенланы Азрет айтханлай, бай кѳарачай фольклорну бююнню литература бла сейир поэзия кюч бла байлаб, «литературагъа атлагъанды».

Аны бла кѳалмай, ана тилибизде ёмюрледе кючлерин тас этмезлик литература шедеврлени юлгюлерин кѳурагъанды, кѳарачай поэзияны сыйын дуня дараджагъа кѳлтюргенди. Бирси джазыучула Джырчы Исмаилны тил байлыгына, суратлау кѳадарына кѳре талпыулу ишлеселе, бююн кѳбле ана тиллеринден ёнгелеб турмаз эдиле.

Ана тилинден ёнгелеу, анасындан ёнгелеуча, уллу кыйынлыкъды. Быллай чот тюзелмей мадар да джокъду: тилин истемеген бла халкъын истемегенни не башхасы барды?

Алай а халкъымы джукъгъа санамайма, суймейме, билмейме дегенлеге алкъын джолукъмагъанма, кѳарачай тилден эсе уа орус тил табды, байды, аны иги билеме, анда сѳлеширге сюеме, айтыргъа излеганими ангылатыргъа да онг табама дегенлени уа учу-кыйыры кѳайдад?

Билмеген бла суймегенни арасы кѳалайды? Турсунган — билген этерикди, не да билирге тырмашырыкъды! Бююнлюкде кѳбле сабийлерине кѳарачай тилни таб школлада да окѳутургъа кереклиге санамайла.

Бир ажимсыз, Джырчы Исмаилны поэзиясындача, дуняда чынг белгили тилленича хыйсабы болгъан, келбети бла, шатыклыгъы бла, теренлиги бла, кючу бла аладан кем болмагъан ана тилибизни билсек, анга арт бурмаз эдик!

Ай медет, сыйлы поэтибизни тил кѳудурети, кѳарачай тилни ол ачыкълагъан байлыгъы, мийиклиги эндилеге дери джабылыб турмаса, бу ууу кенг джайылгъан зараннга былай джол ачылыб кѳалмаз эди!

Исмаилны творчествосу «унутулмаса», бугъундурулма-са, **тыйыншылысыча, кѳарачай поэзияны тамалында тур-са,** аны онглу чыгъармаларыны кѳатында фахму джилтин-

лери болмагъан бир-бир башхаланы ташны-ташха ургъанча джазгъанлары уллу орун алалыкъ тюл эдиле; тил, артыкълыкъ сынаганча, къууаты алынганча, бузулукъ тюл эди, окъуучула да ашхы, алапат, огъурлу ана тиллеринден ёнгелеуге джетерик тюл эдиле.

Аллах айтса, **ана тилибиз — хар бирибизге, адамлыгъыбызгъа хурмет келтирген энчи байлыгъыбыз**, мындан ары да айныр, джашнар, аджаб тургъанланы иннетлерине, джюреклерине джол табар, милетибизни ёмюрлюк тин хазнасын сакълар, белгилер.

Тил дегенинг адам джанны башха джандан
Сыйлы этген,
Тил дегенинг хар инсанны билим бериб
Алгъа элтген,
Тили болгъан бу дуняны патчахыды,
Тёрюндеди.
Болмагъан а баш баулуду, хайыуанны
Кеминдеди.

Джигер халкъым, тил байлыкъны сен эртдеден
Уулагъанса,
Джерден, суудан аууаз джыйыб кесгин сёзле
Къурагъанса,
Ол сёзлени чарпытмайын тёлюлеге
Джетдиргенсе,
Бизге бююн — ана тил — деб, учунурча
Этдиргенсе.

«Ана тилим».

* * *

Талашалла орамлада къач джелле,
Къуу чапыракъла джыламукъча тюшелле,
Мени ашыра келген киби кёкледе
Кёк булутла тизгин болуб келелле.

Адам улуну онглу поэтлеринден Джырчы Исмаилгъа Сергей Есенинни ушатама.

Ол да 19-чу ёмюрню тауусулууунда туугъанды, Исмаил кёрген дунягъа кёз ачханды, аны бла бир заманда ёсгенди, поэт болгъанды.

Ол да, хазна школла, университетле бошамагъанлай, табигъатны кесинден юреннгенча, фахмусуну теренлиги бла, тил байлыгъы бла поэзияны чынг мийик дараджасына чыктыгъанды.

Ол да, Исмаилча, хар сёзю окъуучуну джюрегинде орун табхан онглу лирик болгъанды.

Ол да, Исмаилча, чыгъармаларыны тамалына кесини джашауун, ангы, сезим дуниясын салгъанды.

Ол да, Исмаилча, ёлюб кетгинчиннге дери туугъан джепри бла, эччилери-джердешлери бла, юйюрю бла байламлыгъын тас этмегенди. Алагъа, атасына-анасына, халкъына атагъан назмуларыдыла аны поэзиясыны да бетин айыртхан.

Анга да, Исмаилгъача, дуния байлыгъы — суюмеклик болгъанды. Есенин да чынг къудуретли, ариу, ёлюмсюз тизгинлерин бу сейир халны — адамны джюрегин джашнатхан, джашау кючюн кёлтюрген, эм онглу, эм терен сезимни юсюнден къурагъанды.

Джырчы Исмаил да, Есенин да тил бла хайырланыуну, алагъа дери болмагъанча, не ингил, не уллу, не джумушакъ, не ариу сезимни да ачыкълаялгъан, адамны ич дуниясыны байлыгъын, джашаууну сыйын, онгун, огъурун кёргозген мийиклеге чыгъаргъандыла.

Экисини чыгъармалары да кесгин интонациялыдыла, сейир тауушлудула, макъамлыдыла, кёкден, табигъатдан кеси аллына къуюлуб келген берекетчадыла.

Есенин да «тюйюлюр» ючюн, «унутулу» ючюн къалмагъанды.

Орус, къарачай поэтни да закий творчестволары адамны джюрегини джашнаууна, ангысыны учунууна, иннетины тазалыгъына, ашхы умутланы учсуз-къыйырсыз берекетине, суюмекликни къудуретине ёлюмсюз эсертмедиле.

Бир ажымсыз, Исмаилны поэзиясы башха тиллеге тыйыншылысыча, онгун тас этмей кёчюрюлсе, не С. Есенинни, не бирси керти поэтлени дараджаларындан кем боллукъ тюдю, ала джаратхан тин хазналай, кёблени дунияларын «джанкъылычдан нюр таякъла къакъгъанча» тамаша этерикди, джарыгътырыкъды, джюреклеге айныр кюч, къууанч, дуния ангылауларына джангылыкъ, джитилик, огъур келтирликди.

Сёзсюз да, Джырчы Исмаилны орну — дуния поэтлени — закийлени — чынг ал тизимлериндеди. Аз санлы халкъыбызны алмай адамы болгъаны ёмюрлюк сыйды, махдауду.

* * *

Семенланы Исмаилны джашау эмда творчество джолун тюз ангылар ючюн, юч къауумгъа (этапха) бёлюрге тыйыншыды.

1. 1891—1938 джылла. Джашлыгы, поэзиясы кюч джыйгъан, аты айтылгъан кёзюу. «Акътамакъ» поэманы, «Минги Тау», «Джашасын бизни партия», «Къызыл Аскер» джырланы джазылгъанлары.

2. 1938—1957 джылла. Къралны кючлеген, халкъга къаршчы аманлыкъчы режимни айгъакълагъан чыгъармалары. Джырчыны «ыхдырыу», «эзиу». Кёчгюнчюлюкде. Джуртуну тазалыгъын, халкъыны джашауун, тюзлюгюн, сыйын, огъурун, ашхы миллет шартларын, айныр кючюн джакълагъан, ёсдюрген, сыйлагъан чыгъармалары. Къайтыу къууанч.

3. 1957—1981 джылла. «Тутхан дининги сат делле манга». «Зар уясы бу джерледен къачмадым». «Дюн-дунияны ташасына ким джетер?». Джырчы Исмаилны дуния къурамны, джамагъат болумну, табигъатны, джашауну, ёлюмню, джазыуну хакъындан философиялыкъ сагъышлары.

*Джырчы Исмаилны джашау нюзюрлерин,
поэтикасын танытхан бир къауум
магъаналы шартла*

1. Джашау бла поэзияны бир-биринден айырмагъаны. «Поэзия бар эсе — джашау барды, джашау бар эсе — поэзия барды», — деген иннети.

2. Творчествосуну терен лирикалы тамалы. Кесин халкъдан айырмай, халкъны уланы, халкъны келечиси, халкъны джакъчысы деб ангылаб, бютеу закий кючю бла Къарачайны онгун сакъларгъа, огъур шартларын, нюзюрлерин ачыкъларгъа, табигъат къудуретин кёргюзюрге учунганы. Джашауда болмагъан затланы излеб кюрешмей, керти кёргенине, ангылагъанына, билгенине таяна, милетни ашхы муратларын толтуруугъа элтирик джол чухуй, тюзете, ол хайырланмай тургъан кючюн къозгъаргъа, айнытыргъа, тин хазнасын кёлтюрюрге тырмашханы. Джашау былайды деб бегитиу тюл, былай болургъа керекди деб бегитиу, оюмлау, излеу — бютеу дуния поэзияга онг табдыргъан хайырлы шарт.

3. Чыгъармаларыны тилини, башхалыгы болмагъанча, халкъны тилине ушагъаны. Ким да кюн сайын хайырланган тюз, тынч, бош сёзле бла не улуу ишни да, не къыйын болумланы да, не сейир сезимлени да айгъакълай

билиую, онглу тил байлыгын толу, уста, закий кюч бла хайырландырыуу.

4. Исмаилны чемерлигин, айырыб, неден да бек танытхан, чыгъармаларын окъуу макъам да туудургъанча кёргюзген, — къарачай сёзлени эмда аланы къурагъан тауушланы бир-бирлери бла келишиулдерин мийик суратлау дараджагъа чыгъаргъаны. Ана тилибизде бютеулей да 36 фонема болгъаны эсге алынса, сёлешген сагъатда бирча тауушланы, сёзлени дженгил-дженгил нек къайтаргъаныбыз ангылашынады. Лексика дыккылыкъдан тилде бир сёзлени къат-къат айтылгъанлары (тафтология) кимге да эрши кёрюнеди. Уста адам, джазыучу болса-болмаса да, сёзлени ариу келишдиреди, бузукъладан джанлайды. Керти поэзия уа къуру да тилге чемерлиқден, сёз байлыкъны къудуретинден туады. Аллай онгну Джырчы Исмаилны творчествосу туру этгенди: поэтни мингле бла тизгинлеринде бири-бирин энikleген, керексиз къайтарылгъан, хылымылы таууш чыгъаргъан не сёз, не айтым джокъду. Ол огъай, тауушланы, сёзлени келишиулеринде, тилни бирси суратлау мадарлары бла хайырланыуда улуу поэт табхан джангылыкъла, таблыкъла — окъуучуну ана тилибизни ариулугъуна, кесгинлигине, магъана къудуретине сукъландырырчадыла, сезимлерин байындырырчадыла, ангысын ёсдюрюрчадыла.

5. Дуня ангылаууну учсуз-кыйырсызлыгы.

Тамамлау

Джырчы Исмаилны фахмусуну уллулугъуна, дуня ангылаууну кенлигине, онглулугъуна сейирсиниюм, баш урууум, джюрек разылыгым кетмейди. Къарачай литературада къой, орус литературада да бек аз тюбейсе Джырчы Исмаилныкылача алаамат, магъаналы, джюреклени не джашнатхан, не титиретген поэзия чыгъармалагъа.

Закийни назмулары толу эркинлик береди: **«Къарачай поэзияны улуу джетишимлери»** деб айтыргъа. Тилибизни быллай ариу, быллай тынч, быллай онглу хайырландырыргъа болгъаны джазыучулагъа, окъуучулагъа да — бюгюн джашагъанлагъа, келлик тёлюлеге да джарыкъл юлгюдю. Джырчы Исмаил — Устады.

Исмаилны сёзю — халкъны сёзюю.

Исмаилны иннети — халкъны иннетиди.

Исмаилны ауазы — халкъны ауазыды.

Джырчыны творчеству Къарачайны тин къудуретини бек мийикге чыкъгъаныды, хар кимге да берекет келтирген, иннетин ачыкълагъан, тазалагъан, ангысын, эстетика сезимлерин ёсдюрген, алгъа, прогрессге, джарыкъгъа, илмугъа, акъылгъа, оюмлаугъа тартхан хазна.

Къарачай сёзню суратлау кючюн Исмаил, айырыб, толу, терен ачыкъалагъанды. Алай демеклик, джашауда тюбеген гитче-улуу затланы да джик-джигине дери айгъакълар ючюн, сёзлени ариу, таб хайырландырыуда, аланы сёзтутушлада, айтымлада бир-бирлери бла келишиулеринде жангылыкъла таба, тилни къудуретин билиуде, кёргюсюуде, байлыгъын ёсдюрюуде, халкъ поэт киши ётмеген джолну ётгенди. Ол джол ана тилибизде этилген ишни дуния мийикликлеге чыгъаргъанды.

Къарачай литература тилни онгун танытхан хазна аны тамалы болгъаны да ажымсызды. Джырчы Исмаилны творчествосун ангыламагъанланы, неда суймегенлени, сёз урумларыны: «Исмаил — эртдеги поэтди, эскича джазгъанды, кесини заманына кёре бир затла этгенди, фахмусуз адам болмагъанды, алай а бююннгю кюннге келишмейди!» — дегенлерини тутхучсузлукълары, къутсузлукълары, литературадан аз да хапарлы кимге да ачыкъды.

Айхай да, не онглу джазыучуну да бютеу творчеству къуру джетишимледен къуралыб къалмагъаны белгиледи. Исмаилны джазгъанларында да не гитче темалагъа, не учхараракъ, аны фахмусун ууакълагъан, толу ачылыргъа къоймагъан назмула тюбейдиле дерге боллукъду бююннгю кёзден къараб, тыйыншылысыча сюзмей, багъа бичеме дегеннге. Алай а аллай багъа бичиу илмуну излемлерине келишмейди. Литератураны тарихин тюз джазар ючюн, джазыучуну творчеству не заманлада, къаллай болумда джаратылгъанын, объективли, субъективли сылтауланы барын да амалсыз эсге алыргъа керекди. Сёз ючюн, жангы джазыб башлагъан поэтни чыгъармаларыны суратлау келбетлери бир тюрлю болады, фахмусу, усталыгъы ёсюб, не джанындан да бишген, онг табхан акъылманны чоту да башхады. Пушкинде, Есенинде, бирси онглулада да алай болгъанды.

Алайды да, хар суратлау чыгъарманы кесини «гитче тарихи» барды, аны да тюз ачыкълагъандады литературовед ишлени тутхучлукълары.

Исмаилны творчествосу илмуҕа, литератураҕа, искусствогоҕа, кырачай халкыны бютеу культурасына экинчи солуу, жангы кюч, жангы тылпыгу, талпыу да табдырлыгы хакъды.

Халкыны халкылыгын чертиб, аны сыйын келтюрген, бек мийиклеге, дуния джетишимлени тизимине, эм онгулану арасына чыгырган творчество хар кырачай джюрекни учундурмай, игиликге, ашхылыккыҕа, джашауҕа келлендирмей, миллетине, дунияҕа суймеклигин есдюрмей кыоярыккы тюддю.

Назму тизгининде чертгенлей, Кырачайны кыадау ташыча, бютеу творчествосу бла, ёлюб кетгинчинге дери, миллетибизни «бар палахдан» кыоруулагъанды эмда, жанны саулай, кесин хорлатмагъанды Джырчы Исмаил.

Бизни уа, кырачайлыланы, аны окыуучуларыны, келемиди кыолубуздан улуу поэтни ёхтем поэзиясын ангыларгы, сакыларгы?

Ай медет, танымагъаныбыз бла, билмегенибиз бла бюгюн салдыра тура болурбузму аны сыртындан?

Бюгюн да «залимлик» адамлыккыны, тюзлюккю мылтагыны хакъды.

Бюгюн да «керти затланы» бегитген, джюреклеге, иннетлеге суймеклик, кюч, тазалыккы берген, акылсызланы джарыккыҕа, бетсизлени уятха тартхан, иймансызланы ийманнга чакыргъан, Кырачайны халккы поэтини чыгырмалары, суйген джуртуна — Кырачайгы, харам аш ашамай кеси кыйыны бла джашагъан тюз адамлагы, джарашмагъан кыралны уундан юлюшсюз квалгъанлагы, игиликден, ашхылыккыдан умут юзгенлеге джаккыдыла.

Бусагыатдагы кыйын, жангы аманлыккычы власть хар ким билгенигизча сау кыалыргы кюрешигиз деген заманда, быллай сейирлик, улуу ёлюмсюз иш — поэзия, — литератураны, искусствону абзырагъан адамларына кел табдырады, джаккыды, творчество нюзюрлерине жангыча талпытады, дагъанды.

1996—1997

«Мин, Акытамагым, пайтоннга...»

Кырачай адамны джюрек кючюн, сезим берекетин, дуния ангылаууну теренлигин, иннет тазалыгын, джашаугы огъур, джарыккы кёзден кырауун, ашхылыккыҕа, иги-

ликге учунмакълыгыын, хар бир инсанга да, бирси халкълагъа, бютеу адам улуна да кѣлюню ачыкълыгыын, кесине, алагъа да мамырлыкъ, мелхум джашау, насыб излеу-юн бек толу, мийик суратлау дараджада кѣргюзген Семенланы Джырчы Исмаилны «Акътамакъ» поэмасы къуру ана литературабызны тюл, бютеу дуния поэзияны чынгонгу чыгъармаларыны бири болгъаны хакъды.

Муну кимни да сейирсиндирирча, адамлыкъ шартларын бегитирча, джашау кючюн ёсдюрюрча къудурети сыйлы Аллах джаратхан аламгъа махтау джырды, гимнди, адам ангыны, адам джанны улуу айныууну, джашнаууну, тыйыншлы мийиклеге чыгыууну закий хапарыды, символду.

Мингле бла джылланы узагында ёсюб келген къарачай тилибизни учсуз-къыйырсыз мадарларын ачыкълагъан онгу юлгюдю. Культуралары эртделеден ёсген, джер джюзюндеги улуу миллетледе быллай литература шедеврле къурала келгендиле. Ала халкъланы тин-иннет байлыкъларын ачыкълагъандыла, бютеу адам улуну культурасыны алгъа барыууна себеб болгъандыла, поэзияны байындыргъандыла. Аллахха шукур, къарачай халкъыбызгъа да, кѣзюу джетгенинде, акъылман поэт туууб, миллет онгубузну, миллет энчилигибизни, бу поэманы юсю бла дуниягъа туру этгенди.

Бу закий суратлау чыгъарманы аякъ тюбге быргъатыб тургъан халек, дюрген, аманлыкъчы кърал политика тайыб, поэма кесине тыйыншлы джолун, орнун айыргъан заман джетгенине сыпас эте, аны суратлау-эстетика кючюн къурагъан затланы юсюнден кѣлюме келгенни бусагъатда джаза тургъан литература-критика статьяда айталырма деб ышанама. Ол кеси энчи улуу тема, улуу иш да болгъаны себебли, аны толу баджаралыб, бу китабха къошаргъа табыкъ чыкъмады.

* * *

Улуу суратлау кючлери болгъан чыгъармаланы арасындан, бу барындан да маджалды деб, бирин сайламакълыкъ тюз иш болалмаз, нек десенг, алай айырмакълыкъ сынгар субъективли къарамдан тууаллыкъды.

Чыгъарманы улулугъу-гитчелиги, белгилисича, магъаналы ышан тюлдю. Накъут-налмаз таш, бурху кесек-чик болса да, кесини сейирлик кючюн тас этмейди.

Бу затланы сагъыннганым: мийик эстетика сезимлени

къозгъаялгъан суратлау джетишимлеге багъа бичиу да, ала адам улуну джашаууна сингдирген айныу дараджаны таныу да толу болалмайды, хар заманга ала кеслерини бирер тюрлю байлыкъларын, алгъынлада кёрюнмей тургъан эстетика ышанларын ачадыла. Ким биледи, Семенланы Исмаилны «Акътамакъ» поэмасы джазылгъан джылларында аны эшитгенледе асламысына къаллай сезимле къозгъагъанын. Ай медет, аны юсюнден джазылгъан шагъатлыкъла болмагъаны себебли, кёз туурабыздан иги кесек зат тас болгъанды. Джарашмагъан къралны адамсызлыкъ политикасыны уундан халкъыбыз чекген къыйынлыкъланы юсюнден эндиледе кеб зат белгили болду. Сталинизмни джылларында, андан сора келген уюуну джылларында да, литературабызны ёсюу джолларын кесгендиле, джашаугъа джаратылгъан, джаратыллыкъ да кеб онглу чыгъарманы, солуу алдырмай, къурутхандыла.

...Тюзетилир, изленир, табылыр, этилир затла кёбдюле, аланы, тыйыншылысыча, тындыралсакъ.

Аллах айтса, Исмаилны бютеу творчествосунача, «Акътамакъ» поэманы литературовед джанындан тинтиу ишге алда къарачай алимле эс бёлгенлей турлукъдула. Къараланы Зухраны «Художественный мир Исмаила Семенова» деген китабында анга онглу тамал салыннганды.

Огъур бла къайтсын халкъ поэтни тин байлыгъы окъуучусуна.

Темагъа къайта

«Къарачайгъа къалды сёзлерим»

Семенланы Джырчы Исмаил къурагъан учсуз-къыйырсыз тин берекетни ёмюр джарымдан артыкъны «унутулуб», «туйюлюб», «иесиз» болуб, урланыб-тоналыб тургъаны амалтын, миллет адабият — маданият дараджабызгъа улуу заран тюшгенди. Эс джыялмагъанды, айныялмагъанды, десек тюздю. Бизни джерибизге, иннетибизге сейирлик поэзия кючню, ариулукъну орнатхан, туугъан халкъына ёмюрледе тауусулмазлыкъ акъыл байлыкъ джаратхан фахмуну, акъылманны джашауун-джазыуун бюгюн да тюз ангылаялмагъанбыз, тыйыншлы багъа бералмагъанбыз.

Чыгъармаларын толу джыйыб, басмалаб, не тюрлю да кеб кыйынлыкъ, зарауатлыкъ кѳрген халкъыбызгъа къайтаралмагъанбыз. Кърал тюрленгенли да, къайгъырмакълыкъ джетишегенден, власть джанындан да джакълыкъ табылмагъандан, хазна эс бѳлюнмей келеди. Сталинчи зорчу системаны ууу эндилене дери къатылыбды, аны бла бирлешиб аманлыкъгъа юлюш къошханланы, «фитна-хыйла этгенлени, имансызлай кетгенлени» заранларындан Джырчыны мингле бла алтындан багъалы назму тизгинлери бюгюн да атыла-сатыла турадыла.

Къарачайны, Малкъарны тин хазнасына деменгили юлюш болуб кирген, халкъны джашау кючюн бегитген, ёсдюрген, таза иннетин ачыкълагъан, келбетин, «джанкъылычдан нюр таякъла къакъгъанча», дуня ариулугъуча айбатлагъан, танытхан, сыйына сый, намысына намыс, огъуруна огъур, адамлыгъына адамлыкъ, насыбына насыб къошхан магъаналы, къудуретли поэзияны аякъ тюбге быркъатыб, эндиги алгындадан эсе мадарлы заманда да, дуня джарыгъына бютюнлей чыгъаралмай, кѳлтюрелмей тургъаныбыз миллет литературабызны табсыз болумуна сагъайтады, аны бла къалмай джетишимсизликни, болумсузлукъну да туру этеди. Анга адам ыйлыгъырчады.

Исмаилны чыгъармалары не къадар терк басмаланыргъа керекедиле, творчествосуна джораланган илму конференцияла, кеб затны орнуна саллыкъ, ачыкъ этерик юбилей джыйылыу дагъыда башха ишле бардырылыргъа тыйыншылдыла. Халкъыны фахмусун, терен эстетика онгун ачыкълагъан, ёмюрлюк поэзиясыны, сейирлик музыкасыны юсю бла литература, искусство, культура дараджасын кѳлтюрден Исмаилны барыбызгъа да быллай аманаты барды:

Кябада къалды акъылым,
Арабыз бир минг чакъырым
Гъильмуда къалды кѳзлерим,
Къарачайгъа къалды сѳзлерим...

Белгилисича, Джырчы Исмаилны муслиман динден, Къурандан улу хапары болгъанды, апендилик да этиб тургъанды. Ол къурагъан зикирле адам айтыб-айталмазча аллай бир къууатлыдыла, терен магъаналыдыла, мийик, сейирлик поэзия кючлери болгъан чыгъармаладыла. Аланы иги кесеги бла халкъыбызда — Къарачайда, Малкъарда да —

кимники болгъанлары сагъынылгъан да этмей, унутулуб эсе да, хайырланыб келедиле, бир къауумлары китаблагъа, сёз ючюн, «Къарачай-малкъар фольклор» деген хрестоматиягъа, белгисиз авторланыкылача киргендиле. «Аймыса, джырчы аланы халкъына деб джаратханды, аты айтылмаса да къызгъанныкъ тюл эди, халал кёрлюк эди, огъуарарыкъ эди», — дейди джашы Азрет.

Исмаилны тарбуунга тыйыб, ол ёлюб кетгинчиннге, власть да тюрленгинчиннге дери кесини аты бла айтыб, бир тизгинин басмаларгъа къоймагъанлары белгиледи. Суратлау джаны бла дуния дараджадагъы чынг онглу чыгъармаладан кем болмагъан тин къудурет алай бла алмыш джылны ичинде, басмаланыргъа не эркинлик, не джол табмай, заманны къарангы гюрбесинде тургъанды. Энтда, бу чот тюзетилрча кёрюнмейди, аны бютеу назмуларын, джырларын, зикирлерин басмалар оноу этилмейди. Бусагъатха дери чыкыгъан затлары уа энчи башламчылыкъ бла дуния джарыгъын кёргендиле.

Къалай алай болду эсе да, энди «Минги Тауундан» башлаб, хар бир назмусу, акъылман сёзю, афоризими, зикири — Исмаилни хар чыгъармасы авторуну аты бла айтылыргъа керекди. Кеси джашы Азретге этген осиятында излегенлей, хар неси да «эски арбазына» джыйылыргъа керекдиле.

Бу затлагъа сыйлы джамагъатыбыз къайгыырса, тюзлюкню орнуна къайтарыр джанындан болса, деб джазана. Исмаил зауаллы, джюреги бек къыйналыб чертгенлей, «атын харам» этиб, «къыйынын халал» этиб туруу къурургъа керекди. Джууабсызлыкъдан, дюргенликден, сансызлыкъдан азатланаыкъ, келлик төлюлеге да учуланмазлыкъ тин хазналай турлукъ, сый келтирлик поэзияны орнуна салаыкъ, джакълайыкъ.

Алай сейир къудуретни туудургъан адамгъа джетген зорлукъгъа (бир ишексиз тоталитар къралны хатерсиз, ачы политикасын толу сынагъан, ёмюр джарымдан артыккыны «ёлюк кибик джашау этдим» деб керти болумну ачыкълагъан Исмаилгъа диссидент дерге тыйыншлыды) сагъышланыгъыз, зорчулагъа энтда да ирият беригиз, халкъыбызны керти онглу, огъур хазнасы дуния джарыгъына къайтарылмай тургъанына кереклисича эс бёлююз.

Эндиге дери басманмагъан, дин-тин къууатын туру этген зикирлерин джыйыб, энчи китаб этиб чыгъарырай джарашдыргъанла — Джырчыны джашы КЧР-ны Халкъ

поэти Семенланы Азрет бла кызы Зубайда. (Ала хазыр-лагъан кьол джазмада уа 79 зикир барды. Ол зикирле 280 бетни аладыла)*. Исмаилны энтда белгисиз зикирлери, башха алкъын басмаланмагъан, чыгъармалары да болурла. Аланы эшитген, билген адамла издательствогъа, не да мени атым бла (адресим: Черкесск, Дом печати) джиберселе, Джырчыны, залимле дунясы «чачхан кьошун джыйыугъа», халкъыбызгъа бек керекли ишни баджарыугъа юлюш кьошарыкъ эдиле.

А. С. Пушкинге орус литературада болгъан бютеу иги затланы аллы, башы дейдиле. Бизде да, Семенланы Джырчы Исмаил къарачай литературада эмда музыка культурабызда болгъан бютеу иги затланы аллыды, башыды, аланы бюгюнню да сыйы, джарыкъ тюрсюню, келбетиди. Атына, этген ишлерине анга кере багъа да, сый да берирге АУРУСАУ.

*«Къарачай» газет,
2002 гж., июню 7.*

Джырчыны огъур тизгинлери

Къарачайны халкъ джырчысыны Семенланы Исмаилны алтмыш джылгъа джууукъну сагъынылмай, официал бегим бла тыйылыб, басдырылыб, дуня джарыгъына джоллары кесилиб тургъан джырлары, кюулери, поэмалары, назмулары джангыдан халкъына, дунягъа къайтадыла. Ай медет, бу онглу тин хазна, аны багъалатхан, талпыб сакълагъан окъуучуланы разы этерча терк орунлу, джашаулу болады дерге къыйынды. Нек десенг, чынг алгъа, тюрлю-тюрлю чурумла онглай, кърал органла баджарлыкъ кеб магъаналы иш этилмей тургъаны ючюн. Сёз ючюн, 1998 джыл мен «Карачаево-Балкарский мир» газетде басмалагъан «Обращениеге» «Алан» общество джакълыкъ этиб, аны Президенти Катчиланы Абдулну джашы Ахмат бла Генеральный секретары Къаракетланы Аубекирни джашы Мурат ишни кёлтюргенлеринде Къарачай-Черкес республиканы Правительствосу Семенланы Исмаилны аты ёмюр-леге сакъланырча этерге деген муратда поэт джашагъан юйде мемориал къанга тагъаргъа, чыгъармаларын китаб этиб басмаларгъа, поэтни сыйына аталгъан юбилей джыйылыу

* Бусагъатда, 2006 джыл, Семенланы Исмаилны «Зикирле» китабы Къарачай-Черкес республиканы кърал басмасында чыгъа турады.

бардырыргъа, деб бегим алгъан эди. Алай а власть тюрленди, бир зат да этилмеди. Правительство кесини оноуларын толтурлукъ тюл эсе, ол оноуланы багъалары неди?

Джырчы Исмаил бек онглу поэт болгъанын миллетибизде къачан да билгендиле, багъалатхан да этгендиле, огъурлу сьфатын, кеб чыгъармаларын эслеринде сакълагъандыла. Айырыб, улайгъан адамла, тюзню кёре, тюзге тюз дей билгенле, ары-бери урдура турмай: «Къарачайда чыгъармачылыкъ иш бла кюрешгенледе Исмаилдан онглу болмагъанды», — деб эндиеле да бегитедиле. Ай медет, аджаб, Семен улуну окъуусуз, билимсиз адамгъа тергегенле, джазгъанларын ангылаялмагъанла неда ангыларгъа излемегенле, кесин джукъгъа санамагъанла, таб, иш этиб, зарлыкъдан, улуу кёллюлюкден, аманлыкъдан эсе да — джашау джолунда кеб затны терсине сюргенле бусагъатда да тюбейдиле. «Ол безграмотный болгъанды, магъанасы, амаматлыгъы да анга кёре!», — деб даулашханла чыгадыла. Джырчы Исмаилны «ыхдырыугъа», «эзиуге» ууланган кампаниялада кеб джылланы былай сёз да хайырландырылыб тургъаны себебли, ол «даучулагъа» джууабха бир-бир адамла ёмюрлерин окъуб, школла, институтла бошаб кюрешселе да, акъыл джыялмай, джарымай-онгмай къалычуларына джашауда юлгюле танг кесек тюбеулерин эсгертирге да тыйыншы болур.

Къалай-алай болса да Семенланы Исмаилны творчествосу халкъыбызны культурасында кесини тыйыншы орнун алырына, тин джашауубузгъа джангы кюч табдырлыгъына ажымсыз ышанырчады. Бу затха ийнандыргъан чыгъармаларыны мийик иннет-эстетика кючлеридиле, ашхылыкъгъа джораланган, адамлыкъны бегитген пафосларыдыла.

*«Къарачай» газет,
2000 гж., январны 26.*

Третья книга

Жанр
эпиграма в поэзии
Исмаила
Семенова

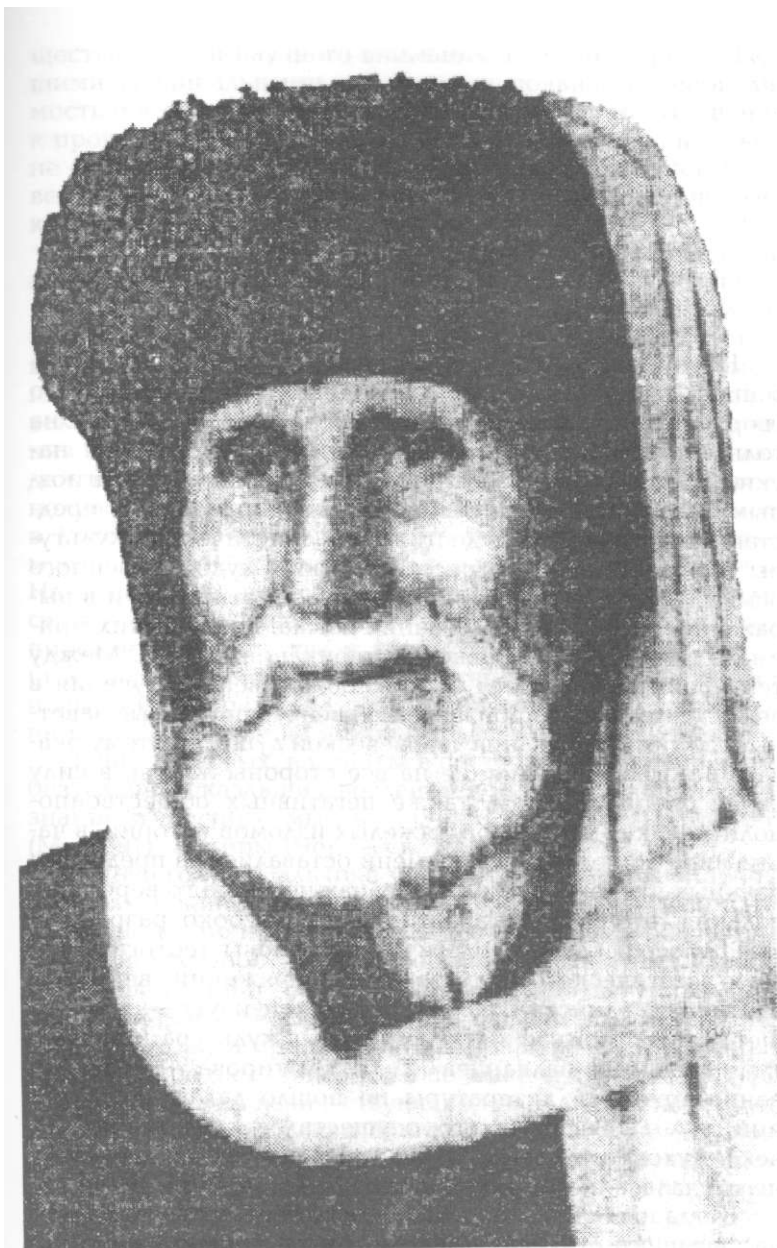
Лишь в последнее время религиозная поэзия стала предметом изучения карачаево-балкарских литературоведов. Можно сказать, учёные ещё находятся на подступах к всестороннему и скрупулёзному анализу бесконечного массива мусульманских сочинений.

В них — открытая душа народа, который ни на один день не прекращал обращаться к Всевышнему Аллаху, в беззаветном духовно-творческом усилии, обретавшем форму зикиров и маулутов, фатыуа и дуаа, других религиозных жанров, устремляясь к единению с божественным, к покровительству и милости Создателя, к постижению вероучения, вытекавшему из этого нравственному очищению, самосовершенствованию.

В данной книге впервые вводятся в научный оборот зикиры одного из самых выдающихся творцов карачаево-балкарских духовных стихов — Джырчы Исмаила Семенова, поэтическая сокровищница которого, с одной стороны, более полувека является одним из краеугольных камней ментального сознания и духовного здоровья народа, основой его эстетической и культурной зрелости, а с другой стороны, в силу множества разных обстоятельств, и по сей день остается неведомой, недоступной широкому кругу современных читателей.

Исследование посвящено выявлению специфики карачаево-балкарских образцов мусульманской поэзии и на фоне их исторического развития — изучению художественно-эстетических характеристик духовных стихов Исмаила Семенова.

Автор

Исмаил Семенов.

ВВЕДЕНИЕ

Несомненно, что мусульманская поэзия — это богатейший пласт как устного народного, так и авторского творчества, представляющий исключительный интерес не только для богословия, но для литературоведческой науки. Прежде всего потому, что здесь наряду с религиозными воззрениями на разных этапах их развития, представляющими высшие достижения теистической культуры народов, явен прогресс и в сфере художественного осмысления действительности, где есть открытия и в выражении мысли, использовании языка, поэтических приемах, стилевых, жанровых модификациях и т. д. Между тем, формировавшиеся в свете божественного учения в веках уникальные произведения, венчавшие самые заветные, трепетные искания человеческой души, а потому оказавшие огромное влияние на все стороны жизни, в силу своей специфичности, также негативных общественно-политических процессов, тяжелых изломов истории, в части мира до последнего времени оставались за пределами научных интересов. Если в странах исламского вероисповедания исторически адаптированы, глубоко разработаны философско-методологические основы теологического и эстетического анализа — в сопряжении, вернее, в слитности, единстве, то «в российской науке,— как пишет автор монографии «Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев» Т. Ш. Биттирова, — исследование духовной литературы не пошло далее «Разысканий...» А. Н. Веселовского, осуществленных в конце XIX века. Духовная литература и других народов СССР также не изучалась на протяжении советской эпохи» [1.43].

Когда известные политико-идеологические сдвиги конца ушедшего столетия привели и к тому, что конфессиональное наследие вновь стало предметом широкого об-

щественного и научного внимания, в связи с произошедшими кардинальными переменами появилась необходимость и в литературе, искусстве пересмотреть отношение к произведениям, отражающим глубоко личные, ни с чем не сравнимые, посредством вероисповедания, чистой совести, бессмертной души осуществляемые связи человека с Господом.

Безусловно, огромное количество ранее распространенных религиозно-поэтических сочинений безвозвратно утеряно. На других — не просто характерные следы устного бытования; лишённые авторства, не соответствующие своей первоначальной сущности, они и раскромсаны, и разбросаны и т. п., то есть налицо отметины почти вековых злоключений в условиях тотального преследования. Часть же, в основном сохранившаяся в памяти людей, как и в личных домашних (без натяжки сказать — полуподпольных) архивах, была опубликована, например, в России в 90-е годы на национальных языках многих мусульманских народов, в том числе, Северного Кавказа. Надо полагать, что сам факт их выживания свидетельствует о том, что невзирая ни на что основная масса узурпированного общества в абсолютной критической ситуации продолжала возносить молитвы, от тягостных трудов и мыслей по привычке, по инерции обращая свои взоры на небеса, в них ища покровительства и вдохновения.

В числе первых, изданных в постсоветское время, книг, безусловно оказавших воздействие на общественное сознание и научную мысль — Зикиры (М., 1991); Маулют (М., 1991); Зикиры (Черкесск, 1991) и др.

В 1996 году в Нальчике увидел свет сборник «Карачаево-балкарский фольклор», куда отдельным разделом под названием «Зикиры» помещен ряд произведений национальной духовной поэзии. Составитель издания, известный фольклорист Танзиля Хаджиева во вступительной статье впервые указывает на формальные характеристики данного вида произведений, дает определение жанра, информацию о его генезисе и по типологическим признакам подразделяет наличествующие тексты «на четыре группы: называя имена Всевышнего Аллаха, выражая ему возблагодарения, превозносящие исламскую религию зикиры («Кто не верит во Всевышнего Аллаха — преданный анафеме богоотступник», «Повинуясь единому Аллаху — защитим нашу религию», — «Уллу Аллахха ийнанмагъан ассыды», «Бир Аллахха баш ийиб, динибизни джакълай-

ыкъ»); зикиры про пророков («Рождение пророка Мухаммада» — «Мухаммат фыйгъамбарны туугъаны», «Вознесение пророка Мухаммада на небеса» — «Мухаммат фыйгъамбарны кёкге учханы», «Уход пророка Мухаммада из этого мира» — «Мухаммат фыйгъамбарны дуниядан кетгени», «Про пророка Иссу» — «Исса фыйгъамбарны юсюнден», «Расул и орел» — «Расул бла къуш» и др.); зикиры про обязанности и другие правила в исламе («Принесение пророком Ибрагимом своего сына в жертву» — «Ибрахим фыйгъамбар жашын къурман этгени», «Месяц Рамадан» — «Рамазан ай» и др.); зикиры, направленные на воспитание мусульман («Судный день» — «Къыямат кюн», «Не обманывайтесь (этим) призрачным миром» — «Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа» и др.).

— Как рассказывают представители старшего поколения, основную часть известных им зикиров они узнавали, читая поступавшие из Дагестана религиозные книги, — пишет ученый. — Кроме этого, соплеменники, совершавшие хадж, запоминали зикиры во время пребывания в Мекке, и по возвращении в свои села учили им остальных. Паломники привозили и отдельные издания зикиров. Также зикиры в Балкарии и Карачае сочиняли свои мастера слова. [2.34—35.] (Перев. с карачаево-балкарского языка К.-М. Т.).

Разумеется, накапливавшийся в процессе долговременных, порой более чем тысячелетних, духовных усилий философско-эстетический опыт, отражавший религиозное сознание, имевший самые разнообразные формы проявления в менталитете наций, истоках и традициях мировидения, родах и видах литературы и искусства, распространяясь, естественно, изначально прямо проецировался и на новоосваиваемый этнический (или иной) слой, «ввод (я) народы в «круг мирового культурного сообщества» [3.8].

«Историко-культурное наследие карачаево-балкарского народа вобрало в себя многое из культуры кавказских народов и всего тюркского мира, — пишет И. Мизиев в своем известном фундаментальном труде. — Это нашло отражение в мифологии, эпических сказаниях и других жанрах фольклора, а также в религиозных древнейших представлениях.

...[Которые] испытали влияние таких мировых религий, как христианство и мусульманство, бытуют до сих пор среди карачаево-балкарского народа в виде различных обычаев, обрядов, народных игр и представлений.

С древних времен предки балкарцев и карачаевцев имели свою письменность в виде рунических надписей кавказских болгар, в большом количестве обнаруженных на территории Карачая и Балкарии в памятниках VII—XII веков.

Уже в начале XVIII века балкарцы и карачаевцы имели письменность на основе арабского алфавита» [4.5].

Указывая на наличие «существовавшего в культуре симбиоза религиозного, светского и тюркского традиционного компонентов» [5.26], исследователи отмечают адекватную, естественную восприимчивость народа к общечеловеческим ценностям, как и собственную способность этнического интеллектуального наследия интегрироваться в мировую культуру, что демонстрируют, в частности, привнесенные в карачаево-балкарскую среду традиции религиозного творчества, постепенно, с течением времени адаптировавшиеся, прижившиеся, «в художественном отношении... вобравшие в себя многие черты народной элегической поэзии» [6.101.], то есть в результате «взаимовлияния и взаимообогащения светской и религиозной поэзии» [7.102.] насколько возможно приблизившиеся к национальному восприятию, наиболее приемлемым, понятным людям формам (звучанию) создаваемого.

«Балкарцы и карачаевцы являются носителями богатейшего песенного наследия, — отмечает Х. Малкондуев. Несмотря на синтез ряда верований в их среде, [они] долгое время оставались язычниками и слабо подвергались воздействию мировых религий. Это дало возможность сохранить в большом количестве без значительной трансформации древнейший песенный эпос. При этом следует отметить, что самым высокочтимым был верховный бог Тейри. В языческом пантеоне он занимал главенствующее положение. От его воли зависимы в своих деяниях другие языческие боги, а потому они вынуждены всегда обращаться к нему с просьбой. Именем и клятвой Тейри начинаются благопожелания — алгыши и проклятия — каргыши, широко бытующие в песенном фольклоре балкаро-карачаевцев древнейшие жанры тюркской поэзии. Без имени Тейри не обходится ни один ритуал, ни одна приуроченная песня — будь она обрядовая или культовая.

...Небезынтересно, кстати, что связанные с его культом гимнические песнопения (Подчеркнуто мной — К.-М. Т.) к настоящему времени удалось зафиксировать в фольклоре тюркоязычных народов только у балкаро-карачаевцев.

В песнях, воспевающих могущество Тейри, доминирует идея его космогонической функции. От его воли зависит судьба Вселенной, Земли и живущих на ней людей. Позже с именем Тейри народ начинает связывать любое представление о божестве вообще, что не в последнюю очередь обусловлено уже самой полифункциональностью прототипа. (Подчеркнуто мной — К.-М. Т.). К примеру, Кюн Тейриси — Тейри солнца, Ай Тейриси — Тейри луны, Жер Тейриси — Тейри земли, От Тейриси — Тейри огня и т. д.» [8.3].

В связи с этим, следует заметить, что показательны наличие соответствующих, иллюстрирующих данные наблюдения примеров в сегодняшней национальной поэтической практике (как, к слову сказать, и в быту). Вот строки из ставшей популярной песни современного карачаевского поэта, члена СП РФ Б. Батчаева — он автор слов и музыки:

Сен Теберди, Шам Теберди
Кюн Тейриси бергенча насыбха сени,
Сен Теберди, Шам Теберди
Мен сени суйгенча сен да суй мени.

Подстрочный перевод*:

Ты Теберда, прекрасная Теберда
Тейри солнца (богом солнца) будто
дарованная на счастье нам,
Ты Теберда, прекрасная Теберда
Как я тебя люблю ты тоже (так) полюби меня.

Вне всякого сомнения, что апеллирующий в данном произведении к Кюн Тейриси (Тейри солнца) человек (лирический герой), притязаящий на отражение этнического духа и миропонимания (т. е. как карачаевец по национальности) — является правоверным мусульманином, верящим и поклоняющимся Аллаху. Что, однако, не помешало ему на пороге третьего тысячелетия обратиться к имени, образу высшего языческого божества.

В чем тут дело?

* Подстрочные переводы в работе, кроме специально указанных, мои — автор.

Конечно, только в том, что в результате укрепления в национальном сознании мусульманской веры стерлась не только память об отличительных от единого Аллаха особенностях Тейри, но исчезло само ощущение чреватости, возможности даже случайного, допуска какого-либо отступления от истинного пути, то есть соперничества или оппозиции Всевышнему. Имя Тейри и других божеств полностью поглощено единственной верой и только при определенных усилиях, необходимом применении знаний, люди возвращаются к пониманию исторической сущности язычества.

Народ абсолютно лояльно воспринимает упоминание Тейри, и не как другое имя, а как полное соответствие имени Всевышнего. Вышеприведенную строчку поют даже не задумываясь (расшифровку, смысл заложенной информации понимая только как: *гар Аллаха*) — и ни у кого она не вызывает недоумения, тем более возражения. Чему, безусловно, способствует безоговорочная, абсолютная уверенность нынешних карачаево-балкарцев, что все, что в мире делается — от Аллаха, что нет бога, кроме Аллаха — Ля иляха иллялах — и поэтому и имена богов других верований, как и пророков других верований воспринимаются лишь как наделенные, в силу языковых и прочих отличий иных народов. Например, Иисусом Христом именуют пророка Иссу, Авраамом — пророка Ибрахима, Моисеем — пророка Муссу и т. п.

Духовный облик карачаевского народа в рассматриваемый период дополнялся еще тем, что «синкретизм... христианства и язычества порождал чудесный сплав этих* религий» [9.162.]. А впоследствии, в XIX веке, и тем, что «...языческие культы продолжают сосуществовать вместе с наступающей арабской культурой, которая несла народу... сюжеты мировых религий и мотивы художественных памятников Востока.

* Думается, оправдано привести следующее примечание:

«Карачаевцы и балкарцы долгое время были язычниками. Иногда какая-то их часть принимала христианство. Об этом пишут Абульфедя (XIV в.) и Ламберти (XVII в.), об этом же говорят и некоторые данные археологии. Однако христианство не прививалось у карачаевцев и балкарцев.

Очень поздно приняли они мусульманство. Только во второй половине XVIII века, судя по замечаниям Гильденштедта и других авторов, карачаевцы и балкарцы стали мусульманами. (Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. М., 1993, с. 44).

...Даут-хаджи Шаваев (Абайханов) (1800—1892) пишет свою знаменитую религиозно-философскую лирическую поэму... «Трагические размышления человека». Многие сюжеты и мотивы ее строятся на Библии и Коране, а также на повествовательных элементах широко распространенных драматических произведений Востока об Юсуфе и Зулейхе, Меджнуне и Лейле, Тахире и Зухре и т. д.

...Появляется много безымянных религиозных поэм... сила внутреннего лиризма которых может сравниться с лучшими образцами кюю и любовных песен XIX века... Этот период можно назвать «серебряным веком» народной лирической поэзии балкаро-карачаевцев, который аккумулировал замечательные художественно-стилевые достижения предшествующей необрядовой лирики, поэтическое мастерство других песенных жанров. Пожалуй, с этого времени ведет отсчет и так называемая «авторская поэзия», где индивидуально-творческая деятельность и авторство приписывается многим широко известным фольклорно-поэтическим текстам» [10.163].

Так, подверженная самым противоречивым воздействиям, неоднозначная по происходившим историко-культурным процессам пора XVIII—XIX вв., когда «совершенно ослабевшее христианство, почти поглощенное возвращающейся языческой религией, не смогло противодействовать исламу, пропаганда которого, и весьма активная, шла из Дагестана и Крыма» [11.135.], по наблюдениям исследователей, стала временем зарождения первых, посвященных основам, смыслу некогда утраченной — вновь обретенной веры, национальных образцов художественно-эстетического самоизъявления.

«Ислам трижды приходил к предкам карачаевцев и балкарцев (в VIII, XIV, XVII веках),— констатируется в научной литературе. — Третья попытка исламизации оказалась успешной, и уже в XVIII веке мусульманская религия и культура заняла прочное место в общественном сознании карачаево-балкарцев. Исламские миссионеры хорошо понимали, что догмы религии, ее основные постулаты легче найдут понимание, если будут облечены в привлекательную художественную форму» [12.47—48].

Известно, кардинальные изменения в духовной жизни любого общества обычно приводят к вовлечению в происходящие процессы набранных в ходе исторического развития потенциальных сил, подключению «гносеологических

ресурсов», действительности всего «фонда информационно значимых структур эстетического пространства»[13.6.]. Каков период окончательного обретения Карачаев мусульманской веры (процесса, который, может, длится и сейчас), ознаменовавшийся и концентрацией интереса, и должной мобилизацией умов, и всплеском творческого энтузиазма, ориентированных на осмысление, освоение, истолкование канонов религии.

«Первые карачаевские поэты создавали свои произведения, фиксируя их арабскими буквами на карачаевском языке. Естественно, что одновременно с религиозной литературой, усваивался и трансплантировался определенный пласт культуры, носителем которой был арабский язык. ...Ученый обнаруживает здесь определенную закономерность: «феодализм развивает письменные языки, объединяющие ряд стран, ряд этнических образований. Но этим дело не ограничивается: эти письменные наднациональные языки существуют на основе такой же наднациональной, общей для ряда стран культуры, типичной чертой которой является ее связь с религией» (Гамзатов Г. Г. Литература народов Дагестана, Дооктябрьский период. М., 1982.). Кроме того, восточная культурно-историческая доминанта проявлялась в сложившейся на Северном Кавказе общем литературном пласте произведений на так называемом языке «аджам», приспособленном для восприятия всеми северокавказскими народами. Книги на аджаме, в основном, представляли собой религиозные тексты различного характера, адаптированные в соответствии с местными национальными особенностями. Помимо этого имели широкое распространение переложения и пересказы классических восточных поэм о любви, которые многие исследователи относят уже к первым попыткам создания национальной литературы, к подготовительному периоду, неразрывно связанному с переводами и заимствованиями. К числу первых опытов по созданию в дореволюционное время литературы на родном языке относятся, на наш взгляд, и переводы популярных на Востоке классических поэм «Тахир и Зухра», «Лейли и Меджнун», «Хосров и Ширин» и др. Популярность этой литературы среди карачаевцев в дооктябрьский период подтверждают обнаруженные нами книги, например, поэма «Тахир и Зухра», издана в Темирхан — Шуре (Дагестан) в 1916 году, поэма «Сахиб Джамал и Безджигит». Фрагменты этих

произведений и поныне бытуют в народе». (Караева А. И. Карачаево-балкарский фольклор. Карачаевская литература в дооктябрьский период. Черкесск, 1990.)» [14.6—7.]

Таким образом, в русле происходивших в культуре трансформаций, многие широкоизвестные, и не только духовные, произведения, созданные на иных языках, и прежде всего арабского, турецкого, кумыкского, татарского происхождения вполне естественно стали предтечами первоначальных карачаево-балкарских вариаций религиозно-дидактического содержания.

«С самого начала исламизации становится известной поэтическая традиция под названием «Ийман-ислам», — пишет Т. Биттирова. — Как свидетельствует И. Карачайлы, автором первого варианта поэмы «Ийман-ислам» был шейх Абдуллах, прибывший в Карачай из Бухары в XVIII веке*. В последующем (в течение более 200 лет) карачаево-балкарские авторы Кудаев Нух, Мечиев Кязим, Акбаев Исмаил, Каппушев Яхья и др. продолжили эту ставшую поэтической традицией тему.

...Религиозно-поэтическая традиция «Ийман-ислам» была доступна немногим авторам — лишь тем, кто обладал поэтическим мастерством и постиг глубину исламской философии. Первоначально «Ийман-ислам» имел практическое значение — обучить основам ислама учащихса медресе. В нем нашли отражение, помимо 5 постулатов ислама (вера в Аллаха, совершение намаза, хаджа, соблюдение мусульманского поста, осуществление закята — раздача части имущества бедным), и обрядовая сторона веры, краткая история жизни пророков.

...Один из первых исследователей «Ийман-ислама» И. Карачайлы писал о произведении шейха Абдуллаха: «Этот замечательный труд под названием «Ийман-ислам» долгое время и даже теперь является настольной книгой для всякого карачаевца, изучающего грамоту на их родном языке. В этой книге вылилась вся житейская мудрость карачаевского народа, которая в простых и образных выражениях трактует о человеческих взаимоотношениях, преследующих исключительно моральную сторону жизни» [15.48—49.] (ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 55, 141 л.).

* Подробно о шейхе Абдуллахе в книге Назифы Кагиевой «Дерс китаб» (Къарачай-малкъар литератураны тарихинден) «Учебник» (Из истории карачаево-балкарской литературы), Черкесск, 1996.

Так, видимо, вследствие своей чрезвычайной исторической миссии, именно в силу практической необходимости «в XIX—начале XX века в Балкарии и Карачае под влиянием ислама ощутимое развитие получает религиозно-дидактическая поэзия» [16.26.].

«Карачаево-балкарская религиозно-дидактическая поэзия является незаурядным художественным явлением, — отмечает в своей вышеназванной монографии Т. Ш. Биттирова. — Необходимо подчеркнуть, что в этих произведениях мы наблюдаем прочное равновесие между классическим тюркским стихом и арабо-персидской поэтикой. Это равновесие выразилось впоследствии в развитии жанра «назму» (собственно — стихотворение — К.-М. Т.), появление которого составило значительную страницу в истории карачаево-балкарской словесности» [17.58.].

В данной работе — одном из первых обстоятельных исследований в этой области, автор убедительно обосновывает подразделение всей духовной литературы карачаево-балкарцев, «представленной только прозаическим и поэтическим вариантами» так как «драматические жанры находились и в развитых исламских литературах в самом зачаточном состоянии» на «из прозаических жанров... уаз* (карачаев. — ауаз — К.-М. Т.), фатыуа**, дууа***, агиграфическую прозу («файгъамбарны хапарлары» — «рассказы о файгъамбарах») и на являющиеся «наиболее популярными поэтическими жанрами... мавлид^{4*} (карачаев. — маулут — К.-М. Т.), «ийман-ислам»^{5*}, зикиры, мунажат^{6*}[18.44; 47.].

Безусловно, лишь правильное понимание значения слова «зикр» даст возможность верно оценить, осмыслить как саму формулу жанра, так и конкретные его образцы. Для этого, естественно, необходимо уяснить основополагаю-

Все приведенные на этой странице (* — 6*) сноски, характеризующие жанры духовной литературы карачаево-балкарцев, сделаны по тексту указанной монографии Т. Биттировой.

* Уаз — проповедь.

** Фатыуа — пояснение.

*** Дууа — заклинание.

4* Мавлид — панегирик пророку Мухаммаду. Самый большой из традиционных жанров религиозно-дидактической поэзии.

5* «Ийман-ислам» — «поэтическая традиция» — «развернутая проповедь».

6* Мунажат — название жанра. Наставление.

щий коранический постулат, указывающий на смысл жизнедеятельности людей, из-за непонимания (или, что отмечается в тефсирах, утери понимания — К.-М. Т.) которого делается множество ошибок в трактовке веры: «...Нет сомнения в том, что цель появления человека на земле — поклонение Хаку» (Сура Зариат 51 (56) [19.44.]).

Далее: «Самый совершенный вид или самая высшая ступень поклонения (ибадат) Аллаху — зикр. Если быть более точными, зикр — суть, основа поклонения Аллаху, — пишет в своей книге «Макалат. Ислам: секрет становления» турецкий теолог профессор Хайдар Баш. — Наш пророк (с.а.в.) сказал: «Нет препятствий между зикром и Аллахом».

Слово «зикр» имеет значение следующих глаголов: вспоминать, напоминать, думать о чем-то, постоянно помнить и т. д. Смысл понятия «зикр» в исламе — поощрять себя и других людей размышлять о величии и силе Аллаха. Кроме того, во многих местах Корана это слово употребляется в значении Корана, намаза, уразы и даже пророков. Чаще всего под зикром мы понимаем поминание Хака языком: такбир (формула «Аллах велик»), тахлиль (форма прославления Аллаха), тасбих (форма прославления Аллаха), салават (форма прославления пророка), вирд (слова, формулы вспоминания Аллаха).

...Любой вид поклонения (ибадат) Аллаху сам по себе есть зикр» [20.44—45; 47.]*.

И дальше:

«Зикр — поминание Аллаха языком, сердцем, состоянием» [21.299.]. «Напоминай, призывай к зикру, ведь поминание приносит пользу верующим»... В суре Джума (9-й аят) Хак говорит: «Когда в пятницу призовут (прочитают азан) на намаз, спешите на зикр Аллаха». Здесь намаз определен как зикр. Сразу необходимо подчеркнуть, что намаз в совершенном виде сочетает в себе все виды зикра. Во время Кыйам обязательные для чтения аяты Корана — также зикр. В подтверждение того, что и Коран сам по себе является зикром, в одном из аятов говорится: «Мы ниспослали этот Зикр (Коран), мы и его хранители» [22.47.].

«Очевидно, что один из видов поклонения (ибадат) Аллаху — намаз — совокупность обязательных для мусульман различных форм зикра.

* Здесь и дальше сноски, которые в источнике «Макалат. Ислам: секрет становления» даны внизу страниц, привожу в скобках. — К.-М. Т.

...И сущность «основы религии» намаза — зикр. «**Без намаза не может быть зикра и без зикра не может быть намаза. Сердце оживает и душа облагораживается с помощью зикра**» [23.48].

В Коране слово «зикр» и морфологические образования с этим корнем содержатся в семидесяти сурах 256 раз.

Можно привести пример следующих аятов: «Вспоминай имя Аллаха, направляйся только к Нему» (Сура Му-заммиль, 73/8).

«Утром и вечером вспоминай имя Аллаха» (Сура Араф, 7/205). «Знайте, что только зикром Аллаха удовлетворятся (успокоятся) сердца» (Сура Рад, 13/ 28).

«О, верующие, часто вспоминайте Аллаха» (Сура Ах-заб, 33/41). «После того, как закончили читать намаз, делайте **зикр** Аллаха стоя, сидя и на боках» (Сура Ниса, 4/103).

«Ураза и хадж — зикр».

«...зикр — душа поклонения (ибадат) Аллаху».

«Коран — зикр».

«И этот Коран, который мы ниспослали, полезный и благословенный зикр» (Сура Анбийя, 21/50).

«...И это зикр (книга) тех, кто со мной, и это зикр (книга) тех, кто был до меня...» (Сура Анбийя, 21/24).

«Поистине, этот Коран для тебя и твоего народа — зикр. И вы будете ответственны за него». (Сура Зухруф, 43/44). [24.49—50.]

«Все, что на небе и земле, все вспоминает Аллаха» (Суры Хаид, 57/1; Хашр, 59/1), Саф, 61/1). Из этого аята мы узнаем, что, поистине, все виды творений Аллаха прославляют его. Так, горы вспоминают Хака в состоянии Кыйам, животные — в состоянии руку, растения — своими корнями в состоянии саджда» [25. 244].

Некоторые авторы, в том числе, безусловно, знаменитый карачаевский поэт и джырчы Исмаил Семенов, в своих религиозно-философских размышлениях, духовном самовыражении поднялись до таких высот, степень которых богослов Хайдар Баш, комментируя, обозначает следующими цитатами из Корана:

«О верующие, обладающие разумом, бойтесь Аллаха. Аллах низвел вам зикр — пророка, который читает вам знамения Аллаха разъясненными, чтобы вывести тех, которые уверовали и творили благие дела, из мрака к свету» (Сура Талак, 65/10—11.).

«Истинное знание и истинные ученые — зикр. «...Если не знаете, спросите у Ахл-зикр (людей зикра) (Суры Нахль, 16/43; Анбийа, 21/7).

«Настоящие ученые — люди, познавшие Аллаха. Те люди, которые больше всего знают об Аллахе, — люди, познавшие смысл (хакикат) зикра. Они люди смысла, которые обладают скрытым от разума знанием и способностями понимать это знание и прошли через скрытое (ладун) божественное воспитание: «...Только обладающие сердцем (Луб (мн. ч. альбаб) — ум, разум, сердце, душа.) могут понять с помощью зикра» (Сура Ра'д, 13/19).

«Пророки — и зикр, и музаккир».

«Пророк, постоянно увещевай их с помощью зикра. Ведь ты только музаккир (воспитывающий зикром)» (Сура Гашийа, 88/21).

«Изучение истории развития одного лирического жанра (утверждение, безусловно, верное и для других родов и видов литературы — К.-М. Т.) является значительным и актуальным вопросом литературоведения, ибо максимально приближает исследователя к особенностям динамики литературного процесса, к тайнам художественного мастерства конкретного поэтического феномена в конкретном произведении на уровне всей поэтической структуры. Поэтому изучение динамики одного лирического жанра и его модификаций на примере той или иной национальной поэзии на основе всестороннего филологического анализа текста избранных оригиналов является плодотворным путем выявления ее художественного потенциала. Именно здесь выявляются механизмы, сохраняющие, обновляющие художественный арсенал поэзии, придавая узнаваемость ее национальному облику» [26.52], — справедливо подчеркивает современный исследователь литературы.

Зикр, вне всякого сомнения, — наиболее древний жанр облакаемых в словоформы духовных импульсов, ощущений, вдохновений человека, а сама тема воспоминания, поклонения, молитвенного предстояния пред Всевышним — самая вечная и непреходящая тема его сознания (состояние, суть). Поэтому оправдано фиксировать универсальность, закономерность этих произведений для всех времен и народов. Зародившиеся с рождением ислама и, как провозвестники веры, распространившиеся по всему миру, включая в свою орбиту все новые и новые человеческие

души, целые народы и государства, зикиры на протяжении большого периода времени показали свою жизнеспособность, как средство и религиозного, и эстетического выражения человеческого духа, удовлетворения культурных потребностей, и реализации творческого потенциала, жизненной силы.

Зикиры, безусловно, «образование исторически устойчивое, твердое, проходящее через века» [27.107.], ареал функционирования которых не нации и территории, а мусульманство — более широкая общность людей, объединенных духовным родством, внутренней сопричастностью друг другу, обусловленной верой в единого Аллаха.

В духовных стихах, вне сомнения, история каждой души, что называется, от сотворения мира. Чему естественно соответствуют количество усилий, богатство и разнообразие красок, в том числе художественных — эстетических находок, выражающих весь глубоко неординарный эволюционный процесс.

Что в форме давних устойчивых традиций неизбежно и проявлялось на характере, объеме, языке, инструментарии, технологии исполнения религиозных произведений самых разных народов.

«У дусунов, жителей Сев. Калимантана, совершающие ритуал лица должны запомнить и исполнить священные тексты объемом в 2—3 тыс. строк, причем если при заучивании наизусть ученик или ученица пропустит хотя бы одно слово, то весь текст должен быть повторен с самого начала. (Williams Th. R. *The Dusun. A north Societu*. N. V., 1966, p. 21).

Владение разнообразной лексикой, опыты с метафорическими и символическими описаниями языка, с фонетическими изменениями слов, умение придавать речи ритмическое членение, использование звуковых соответствий и рифм — все это давало... богатые возможности для варьирования, игры со словом, являлось источником создания бесконечных стилистических приемов и способствовало в конце-концов выделению искусства слова как такового. Вот почему некоторые исследователи считают, что сакральный, или магический язык — это, собственно говоря, уже и есть язык поэтический.

(Adriani N. *Op. cit.*, p. 375; Calame — Cridule S. *Op. cit.*, p. 440).

Вот почему также придается особое значение сакральным метафорам и архаизмам, магическим формулам и рифмованным магическим ассоциациям в возникновении средств звуковой выразительности в чистой поэзии». (Cüntert H. über Reimwortbildungen im Arischen und Altgriehischen. Heidelberg 1914; Познанский Н. Заговоры. С. П б., 1916.)[28.].

Отсутствие целенаправленного литературоведческого анализа карачаево-балкарского опыта создания зикиров делает тему настоящего исследования актуальной. Но, уточним, его задачей является не выявление и атрибуция огромного массива зикиров, а научная характеристика жанра, специфики его художественных форм на конкретных, наиболее показательных, примерах произведений — то есть обоснование того, что это — предмет литературоведения, введение его в научный оборот. Вместе с тем, данная работа — попытка проследить истоки появления этого жанра в поэзии народа, динамики его развития, определение особенностей его литературных форм. Поэтому, объектом изучения в исследовании являются как наиболее выдающиеся, на взгляд автора, карачаево-балкарские зикиры, преимущественно произведения Джырчы Исмаила Семенова, так и эволюция жанра, так и символизирующие его истоки, образцы фольклора.

Цель исследования — показать, что ставшие воплощением большой доли творческого энтузиазма народа карачаево-балкарские зикиры в лучших своих образцах — в частности, сочинения Джырчы Исмаила Семенова, обладают качеством высокохудожественных произведений. И, что поэтому исследование зикира как литературного жанра, осмысление поэтики жанра в динамике его развития — является актуальной литературоведческой проблемой, определяющей цели и направление настоящей работы.

Автор акцентирует внимание на решении следующих задач:

— исследовать историко-культурные, национальные и конфессиональные истоки зарождения жанра зикира в фольклорно-поэтической и духовной традиции карачаево-балкарцев;

— исследовать жанровую эволюцию зикира, определить его место в индивидуальном творчестве поэтов-джырчы;

— исследовать литературные формы зикира в поэзии Исмаила Семенова;

— осмыслить теоретические аспекты становления и развития зикира как литературного жанра в карачаево-балкарском контексте, исследовать поэтику жанра с учетом традиций;

— осмыслить динамику развития зикира в поэзии карачаевцев и балкарцев, выявить художественную специфику жанра в его главных эстетических достижениях;

— проследить позитивную роль жанра зикира в формировании развитой поэтической жанровой системы карачевцев и балкарцев.

Методологическую и теоретическую основу исследования составили фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых как по общим вопросам литературоведения, так и по религиозной культуре и литературе: А. Н. Веселовского, В. В. Бартольда, Ю. М. Лотмана, Е. М. Мелетинского, В. М. Жирмунского, А. Мец, М. Б. Пиотровского, В. Гусева, Н. Надъярных, Г. Г. Гамзатова, В. Кожина, Д. Дюришина, С. Хайбуллаева, И. М. Мизиева, К. К. Султанова, А. Караевой, З. Х. Толгурова, Л. Бекизовой, Хайдар Баша. Также в работе автор широко использовал и опирался на исследования Т. Биттировой, З. З. Гаджиевой, Т. Хаджиевой, З. Караевой, Т. Толгурова и др.

Автор исходит из понимания того, что заполняющая огромное пространство в культурной жизни человечества духовная поэзия не существует и никогда не существовала всецело изолированно от так называемой светской поэзии и литературы, что взаимодействие и взаимовлияние всех позитивных проявлений духовной сути людей благотворны и востребованы извечно.

Основным методом исследования является целостный литературоведческий анализ критериев жанра, поэтики и стилистики конкретных образцов произведений, что вместе с использованием сравнительно-исторического подхода при их изучении и типологических признаков, позволяет сделать те или иные обобщения.

Практическая значимость настоящей работы состоит в том, что она призвана восполнить определенный пробел в изучении проблем генезиса, истоков карачаево-балкарской поэзии, роли традиций религиозного творчества в становлении и развитии литературных жанров мусульманских народов.

Впервые вводимые в научный оборот национальные образцы зикиров, их анализ, суждения и выводы по ним могут быть использованы в дальнейшем изучении духов-

ной культуры и литературы народа, в решении общетеоретических проблем в литературоведении. Материал данной работы может использоваться преподавателями вузов, студентами, учителями школ, учтен всеми любителями национальной литературы.

Научная новизна его состоит в том, что впервые поставлена задача изучения традиций духовной поэзии Востока в карачаево-балкарском художественном контексте, рассмотрения зикира как литературного жанра, исследования его поэтики и стилистики. Данная работа является первой попыткой специального монографического исследования карачаево-балкарского зикира, теоретического осмысления процессов его становления и особенностей развития. Впервые проведен литературоведческий анализ художественной структуры и поэтики зикира в динамике его развития.

Теоретическая значимость работы в том, что исследование зикира, опробованные аспекты анализа его поэтических форм позволят осознать значение данного вида духовной поэзии как для национальной словесной культуры, так и дадут возможность сопоставления характера и внутренних ресурсов карачаево-балкарской поэзии с аналогичными достижениями северо-кавказских и других, развитых литератур.

Правомерно, что постановка вопроса о введении в научный оборот накопленного в национальном жанре зикира художественного опыта, предложенная форма его научного осмысления, окажут воздействие на дальнейшую теоретическую и методологическую разработку этой важной, значительной части культуры, литературы, искусств карачаево-балкарцев.

Несомненна научная ценность осмысления роли религиозно-поэтических сочинений в формировании жанров литературы, уяснения их особенностей и художественно-эстетических доминант.

Основные положения данного исследования апробированы в монографии «Традиции духовной поэзии Востока в художественной системе Исмаила Семенова» (2005), изложены в докладах на региональных, всероссийских и международных научных конференциях в Архызе (1997), Теберде (2000), Махачкале (2004); статьях «Поэзия Исмаила Семенова — общечеловеческое достояние» (1997), «Карачаево-балкарская религиозно-дидактическая поэзия: про-

блемы генезиса» (2003), «Мир поэзии и мир реальный. Драматические перипетии жизни и творческой судьбы Исмаила Семенова» (2002), «Поэтика зикиров Исмаила Семенова» (2006) и других публикациях — тезисах, научных статьях и отдельных изданиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Биттирова Т. Ш. Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев. — Карачаевск, Изд-во КЧГПУ, 1999.
2. Хаджиева Т. М. Карачаево-балкарский фольклор. Нальчик, 1996.
3. Цит. по: Караева З. Художественный мир Исмаила Семенова. М., 1997, с. 8.
4. Мизиев И. М. История карачаево-балкарского народа с древнейших времен до присоединения к России. // Ас. — Алан, 1998, № 1/2
5. Байрамуков А. С. Общественно-просветительская мысль в Карачае во второй половине XIX — в первой половине XX века и развитие карачаевского этноса. Автореф. дис. ... канд. исторических наук. Карачаевск, 1998, с. 26.
6. Биттирова Т. Ш. Традиции маулут в карачаево-балкарской поэзии XIX века //Материалы региональной научной конференции «Языки и литература народов Кавказа. Проблемы изучения и перспективы развития». Карачаевск, 2001, с. 101.
7. Биттирова Т. Ш. Там же.
8. Малкондуев Х. Х. Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1990.
9. Малкондуев Х. Х. Поэтика карачаево-балкарской народной лирики. Нальчик, 2000.
10. Малкондуев Х. Х. Там же, с. 163.
11. Джуртубаев М. Ч. Духовная культура карачаево-балкарского народа // Ас-Алан, 1998, № 1, с. 135.
12. Биттирова Т. Ш. Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев, с. 47—48.
13. Толгуров Т. З. Информационно-эстетическое пространство поэзии Северного Кавказа. Нальчик, «Эльбрус», 1999, с. 6.
14. Караева Зухра. Художественный мир Исмаила Семенова. М., 1997, с. 6—7.
15. Биттирова Т. Ш. Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев, с. 48—49.
16. Малкондуев Х. Х. Поэтика карачаево-балкарской народной лирики, с. 26.
17. Биттирова Т. Ш. Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев, с. 58.
18. Там же, с. 44; 47.
19. Хайдар Баш. Макалат. Ислам: секрет становления //Перевод с турецкого под редакцией Али Хайдара. — Ярославль, Диа-пресс, 2000, с. 44.
20. Там же, с. 44—45; 47.
21. Там же. Глоссарий, с. 299.

22. Там же, с. 47.
23. Там же, с. 48.
24. Там же, с. 49—50.
25. Там же, с. 244.
26. Гаджиева З. З. Аварская элегическая лирика. Автореф. дис. ... А-ра филол. наук. — Махачкала. 1999, с. 52.
27. Литературный энциклопедический словарь. Ст. «Жанр», М., 1987, с. 107.
28. Ревуненкова Е. В. «О некоторых истоках поэтического творчества в Индонезии /Шаман-певец-сказитель/». Фольклор и этнография. Сб. научн. трудов под ред. Б. Н. Путилова. Ленинград, «Наука», 1984.

Жанр зикира в духовной поэзии карачаевцев и балкарцев

«Как и во всей мусульманской литературе, в карачаево-балкарской религиозной поэтической традиции большое место занимают зикиры (соответствуют христианским псалмам [1]), — пишет Т. Биттирова. — Существует огромное количество анонимных зикиров. ...Художественной основой при создании зикиров был Коран. Формульные словосочетания, которыми были обрамлены тексты Корана, легко запоминались, были близки тем, кто хорошо знал стихию родного фольклора, перекликались со структурой его поэтических форм, в особенности с ритмизированными историческими песнями — былинами. Суры Корана, ритмизированные и рифмованные, помимо легкости для чтения, рождали в душах ответный порыв на создание благозвучных стихов. Этим, вероятно, объясняется приверженность служителей культа говорить «высоким стилем», сочинять зикиры. Даже учащиеся медресе писали друг другу письма, стараясь придать им признаки поэтической речи. Письма начинались зачином:

«Къолума аддым къалам,
Аллахдан болсун салам».

Подстрочный перевод:

«Я взял в руки перо,
Пусть Аллах даст тебе салам».

И, как правило, письма заканчивались формулой:

«Бизден хапар сорсагъыз,— сау-саламат турабыз,
Сизни Аллах сакъласын, биз палахдан тазабыз».

Подстрочный перевод:

«Если вы спросите, как наши дела,—
мы живы — здоровы,
Пусть убережет вас Аллах, у нас нет
неприятностей».

Многие карачаево-балкарские старики и по сей день придерживаются такой формы эпистолярия» [2.53.].

С возмущением, непониманием в недавнем прошлом многие пишущие на литературные темы замечали (упрекали), что кому не лень (чуть обладающий грамотой) карачаевец или балкарец начинает писать стихи. Поистине, практика походила (и сейчас сохраняется) на выраженное в стихотворной строке С. Есенина: «Стишок писнуть, пожалуй, всякий может...». Считалось, что это симптом неразвитости, издержки младописьменной (или ошибочно считавшейся таковой; новые открытия постепенно стирают это «белое пятно» в науке, убедительно свидетельствуя, что так называемый «бесписьменный период» был лишь сравнительно небольшим временным отрезком, следствием глобальных катаклизмов, которые пережил народ [3.] литературы, признак малоуспешных или тщетных потуг к эстетическому восхождению, меты трудного становления художественности. Ан, оказывается, нет! Есть в народе развитая жилка поэтическая, превратившаяся, одолев время, в традицию. И, пожалуй, особенно вторая половина XVIII, XIX век, время интенсивного изучения, внедрения в национальное сознание канонов ислама, сыграло здесь большую роль.

Если ранее каноны мусульманства в сознании народа мирно уживались с остатками языческих верований и отголосками христианства, особенно XIX век, характеризуется как время окончательного возобладания ислама, когда поклонение Всевышнему Аллаху стало не то что нормой, но повседневной потребностью населения, более того, критерием оценки авторитета человека, престижности деятельности, выражавшееся и в оказании почета и уважения тем людям, которые выполняли основные религиозные требования, как и в стабилизации в большей степени приязненных отношений к работникам культа.

В связи с последним, красноречива правдивая интерпретация появления и деятельности первых миссионеров в Карачае, высказанная историком Р. Тебуевым [4]. В середине XVIII — первой половине XIX века, когда, как от-

мечает и Т. Биттирова, автор монографии «Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев», деятельность служителей культа не была столь престижной, как впоследствии, представители имущих слоев бии, уздени, богачи не считали стоящим для себя слишком рьяно заниматься пропагандой религии. Поэтому, к постепенно становившейся необходимой работе больше привлекались пришельцы из Дагестана, Турции, Азербайджана, казанские татары — то есть представители народов, которые издавна уже исповедовали ислам и это большей частью не были миссионеры в прямом смысле слова, а были по тем или иным причинам ушедшие с родных мест люди, — то ли бежавшие от кровной мести, то ли искавшие лучшей доли, но в большинстве своем — торговцы — мастера-ремесленники, работавшие по серебру или делавшие и продававшие кумганы, посуду, пояса, кямары и пр., что находило спрос у местных жителей. Большинство этих торговцев, конечно же, возвращалось в свои пределы, но часть оставалась надолго, открывали свое дело, к примеру, ремесленные цеха по изготовлению тех или иных изделий (сейчас тоже это, кстати, практикуется, когда техники — стоматологи надолго задерживаются здесь, вставляют коронки и зубы и т. д.), многие женились и оставались навсегда.

Были и те, которые приходили сюда в Карачай побираться, и так как обретшие истинную веру в Аллаха карачаевцы довольно терпимо, сносно, а порой и очень хорошо, относились к этим нищим, подавая им довольно прилично, те заявлялись (или их соплеменники) постоянно, когда просили подаяние, произнося мусульманские тексты, и выражая возблагодарения — также упоминая Аллаха. Это тоже оказывало какое-то воздействие на сознание народа, где милость к слабым и немощным считались нормой и с религиозной стороны, и со стороны национально-ментальной.

Являвшиеся в Карачай из Дагестана не обязательно были кумыками, а и лезгины, аварцы, и представители других народов, но в большинстве своем владевшие родственным, похожим на карачаевский, кумыкским языком, что было результатом их постоянного общения с кумыками, так как представители горного Дагестана часто спускались в места проживания последних — долины, где в основном шла торговля.

Таким образом, люди в самых разных регионах тогда слышали, знали о Карачае и при случае уезжали (шли) сюда кто за чем.

Общение с иноземными мусульманами способствовало увеличению религиозных знаний, влияло на исполнение тех или иных требований веры, в целом укрепляло, поднимало ее престиж.

Еще в первые десятилетия XX века в карачаево-балкарских населенных пунктах с людьми, знавшими ислам, имевшими возможность его пропагандировать, учить вере сохранялись отношения, видимо, некогда утвердившиеся и последовательно практиковавшиеся. Например, Азрет Семенов (80 лет) вспоминает, что «разные карачаевские фамилии, жившие на своих землях компактно и имевшие свои межгиты, кладбища и т. п., заключали с такими людьми договор (кесамат). Чотчаевы заключили договор с одним кумыком, решив, что за то что он будет у них эфенди, они оплатят ему с каждой семьи по барашку. Потом были не очень воспринявшие этот договор и говорившие, что можно было зарплатой ему назначить не по барашку, а по одному козлу»[5.]. То есть, местное общество нанимало эфенди, управлявшего религиозные обряды. Только в Учкулане в конце XIX — начале XX века было пять межгитов.

Среди карачаевцев и других народов региона сейчас живут уже давно себя осознающие коренными, потомки миссионеров или других пришлых мусульман, в свое время так или иначе сыгравших заметную роль в исламизации местных обществ. Такие фамилии есть почти в каждом современном большом населенном пункте. Это Абдуллаевы, Яхъяевы, Алиевы, а среди абазин, черкесов, других народов — Кумуковы, Рамазановы и другие.

По мере укрепления ислама, в Карачае и Балкарии росло количество людей, совершавших хадж (паломничество) в Мекку. «Шейх Дудов является первым карачаевцем, совершившим паломничество в Священную Мекку, достойным в связи с этим почетного титула «аль-хаджи». В преданиях упоминается о том, что он привез в Карачай горсть земли с могилы пророка Мухаммада, похороненного в Медине.

Шейху Абдуллаху Дудову принадлежит заслуга распространения ислама среди народных низов Карачая и Балкарии, не вступая в явные противоречия с традиционны-

ми воззрениями народа. На начальном этапе он добивается устранения язычества из ритуально-обрядовой жизни народа, призывает поклоняться и взывать с просьбами только к Аллаху. В последующем он настойчиво добивается внедрения исламских установок в быт, в повседневную жизнь народа, в сферу брачно-семейных отношений, в правовую сферу. Опираясь на мощь правящей знати, к которой сам принадлежал по происхождению, шейх внедрял в жизнь народа шариатское судопроизводство. Это было очень положительным моментом, поскольку шариат, в отличие от обычного права (адат) допускал женщину в судебный процесс, где она отныне могла выступать и истцом, и свидетелем, чего до шейха не было. С именем шейха Дудова связано в Карачае и Балкарии и начало мусульманского культового зодчества. Как известно, именно он добился постройки в Карт-Джурте первой в Карачае мечети (она была возведена на месте языческого святилища).

С деятельностью шейха необходимо связать и усилия по распространению в Карачае и Балкарии арабской грамоты. Известно, что в XVII веке, в Карачае и Балкарии наряду с «тюрки» пользовались и арабским языком, о чем свидетельствует карт-джуртская стела 1695 года.

Эпиграфические данные указывают на то, что шейх был кадием — духовным главой мусульман и руководителем шариатского суда Карачая и Балкарии. О том же говорит и устная народная традиция, где шейх фигурирует и как Абдул-Кады (Кадий Абдул).

Высокий авторитет шейха способствовал тому, что он достойно приглашался князьями других народов в качестве третейского судьи, улаживал различного рода территориальные споры. В 1715 г. он принимал участие в Тере (суде), который разбирал земельный спор между Крымом, Кабардой и горскими обществами Балкарии.

Крупнейший поэт своего времени, отразивший в своих выдающихся произведениях... религиозно-философское виденье проблем жизни и смерти, смысла человеческого существования оставил бесценный след в истории.

...Сегодня нам известны его знаменитый научно-религиозный трактат «Иман-Ислам» («Вера-Ислам») в семьсот строк, его историко-философская поэма «Къарт Бабаны сёзю» («Слово старого мудреца»), его блестящие переложения средневековых восточных сказаний «Дахир и Зухра», «Нур-Магомед», «Тахитджамал и Бузджигит», леген-

ды и предания о рождении, вознесении и смерти пророка Мухаммада и др.

...Имеющиеся материалы, посвященные биографии шейха Дудова, связанные с его творчеством, позволяют предположить, что в Бухаре он приобщился к суфизму — мистическому течению в исламе, основанному на убеждении о постепенном приближении (через мистическую любовь) к познанию Аллаха и слиянию с Ним. В основу суфийской духовной практики заложен зикир, — поминание имени Аллаха. Первым в Карачай и Балкарию... религиозные песнопения — зикр (зикир по карачаевски) принес именно шейх Абдуллах» [6.1—4.]. (Подчеркнуто мной — К.-М. Т.)

Всего за период конец XVIII — и до октября 1917 года хадж в Мекку из Карачая совершили 521 человек. (См. Блимготов К. Х. В пути на хадж. Черкесск, 1996, с. 126—140). По отношению к количеству населения это большой показатель.

В народной памяти сохранились имена и других религиозных деятелей, пользовавшихся особой популярностью. «Известен тогда был кумык по имени Олий-эфенди, чьи призывно-лозунгового, назидательного характера поэтические строки (фрагменты духовных произведений) имели широкое хождение в народе» [7.].

Не исключено, что это пользовавшиеся успехом сочинения — зикиры «этнически родственного балкаро-карачаевцам кумыкского певца — импровизатора К. Али» [8.41.]. (Но это лишь предположение, проистекающее из созвучия имен: Олий — К. Али [й] — К.-М. Т.).

Азрет Семенов называет также имена Боташева Шакай уду Хаджи, который работал вместе с другим хаджи-эфенди (имени не помнит), имевшего очень большой авторитет, о котором говорили как об обладавшем святостью. В одном из преданий о нем, записанном мной у моей матери Тотуркуловой (Хубиевой) Сони Ибрагимовны (78 лет) говорится, что в послереволюционные годы, вместе с другими религиозными деятелями, он был арестован и помещен в тюрьму. Но тюремные стены и решетки расступались перед его святостью, он проходил сквозь них, и всегда делал намаз вне зоны, на ближайшем лугу. Хотя навсегда не покидал своих товарищей по несчастью. Пораженные надзиратели ничего с этим поделать не могли. Перед выходом из камеры он произносил зикр (свой —?):

Ислам дининге, дарикъат джолунга
Аллах, бауруму салайым,
Сынамакълыкъ ючюн берген саламынгы
Ал, Аллах, къурманынг болайым.

Подстрочный перевод:

(Дарованной тобой) исламской вере — твоей щедрой
дороге (праведному пути)
Аллах, я душу свою отдам (приложу все силы) (все
душевные и физические силы приложу —
смысл жизни в этом),
Для испытания (опробирования) мне тобой посланное
приветствие (нагрузку, тоже испытание)*

Забери, Аллах, я бесконечно тебе благодарен
(букв.: да буду я жертвой за тебя).

Об этом весть достигла Москвы. Приехал некто из высокого начальства и предварительно дав взбучку тюремщикам, направился к месту содержания Шакай улу хаджи. Но там — никого. Обнаружили шейха опять же вне тюремных пределов, на месте его постоянного поклонения Всевышнему. Московский гость, с сопровождавшей многочисленной свитой, разъяренно направился к нему. Но не дойдя нескольких шагов, после произведенного молящимся в их сторону ладонями обеих рук как бы отталкивающего движения, застыл на месте, остолбенел.

Незадачливого начальника убрали, а святой, как гласит народная молва, оттуда вознесся на небо.

Среди выдающихся личностей того времени называется имя Тотуркулова Мухаммада-эфенди, у которого учился арабскому языку и основам ислама Исмаил Семенов. Мухаммад-эфенди брал Исмаила с собой на маулуты.

Как создававших или пропагандировавших зикиры и другие религиозные сочинения, зафиксированы в исследованиях имена десятков людей, в том числе «имена выдающихся деятелей религиозной культуры и просвещения XIX века — Локмана Гамаева, Ибрагима Кучукова, Ибрагима Эфендиева, Салиха Барасбиева, Дауга Шаваева, Якуба Акбаева и др., [с которыми] связывают укрепле-

* Имеется ввиду заключенность в тюрьму.

ние ислама в Балкарии и Карачае, строительство мечетей, открытие медресе, развитие духовной литературы. Многие из них — создатели духовной литературы XIX века. Однако их произведения, за редким исключением, утратили авторство и растворились в устном духовном наследии народа. Традиции религиозной поэзии развивали в условиях гонений и репрессий XX века К. Мечиев, И. Семенов, Я. Каппушев, Х. Будаев, А.-Ю. Эбзеев и др.

В силу известных исторических обстоятельств (репрессии в 20—30 годах против служителей культа, депортация карачаево-балкарцев в 40-е годы) многое из созданного ими было разрушено, сожжено и предано забвению.

В архивах осталось очень мало документов, касающихся религиозной культуры и ее деятелей» [9.27.].

«Еще в XIX веке в карачаевском обществе обозначились два пути духовного развития. Один — ориентированный на культуру Востока и мусульманское религиозное образование. Другой — на русскую культуру и систему светского образования на русском языке. Для реализации каждого из них существовали определенные условия. В первом случае — это близость, основанная на единстве вероисповедания и связанных с этим норм и традиций, обусловившая значительное духовно-культурное влияние. Проникновение ислама в национальную среду неизбежно ориентировало большую часть народа на знание или хотя бы понимание, пусть и очень поверхностное, арабского языка, на котором проводились все религиозные отправления. Арабский язык в рамках изучения Корана преподавался в школах при мечетях, а в первых светских школах (в 1878 г. — в Учкулане, в 1879 г. — в Теберде) «основными предметами были закон божий (Коран), русский язык (чтение с объяснением)» [10.6.].

Насколько в эти годы в карачаево-балкарской среде поощрялось стремление к обучению, почти абсолютным для детей был приоритет учебы в медресе, о том, что, как говорится, с молоком матери впитывал ребенок ее иннет (сердечное пожелание, напутствие) читать Коран, вести праведную жизнь, которая и послужит основой его дальнейшего пожизненного авторитета, свидетельствует приведенная Х. Х. Малкондуевым колыбельная песня «Белляу», записанная фольклористом в турецком городе Измире у карачаевки-эмигрантки Адилевой Зубайды, что в свою очередь может служить как бы гарантией ее сохранности в первоизданном виде, каком она была к периоду массового переселения народа в конце XIX — начале XX века.

Мектабха баргъан джолларынг болсун а,
Къалам тутхан къолларынг болсун а,
Къураннга къарагъан кезлеринг болсун а,
Эле тынгылагъан сёзлеринг болсун а.

В школу твои ноги ведут пусть,
Карандаш твои руки держат пусть,
Коран твои глаза читают пусть,
(В Коран твои глаза смотрят и читают пусть — К.-М. Т.)
Сёла твою речь слушают пусть [11. 40].

(Подстрочный перевод Малкондуева Х. Х.)

Стоит заметить, что обращает внимание такое наблюдение исследователя: «Даже в наиболее древних колыбельных песнях почти никогда не упоминаются имена языческих покровителей и магометанского Аллаха» [12.34].

Это, пожалуй, связано с национальным менталитетом, как, не исключено, и пониманием ситуации в том ключе, о котором гласит христианская пословица «Не поминайте Господа всуе!». Национальный же менталитет притом, что карачаевец (ка) всегда (его отношение к жизни, сформированное исторически, от самого появления) самообязан взять (брать) на себя большую часть нагрузки, большую ответственность за любое дело, которое ему приходится выполнять. Так он, абсолютно, безоговорочно благодарный Аллаху за приход в этот мир, за подаренную ему жизнь, считает своей главной обязанностью стать человеком, соответствовать своему предназначению, тому, из-за чего его в этом мире создал Аллах и считает, что на основе подаренного ему духовного и физического потенциала, жизненной силы, всегда имея в душе имя и помощь Всевышнего, думая, поклоняясь, не переставая молиться ему, должен стать человеком — самовоспитаться, усовершенствоваться, а когда уже в основном, божьей милостью, состоится как добронравный, добродетельный человек, и прибегнуть под их лоно — то есть пойти дальше учиться, постигать смысл созданного Всевышним бытия и глубинную суть своего предназначения.

Это идет и как традиция с древнейших времен, языческих верований. Использовались в колыбельных песнях чисто пожелания стать человеком, здоровья и самых разных удач и прочее.

В «Поэтике...» Х. Малкондуев приводит интересные воспоминания очевидцев, рассказывающих о межнацио-

нальных, межкультурных связях карачаево-балкарцев с другими народами. «Во время научной фольклорной экспедиции 1982 года в карачаевском ауле Кызыл Покун старожил А. Кочкаров рассказывал о случае, имевшем место в начале этого века в Большом Карачае. Один из карачаевских князей Крымшамхаловых выдавал свою дочь замуж за сына кабардинского князя. Начались джигитовка, спортивные игры, исполнение мелодий на музыкальных инструментах и, наконец, состязание певцов, в котором принимало участие множество людей. Лучшими были признаны один из кабардинских певцов, исполнявший песни на карачаево-балкарском языке, и карачаевский певец из аула Къарт Джурт. Состязание между ними длилось очень долго. У карачаевцев не было предела удивлению, когда певец-кабардинец обнаружил знание такого множества песен на их родном языке. Соперник был настолько серьезный, что карачаевец, слышавший в родном краю профессиональным певцом, с трудом одержал победу.

Проникновение одной культуры в другую шло совершенно разными путями, в том числе и через межэтнические браки, когда невестки изучали другой язык и усваивали другую песенную культуру.

Интересный случай имел место в конце XIX века и в Баксанском ущелье. Сван из рода Курдиани, исполняя карачаево-балкарские песни, в песенном состязании одержал победу над всеми певцами-балкарцами Баксана.

...Были в XIX веке случаи поездок народных карачаево-балкарских певцов Исмаила Эттеева, Калтура Семенова, Исмаила Урусбиева и др. с целью состязания в исполнении народных песен и произведений собственного творения в Кумыкию и ногайские аулы. По преданиям, Исмаил Урусбиев исполнял песни и на кабардинском, осетинском, грузинском языках» [13.47—48.].

Такие факты, то, что происходило в любом конце Карачая и Балкарии, рано или поздно, всегда становилось достоянием всего народа, из уст в уста передавались новым поколениям. Они, конечно же, играли свою роль в развитии, обогащении национальных поэтических традиций, в том числе, становлении духовной поэзии. Нет сомнения, что они имели большое воздействие как на других людей, так на мировоззрение, жизненные принципы и Исмаила Семенова. Азрет Семенов, его старший сын, ныне народный поэт Карачаево-Черкесии говорит, что

очень большое влияние на Исмаила оказало творчество кумыка Абдурахмана. Видимо, имеются ввиду «зикиры известного кумыкского поэта XIX века Абдурахмана из Какашуры, опубликованные в 1909 году в Темир-хан-Шуре Шихамматом Эрпелинским.

...В [которых] нашли отражение суфийские представления о том, что мир — это порождение божественного начала, абсолютной истины. Основная философская мысль тюрки Абдурахмана — нет более достойной цели для всего сущего, как воссоединение с богом. А земная жизнь — это всего три дня испытаний харамом (в данном случае соблазнами мира):

Юч кюн дуняда жашады,
Минг тюрлю харам ашады,
Ёз напсысын отха ташлады,
Кетди мискин Абдурахман...

Подстрочный перевод:

Три дня жил на этом свете,
Съел тысячу всякого харам (нечистого, запретного — К.-М. Т.),
Ушел жалкий Абдурахман» [14.51—52].

Автор монографии «Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев» указывает на схожесть с произведениями Абдурахмана некоторых сочинений и других авторов, например, Кязима и Ю. Хачирова, создавших стихотворения-наставления под одинаковым названием «Алдатмагъыз ахырзаман дунягъа». «Не только строение стиха сближает эти произведения, но и почти одинаковый призыв — не забывать о призрачности человеческого существования и истинности жизни после Судного дня.

У Абдурахмана:

«Дуняды деп беш алдатды
Халалны харамгъа сатды,
Кирди, джер къарнына жатды
Кетди мискин Абдурахман.

Подстрочный перевод:

Обманулся призрачным миром,
Поменял «халал» на «харам»,

Вошел и лег в лоно земли,
Ушел жалкий Абдурахман.

У Юсуфа эфенди:

Хакъ тагъала бизни ючюн жаннетин,
Жаратханды, ашын, хурун кегетин,
Хаузу сууун, хар бир тюрлю шербетин.
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа.

Подстрочный перевод:

Истинный Аллах создал для нас рай,
Гурий, еду — всякие яства,
Прозрачную и сладкую воду.
Не обольщайтесь призрачным миром» [15.51—52].

Известно, что многие приверженцы суфизма старались строить свою жизнь соответственно декларируемым религиозным нормам. Великолепно звучащие, например, строки зикира Ю. Хачирова «Не обманывайтесь призрачным миром» («Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа»), в свое время бывшего очень популярным в народе, безусловно, являлись и смыслом жизни автора. Сама смерть этого человека оставила в памяти людей след, как бы красноречиво свидетельствующий о его верности предназначению судьбы, божьей истине. Рассказывают [16.], что он был помолвлен с девушкой из балкарского села Кенделен. В один из дней, вместе с друзьями, поехали за невестой. Но не доезжая, Юсуф-хаджи попросил своих спутников повернуть коней обратно. Сам же, через некоторое время, подняв один палец руки вверх, вроде символизирующий, что Всевышний един, скончался прямо в седле*.

Юсуф-факъыр, азыкъ болуб не салгъанса джанынга,
Темир токъмакъ тиер назик санынга,
Акъ арабла чабар акъгъан къанынга,
Чибин къонса тѣмеген джарлы джанынга.
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа.

Арытайкъ гьибадатда санланы,
Кѣб джыймайыкъ къолгъа фитна малланы.
Иман бла ашырайыкъ джанланы,
Иман бла ашыгъайыкъ ълюрге,

* По другим версиям, это случилось по дороге в Турцию.

Файгъамбарны нюрюн анда кёрюрге.
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа.

Намаз кьойма манга заран болад деб,
Ийнеклерим сауулмайын кьалад деб,
Сен ёлурсе, кьалыр челек сутлеринг,
Тар кьабырда айырылыр джиклеринг.
Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа.

Юсуф-несчастный (нищий) провизии (съестных
припасов) (что ты) сколько положил к своей душе,
Железный молот (тронет, побьёт) будет бить твоё
тонкое (изящное) тело,
Ядовитые жучки (могильные черви) сбегутся к
истекшей (из твоего организма) крови,
К тебе (твоей бедной душе), не терпевшему малейшей
несправедливости (даже как тяжесть мухи).
Не обманывайтесь (не обольщайтесь) призрачным
миром.

Сделаем так (много), чтоб устали в поклонении
(Всевышнему) наши органы,
Не будем собирать хитростью неправедного богатства.
Пусть души пребывают в вере — будем их провожать,
В вере будем спешить умереть,
Чтобы увидеть там лучезарный лик пророка.
Не обманывайтесь (не обольщайтесь) призрачным
миром.

Не пропускай намаз, считая что можешь получить
ущерб (материальный),
Боясь, что останутся недоенными твои коровы,
Ты умрешь — ведра с молоком останутся,
В тесной могиле разъединятся твои суставы (суставы
твоего организма),
Не обманывайтесь (не обольщайтесь) призрачным
миром.

*Из зикира Ю. Хачирова «Алдатмагъыз ахырзаман дуниягъа».
(«Не обманывайтесь (не обольщайтесь) призрачным миром».)
(Подстрочный перевод мой — К.-М. Т.)*

Наверное, есть стихи, посвященные им своей невесте.
А вот, видимо, фрагмент ее отклика на горькую потерю,
это вечное расставание с женихом:

Тюбюбюзде хубала хубаладан тоймайла,
Гяур кьанлы тийребиз эрге бар деб кьоймайла,

Эрге къалай барайым ол Юслюбню унутуб, —
Юслюб амалтын турама шеригъатны къуртуб.

Внизу под нами хубала хубаладан* не насытятся,
Проклятые (кровно враждебные) (соседи) жители нашего
квартала не дают покоя, уговаривая (идти)выйти замуж,
Как я пойду (выйду) замуж такого Юсуфа позабыв, —
Из-за Юсуфа я остаюсь (пребываю) проигнорировав
(уничтожив) шерият**.

То, безусловно, был период широкого распространения в карачаево-балкарской среде, особенно среди духовных лидеров общества, суфийских предпочтений, мировоззрения, когда популярность тех или иных религиозных деятелей была неимоверно высокой, и по ним равнялись, старались делать жизнь, следовали их наставлениям.

Истоки суфийских мотивов многих авторов того времени, в том числе Абдурахмана, в свою очередь, нужно, пожалуй, искать в, видимо, широко распространенных в пору внедрения исламской культуры и поэзии на Северном Кавказе, сочинениях великих тюркоязычных поэтов — суфиев XII—XIV вв., в частности, Ахмата Яссауи, который вместе с другими, создал классические образцы мусульманских духовных произведений.

Для сравнения, у Ахмата Яссауи:

Жалгъан дуняны суйюп, мен ит кибик айландым,
Ызындан къуууп, сюрюп кече-кюн да сайландым,
Хакъ жолуна кёз жумуп, малына кёз байладым,
Оуей-оуей, досларым, энди не дейим мен а***?

Этот мир обманчивый (ненастоящий, временный)
полюбив, (я) как пес (бездомный) бродил,
За ним (за миром) устремясь, гоняясь, ночью и днем
отличался (проявлял себя, не знал покоя),

* Значение слов «хубала хубаладан» не ясно.

** Шерият — мус. шариат (у карачаевцев и балкарцев — свод мусульманских законов о брачных отношениях, об отношениях между мужчиной и женщиной; мусульманское право). Здесь: не выходя замуж, игнорируя саму такую возможность.

*** Перевод на карачаево-балкарский язык Абдуллаха Бегиева. Здесь и дальше цитирование из произведений Ахмата Яссауи по книге: Беги-ланы Абдуллах. Сез: Жети китап. (Слово: Семь книг. Стихи. Переводы). Нальчик, «Эльбрус», 2001.

На настоящий (праведный) путь (к Всевышнему, дороге
правоверного) закрыв глаза, положил глаз на богатства
мира (связал свои помыслы со скопидомством,
прикладывал все силы, чтобы обогатиться),
Оуей-оуей, друзья мои, что теперь мне сказать?

*Из зикра «Аллах, тобагъа къайытдым...» («Аллах, я каюсь...»)
(Подстрочный перевод мой – К.-М. Т.)*

У Исмаила Семенова тоже есть строки, прямо пере-
кликающиеся с содержанием произведений Абдурах-
мана. Мотивы, пафос которых аналогичны, почти иден-
тичны:

Джыла, мискин Исмагъил!
Джерге агъызыб джыламукъну.
Санларынг бла этгенсе
Бир да аямай ассылыкъны.

Джыла, мискин Исмагъил!
Тауну, ташны таралтыб.
Гъазраил алыр джанынгы
Кёзлеринги аралтыб.

Джыла, мискин Исмагъил!
Таула шагъатлыкъ этерча.
Джан бергинчи къуллукъ эт,
Биргенге алыб кетерча.

Кетди ёмюрюм, джетмед фахмум
Тауладан ауур гюнахым.
Терслигиме тауба этдим,
Кеч, Аллахым, гюнахладан.

Джыла, мискин Исмагъил
Ёмюр зыраф кетгенине
Къылынмай къалды фарзларынг
Аджал джууукъ джетгенинде.

Джыла, мискин Исмагъил,
Кетди ёмюр, келди заман.
Аллахумма ахриджийна
Минаддуня магъалийма.

Исмагъил, джахил джатма
Джалгъан дуниягъа адатма
Иманынгы малгъа сатма.
Къуран окъу, намаз эт.

Исмаилгъа болуш, Аллах,
Гюнахлыды оллах-биллах.
Рахмат этсин уллу Аллах
Разы болсун Расулуллах.

Из зикра «Къыямат юн» («В Судный день»).

Подстрочный перевод:

Плач, жалкий Исмаил!
На землю роняя слезы.
Телом своим ты совершил
Безмерное количество грехов (что сродни
вероотступничеству).

Плач, жалкий Исмаил
Так, чтоб вторили тебе
(отзываясь эхом) и горы, и камни.
Хазраиль заберет твою душу
Оставив тебя с закатившимися глазами.

Плач, жалкий Исмаил!
Чтоб свидетелями были горы.
Пока не расстался с душой (своей),
совершай праведные дела,
(исполняй мусульманские обязанности,
выполняй свой долг перед Аллахом)
(Которые) чтобы мог забрать с собой (на тот свет).

Прошел век, не хватило мне таланта,
Тяжелее гор мои грехи
Я покаялся (попросил прощения) за ошибки.
Прости, мой Аллах, за прегрешения.

Плач, жалкий Исмаил,
Что век без пользы прошел
Не выполненным остался твой мусульманский долг,
смерть (рок) подошла близко.

Плач, жалкий Исмаил,
Ушел век, пришло время.
Аллахумма ахриджийна
Минаддуня магъалийма.

Исмаил, не лежи (не пребывай) безбожником,
(непросвещенным)
Не дай себя обмануть брэнному миру

Свою веру за блага его (богатство) не продавай.
Читай Коран, делай намаз.

Исмаилу помоги, о Аллах,
Грешен он, честное слово.
Да будет все сделано как надо Всевышним
(Пусть простит Всевышний)
Довольным пусть останется (пророк) Расулуллах.

Также читаем у Ю. Хачирова:

Арытайыкъ гьибадатда санланы (Пусть устанут
(заставим) Чтоб устали наши органы, сделаем так много
поклонения.

У И. Семенова:

Гьибадатда арыйым
(В поклонении чтоб я ощутил усталость).

Для сравнения, у Ахмата Яссауи:

Кечелерим, Аллах, зикир болса мени,
Кюндюзлерим оразадан толса мени,
Солумаздан Раббий десе тилим, тиним,
Мен не дарман этерими билем, досла.

Если ночи зикирами станут мои (ночи
превратятся в зикиры),
Уразой наполнятся (будут полны) дни мои,
Без отдыха (без устали) Раббий будет
произносить мой язык,
(все мое существо) мое тело,
Какое лекарство (что предпринять, какое действие)
я должен сделать (чтобы верно служить
Всевышнему, достаточно служить)
не буду знать, друзья.

У Ю. Хачирова:

Иман бла ашыгъайыкъ ёлюрге.
В вере (в праведности поторопимся умереть)
поспешим умереть.

У И. Семенова:

Иман бла ёлюрбюз.
Верующими (правоверными) умрем.

У Ахмата Яссауи:

Элли жылда ауаз келди:

«Ёлген кьолай!»

Ийман нюрю жарытмаса, ёлгюн кьалай?

В пятьдесят лет (стал слышен голос)

пришло нравоучение:

«Тому, кто умер — хорошо!»

(Но) если свет веры не освещает (твою душу),

как умереть?

Также в произведениях разных авторов в обилии встречаются одни и те же слова и словосочетания — «акъараб-ла» («скорпионы», «могильные черви»); «тар къабыр-да» («в тесной могиле») и др.

У Абдурахмана:

Три дня жил на этом свете...

У Исмаила:

Беш кюн дунья! Сени кьойдум...

(Мир пятидневный (жизнь, продолжительностью

кратковременный миг) в пять дней)!

Тебя оставляю...

У Ахмата Яссауи:

Мен билгинчи кетиб кьалды ёмюрюм,

Соргъан болса, анда не зат айтырма?

Не успел я узнать (понять), прошел мой век,

Если спросит (кто), что я там скажу?

У Ахмата Яссауи:

(Этот) мир обманчивый (ненастоящий, временный)

полюбив, (я) как пёс (бездомный) бродил;

У Исмаила Семенова:

Как (скотина) животное (бездумно, бестолково

какое-то время) ходил,

Теперь прости, Аллах, я возвращаюсь (на истинный путь).

Такое созвучие мыслей и способов их выражения, кроме несомненного влияния, думается, продиктованы одинаковым, адекватным восприятием основ религии. Где, как известно, указаны и скрупулезно прописаны не только общее поведение человека, но почти каждое его движение. Богоугодные чувства и ощущения, порывы, события истории ислама и т. п. становились (и поныне это так) содержанием зикиров, естественно сближая их пафос, словно нивелируя форму проявления, тем самым вроде в очередной раз подтверждая незыблемость всеобъемлющего канона, воспрепятствующего разночтению.

Поэтому, при анализе подобных текстов, рожденных как бы одинаковым вдохновением, оправданным представляется рассмотрение преимущественно их организационной и стилевой специфики. Здесь уместна адаптированная в литературоведении мысль, что, «без повторимости нет процесса, без неповторимости нет развития», имеющая ввиду также логичность и закономерность обращения к уже разработанным темам и формам.

Ясно, что наличие творческого влияния не может быть ущербным лишь в случае качественного превосходства вновь создаваемого. В принципе, на этом зиждется вся история и культура человечества, эволюционируя, цивилизуясь, где достигнутое всегда точка отсчета, исходная для дальнейшего прогресса.

Надо сказать, что из 79 зикиров Исмаила Семенова, занимающих объем в 280 машинописных страниц, лишь в строфах зикира «В судный день» и в вышеприведенных строчках других, мы обнаруживаем следы явного влияния, которые, по всей видимости, следует отнести к моменту возобладания суфийских настроений в его творчестве. Нет сомнения, что произведения карачаево-балкарских и, шире, тюркоязычных поэтов-суфиев были хорошо знакомы Исмаилу. Так как особенно широкое распространение получили в годы его становления как поэта. Заключение в них мощь и самозабвенность, многокрасочность проявления внутреннего мира человека, устремленного к высшему Идеалу, не могли не увлечь его романтическое сознание. Многие из этих зикиров, пронизанных особой красотой и музыкой, он знал наизусть. Эти «поэтические формы..., тяготеющие к народной песне» [17.430.] были близки ему, наиболее отвечали особеннос-

тям собственного лирического дарования. (В разделе «Поэтика зикиров» более наглядно будет рассмотрен вопрос преемственности, в частности, в сравнении зикиров Ахмета Ясави и Исмаила Семенова).

«Углубленное (же) постижение философии единения с Аллахом» [18.168.] было в течение жизни каждодневным его занятием, в определенной степени смыслом его творчества, что демонстрируют как «В Судный день», так и многие другие сочинения, причем не обязательно из религиозного цикла.

Интересно, что в народе сохранилась память о том, что Джырчы Исмаил был (супием) суфием. В частности, об этом однажды автору этих строк убежденно заявил совершенно случайный собеседник, попутчик. На вопрос, а что он подразумевает под словом «супий», тот — мужчина лет 45, не смог ответить, сославшись на то, что так говорила ему его мать.

Здесь, в этой сохраняющейся среди карачаевцев, информации, безусловно, кроются достоверные сведения как об особенностях мироощущения поэта, его пристрастиях, уровне подготовки, основах таланта, так, в целом, и культурных процессах, адаптации и проявлении национального сознания в новых исторических обстоятельствах, обусловленных наступлением принципиальных, социальных, религиозных, межнациональных, изменений в жизни общества.

Азрет Семенов приводит в разговоре строки, сочиненные сестрой* Исмаила:

Ая Супияда намаз этген ишиди,
Бизни хаджи эл иеси кишиди.

Подстрочный перевод:

В Ая Супие совершение намаза — его обязанность (дело),
Наш хаджи — человек (мужчина),
(обладающий такими огромными способностями)
(несомненными достоинствами), что естественно
стоит во главе села (общины)
(естественно по своим качествам руководителем,
лидером села всего является).

* У Исмаила был брат и две сестры.

Комментируя эти строки, информатор говорит, что в Турции есть красивейшая мечеть, которая называется Ая Супия.

«Многие люди в те времена (может и религиозные деятели конца XIX — начала XX века — К.-М. Т.) настаивали, что тем, кто приходит в Ая Супию, нужно давать звание «хаджи» — как будто он посетил Мекку» [19.], то есть хотели в этом смысле приравнять Ая Супию к Мекке.

Как это вписывалось в мусульманские каноны, или было богоотступничеством, богохульством?

Частично ответ на этот вопрос находим в суждениях исследователя об особенностях кавказского суфизма: «Отличие Кавказского (точнее дагестанского, ибо именно в Дагестане находился кавказский центр суфийской эзотерики) суфизма в том, что он накладывается на определенные национальные социально-культурные институты (ада-ты), которые обеспечивали устойчивость народной (национальной) жизни многие века, и, чтобы в них проникнуть, надо было хорошо их знать. Так, на суфизм оказывали влияние этические и мистические представления народов Северного Кавказа. Их богатая мифология, древние верования, этические кодексы лежали в основе духовного сосуществования этносов региона — многих и разных на небольшой территории» [20.168.].

То есть: не зависимость от догм религии, а следование им, вероучение — не как неодолимая, закрепостившая повинность, а наоборот, означающая абсолютную свободу духа и добровольное следование разумом и сердцем воспринятым, осмысленным, разделяемым заветам, стремление жить согласно испокон веков утверждавшихся, привычных норм бытия и органично сочетающихся с ними ниспосланных для правоверных Всевышним высоких морально-нравственных ориентиров — оставалось краеугольным камнем общественного сознания.

«Наиболее развиты поэтические формы» [21.44.] (подчеркнуто мной — К.-М. Т.) примечает об этом периоде ученый. И: «Определяющим элементом зикиров является не содержание, как в маулюте и мунажате, а форма, внешнее оформление, продиктованные стремлением приблизить к религиозной идеологии житейские ситуации» [22.53.].

И интересно, что «в сочинении национальных вариантов зикиров женщинам принадлежала ведущая роль» [23.48.].

И: «Иногда авторы отступают от классической религиозной традиции и пишут элегические зикиры о своих знакомых и друзьях. Это широко практиковалось в примечетских медресе, когда сохты по известному мотиву пели сочиненные ими на злобу дня зикиры» [24.52].

Эти достоверные наблюдения наводят на размышления об обусловленных историческими факторами, объективными и субъективными мотивами, истоках основных отличий карачаево-балкарских зикиров, истоках, наложивших отпечаток на мироощущение, миропонимание народа, весь процесс его культурного развития. Так, к примеру, наверное, довольно свободное, даже фривольное обращение с зикирическими мотивами не было возможным у других народов, к которым ислам пришел давно и традиции духовных песнопений уже стали классическими. А для «поздних мусульман» карачаево-балкарцев, у которых религия начала утверждаться лишь к середине XVIII века, выкорчевываться же под воздействием советской атеистической пропаганды стала одновременно и бурно, повсеместно, ясно, что 1—1,5 века «приживания» молодой веры для ее основательного, полного, глубокого внедрения в среду бывших христиан и язычников, явно оказалось недостаточно.

Примеров сказанному — множество. Х. Малкондуев в своей книге «Поэтика карачаево-балкарской народной лирики» приводит текст распространеннейшей во второй половине XIX века сатирической песенки, авторы которой — сельские парни, при передаче содержания довольно фривольного, если не сказать больше, характера, наряду с другими словами, без смущения, естественно, употребили религиозные понятия и термины.

Да мен айтайым Солманны зикирин
Сохтала жиялла эфенди фитирин,
Мен сукъланган а келинчик микилин...

Я расскажу вам легенду про Солмана
(в оригинале: зикир — К.-М. Т.)

Ученики собирают для своего учителя — эфенди фитир,
Я же страдаю по фигуре невестки...

Употребленное в данном контексте карачаево-балкарское слово «зикир» переведено исследователем (в подстрочном переводе) как «легенда». Это, безусловно, смысловой

перевод, указывающий на массовое восприятие, понимание термина «зикир» в пору создания песни; о доминировании понятия зикир в сознании тогдашних людей, его уже обычности, адаптированности в обществе, о том, что поэтического (стихотворного) характера, даже такого, до неприличия, откровенного, толка, сочинения население если твердо и не квалифицировало, как зикир, во всяком случае, ассоциировало с ним.

Возможность использования при передаче такого содержания имени Всевышнего говорит о внутренней раскованности, свободе, неугнетенности совести не только авторов, но и той аудитории, в которой впоследствии песня с успехом, как отмечает исследователь, звучала.

«Созданная... в Большом Карачае песня «Солман» во всех ущельях и аулах Балкарии в мужском кругу на косьбе, свадьбах, больших сборищах и состязаниях певцов пользовалась удивительным успехом и до последнего времени оставалась одной из популярных музыкальных произведений.

...В течение полутора сотни лет своего формирования текст тщательно оттачивался мастерами народной словесности...

...Словом, каждое общество и аул старались вывести тот образ Солмана, который больше нравился ему и вызывал у значительного числа общинников смех и удивление» [25.169; 173; 174.].

Известны случаи, когда на популярные мотивы зикиров, в годы господства в обществе атеизма (Советской власти) особенно молодежь распевала непотребные тексты, ими самими тут же на ходу сочиняемые. Подобные импровизации, где зачастую использовалось множество ненормативных (матерных) слов, превращая тексты в похабные частушки, которых множество, скажем, на русском языке исполняется, конечно же, дискредитировали религиозный мотив (известную религиозно звучащую музыку), в то время, как сам исполнитель такого «произведения» с явным намеком на известный зикир, на то, что это его пародия — выглядел, скорее всего, в своих глазах и остроумным, находчивым, одаренным, и героическим, не боящимся даже божьего наказания... И все-таки, даже в религиозно да и светски непросвещенной среде советской молодежи такие «исполнители» особого одобрения не

вызывали, мало-мальски мыслящие свидетели с сомнением и осуждением воспринимали такие новшества, то есть негативное отношение к такому было налицо.

Здесь, для сопоставления ситуаций, любопытно привести и следующие, в какой-то степени конъюнктурные, вписывающиеся в контекст господствовавшей в пору данной публикации советской атеистической пропаганды, но и отражающие существующие проблемы, состояние неортодоксальности, неуверенности, потрясенности людей, суждения исследователя русских духовных стихов: «Нет нужды доказывать, что отношение исполнителей к духовным стихам во многом определяется их отношением к религии. В северных деревнях и сейчас есть глубоко религиозные люди, которые... ревностно (но чаще всего безуспешно) пытаются уберечь тексты стихов от каких-либо изменений. Некоторые из них весьма холодно встречают фольклористов-собираателей, наотрез отказываются петь «безбожникам» духовные стихи, считая это тяжким грехом.

Гораздо многочисленнее другая категория исполнителей — люди, никогда не проявлявшие особого рвения к учению церкви и не воспринимавшие духовные стихи как «божественные песни». В духовных стихах их прежде всего привлекают не религиозные идеи, а проблемы морально-бытового и социального характера.

...И не случайно в репертуаре многих исполнителей произведения этого жанра мирно уживаются с антиповскими и антирелигиозными сказками, песнями, частушками, пословицами. А одна из женщин, закончив духовный стих о том, как по совету матери девушка уходит в монастырь, тут же спела пародию на духовный стих, в которой язвительно высмеивались и сама идея затворничества, и напыщенный стиль старообрядческих рассуждений...» [26.215.].

Также в рассматриваемом плане, показательны и наблюдения за обычаями некоторых соседних народов, сравнительно недавно принявших ислам. «Гости и соотечественники из мусульманских стран, приезжая к нам, и глядя на наши хохи, удивляются тому, как мы совмещаем часто несовместимые вещи: говорим хох, просим Аллаха о чем-то, со стаканом водки или вина в руках. Это похоже на то, о чем писал великий Омар Хайям:

В одной руке бокал,
Другая — на Коране,
И так живем мы под сводом голубым,
Полубезбожники и полумусульмане» [27.13.].

И другое высказывание, также вписывающееся в религиозное самосознание и менталитет многих народов: «Уже в XV веке европеец Интериано говорил, что и питии, и хохи совершаются здесь, на Северном Кавказе, со всей серьезностью, как и любое другое дело. Так Интериано писал: «Они выпивают постоянно, и во славу божию, и во имя святых, и во здравие родичей, и в честь памяти умерших друзей, и в память каких-либо замечательных и важных подвигов, и пьют с большой торжественностью и почтением, словно совершая священнодействие, всегда с обнаженной головой и в знак наивысшего смирения» [28.4.].

(Любопытно бы проследить происхождение черкесской поговорки «Уэрэдыр зечырым хуишежащ» — «Песню превратил в закир». (Здесь высказывание в третьем лице. Есть и во втором лице: «Ты песню превратил в зечыр»). Смысл придается такой: дело, или речь, чуть ли не загубил (или даже загубил в глазах собеседника, того, кто высказывает), свел не к логическому концу, или не довел до конца хорошее дело. То есть, получилось что-то неважное, нехорошее...

Эта поговорка могла возникнуть или на самой заре мусульманства, когда не воспринимали эту религию, или в годы (что менее правдоподобно) Советской власти.

По свидетельству фольклориста Хасина Братова, общившего эту информацию, и сейчас есть христиане в Кабарде; есть моздокские черкесы и сейчас христиане (имена даются русские, хотя фамилии черкесские не меняются. Например: Николай Иванович Кижинов — вполне законное явление).

Исходя из имеющихся наблюдений, можно констатировать: если в духовных песнопениях народов, с устоявшимися, признанными эталонами, скажем, зикиров, нет необоснованных отступлений от их изначальной формы и содержания, — у карачаевцев и балкарцев оказалось возможным посредством и этого чисто религиозного жанра воспроизводить жизнь во всем его разнообразии, отражать личную судьбу и судьбы знакомых, — конечно, большей частью придерживаясь заданных традицией доминант,

Кстати отметить, что карачаево-балкарский зикр является не каким-нибудь забытым, архаичным жанром, а живым, ныне полноценно существующим, ежедневно сочиняемым. Новые зикиры разные авторы в множестве присылают в редакции выходящих на карачаевском и балкарском языках газет, на радио, их озвучивают на маулу-тах и т. д. Явно их тематическое единство, разное же — исполнительское (поэтическое) мастерство. Разумеется, подавляющему большинству этих произведений, и нынешних, так или иначе повторяющих уже известное, сказанное и в духовных стихах, далеко до уровня признанных национальных образцов жанра, отличающихся высокой художественностью, эстетической притягательностью, что естественно, так как все стихотворные сочинения — это не только шедевры, особенно когда учесть, что речь идет о жанре духовной поэзии, который традиционно берутся создавать все, невзирая на наличие или отсутствие соответствующего дарования. То есть, в каждом конкретном случае, дело, как всегда, за главным условием — мерой таланта. Приведем несколько строф из современного сочинения, состоящего из 31 четверостишия, объем, — свидетельство того, что авторы, приступая к работе над подобным произведением, никогда не ограничивали себя какими-либо композиционными установками, техническими рамками, продолжают писать до тех пор, пока не выразят всё их волнующее в этой теме — свое восприятие божественной сущности, превалирующее в обществе отношение к основополагающим религиозным догмам, свое осознание мира и роли людей на земле, ощущение смысла жизни.

То есть, сегодняшний национальный зикир — это почти всегда — превозносящая божье начало, глубоко проникновенная лиро-эпическая поэмка, и ее создание — процесс, где «все восполняется силой убеждения, идеи [так как] религиозно-дидактическая поэзия карачаево-балкарцев... лишена образной системы в современном понимании. Сыфат (от ар. «сифат» — «образ») в понимании авторов религиозных стихов сильно отличается от того, что имеет ввиду под образом современный автор. В этой поэзии невозможно найти изображение пейзажа, весьма скупо составляется портрет героя. Но отсутствие образности не лишает силы стихов» [29.56].

Бисмилла деб башлайым
Гюнах — сууабны юсюнден —
Келсин бизге рахмат
Бир Аллахны кесинден.

Арбазынгдан чыгъарса,
Кёзюнг къарай ызынга —
Анда айтыр сёзюнгю
Аллах салсын ауузунга.

Тар къабырда джатарса
Бир элини тебмейин —
Сууаб джолну сен сайла,
Кёб гюнахла этмейин.

Уллу Аллах кесиди
Джерге джанны джаратхан.
Анга дурус кёрюнмейд
Дуния малгъа джан атхан.

Динибизни тутайыкъ,
Бир Аллахта табыныб —
Джаханимге тюшмейик,
Къыл кёпюрде абыныб.

Бир Аллахны хар заты
Джарты тюлдю, толуду —
Къуранда джазылгъанла
Муслиманны джолуду.

Аллахха джокъ таша джукъ
Бары анга туурады,
Аджал деген алайды —
Кёз тюбюнгде турады.

Бу дуния джалгъанды,
Кёб миллетден кългъанды;
Бу затлагъа тюшюнмей,
Азмы гюнах алгъанды?

ЛАЙПАНЛАНЫ Иссалий

Джангы Къарачай эл.
Газ. «Къарачай», 1995, 5 июля.

Подстрочный перевод:

«Бисмилля!» сказав начну
О грехах — добрых делах (добродетелях) (говорить) —

Пусть придет к нам благословение
От единственного Аллаха самого.

Покинешь (выйдешь со двора) двор свой,
Проникнутый желанием вернуться назад —
То, что тебе надо там говорить
Пусть (сам) Господь вложит (поможет сказать) в твои уста.

Будешь лежать в тесной могиле
Не имея возможности шелохнуться (подвинуться хоть
на пядь) —

Избери себе дорогу добротворения
Не совершая множество грехов.

Создавший жизнь на земле,
Он не одобряет Тех, кто бежит за мирскими
соблазнами, земным богатством.

Давайте придерживаться нашей религии,
Поклоняясь единственному Аллаху —
Да не попадем тогда в ад
Споткнувшись на (мосту Сират) тончайшем переходе.

У Аллаха (единственного) все дела
Не на половину, а полные —
То, что написано в Коране
Есть (главная) дорога мусульманина.

Для Аллаха нет тайн
Все (для него ясно) (стоит перед ним) видно ему,
Смерть — она такая —
Под глазами (твоими) каждого находится.

Этот мир (обманчивый) временный,
Остался он после многих людей (многих народов);
Не понимая этого,
Мало ли людей совершило грехи?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пожалуй, что однозначное «зикиры соответствуют христианским псалмам» не совсем точно. При всей односферности их, как бы уподобленности композиционных и стилистических решений, к примеру, исмаиловские зикиры намного неоднозначнее, шире, всеохватнее, проникновеннее. Безусловно, в них присутствуют и мольбы, и «фило-

софско-медитативный характер» (Аверинцев С. С. Литературный энциклопедический словарь, ст. «Псалмы», с. 310), но они, зикиры Семенова, более свободны в выражении чувств, обращениях к Аллаху, если можно так выразиться, более земны и более человечны.

2. Биттирова Т. Ш. Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев. Карачаевск, Изд-во КЧГПУ, 1999.

3. См.: Мизиев И. М. История карачаево-балкарского народа с древнейших времен до присоединения к России. Ж. «Ас-Алан», 1998; Кагиева Назифа. Коронованные судьбы. Карачаевск, Изд-во КЧГПУ, 2001; Караева Зухра. Художественный мир Исмаила Семенова. М., 1997, с. 7; Биттирова Т. Ш. Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев. Карачаевск, Изд-во КЧГПУ, 1999.

4. Из разговора с Тебуевым Р.

5. Из беседы с Азретом Семеновым.

6. Кагиева Н. М. Дерс китаб. Къарачай-малкъар литератураны тарихинден. Черкесск, 1996.

7. Из разговора с Азретом Семеновым.

8. Цит. из У. Б. Далгат по кн. Х. Х. Малкондуева «Поэтика карачаево-балкарской народной лирики», Нальчик, Издательский центр «Эль-фа», 2000.

9. Биттирова Т. Ш. Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев.

10. Караева Зухра. Художественный мир Исмаила Семенова, М., 1997.

11. Малкондуев Х. Х. Поэтика карачаево-балкарской народной лирики. Нальчик, Изд-кий центр «Эль-фа», 2000.

12. Малкондуев Х. Х. Поэтика карачаево-балкарской народной лирики.

13. Там же.

14. Биттирова Т. Ш. Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев.

15. Там же.

16. Записано со слов Тотуркуловой (Хубиевой) Сони Ибрагимовны.

17. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.

18. Биттирова Т. Ш. Шейх Сюлемен. «Ас-Алан», № 1 (3), 2000.

19. Из беседы с Азретом Семеновым.

20. Биттирова Т. Ш. Шейх Сюлемен, ж. «Ас-Алан», № 1 (3), 2000.

21. Биттирова Т. Ш. Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев.

22. Там же.

23. Там же.

24. Там же.

25. Малкондуев Х. Х. Поэтика карачаево-балкарской народной лирики.

26. Новиков Ю. А. К вопросу об эволюции духовных стихов. «Русский фольклор» XII, Из истории русской народной поэзии. Изд-во «Наука», Ленинград, 1971.

27. Шенкао М. Горское ментально-прекрасное (по материалам абзано-адыгских здравец), Черкесск, 1998.

28. Там же.

29. Биттирова Т. Ш. Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев.

Зикиры как литературный жанр: генезис и поэтика

Доступный нам материал позволяет констатировать, что именно в творчестве шейха Абдуллаха (Айсандыра Дудова) был впервые задан тон содержанию и звучанию духовных произведений карачаевцев и балкарцев. Исследователь, свидетельствующий о том, что им также созданы первые образцы национальных зикиров, отмечает: «Произведения шейха Абдуллаха Дудова-Бухарского интересны не только своим историческим значением и литературными достоинствами. А. Дудов смело вводит в повествование быт раннего средневекового мира. И поэтому его произведения дают огромной важности культурно-исторический материал, который свидетельствует о формировании исламских религиозных представлений в Карачае и Балкарии. Творчество шейха представляет важнейший этап развития карачаево-балкарского индивидуального-авторского творчества.

...В каждом слове шейха ощущается глубина его знаний, образованности. (Он долгое время учился в культурных центрах мусульманского Востока и получил блестящее образование. Был знаком с передовой наукой и культурой, историей Востока).

Творчество шейха, разрушая привычные эстетические каноны, остро реагировало на жизненные перемены среди его сородичей. Неизменными оставались искренность, страстность чувств, вложенных в слово его.

Его произведения известны в большом числе списков, публиковались в Дагестане, Поволжье. Они до сих пор не сходят с уст и рук читателей и почитателей его незаурядного таланта.

Хотелось бы отметить, что шейх Абдуллах, выступая за искоренение древнего письма предков, общетюркского литературного языка — «Тюрки», желавший заменить

«Тюрки» арабским языком, вынужден был развить «тюрки». Дело в том, что Карачай не знал арабского языка, но владел письмом арабским, так как «тюрки» было на основе арабской графики. К тому же, еще с XVI века унифицированное карачаево-балкарское «тюрки» к тому времени служило на Северном Кавказе языком межнационального общения.

Творчество шейха Дудова — незаурядное явление в истории культуры карачаево-балкарского народа...

Слову шейха свойственна особая экспрессивность, вызванная целями и задачами всего его творчества, острым ощущением сложности мира, судьбы человека, всем многообразием человеческих переживаний.

Бисмиллях деб башлайма
Иман-ислам айтыргъа.
Халкъыбызны сен тызет
Хакъ джолуна къайтыргъа.

Махтау бары — Аллаха!
Олду бизни джаратхан,
Акъл, анг, билим берген,
Буйругъуна къаратхан.

Отуз эки фарыз бар
Акъл-балыкъ болгъаннга.
Борчду аны билмеклик
Ийнаныуу толгъаннга!

Иман-ислам аузумда,
Сыйлы борчум — бойнумда.
Шериатды джоругъум.
Бир чыгындан таймазма
Джаным ичимде болуб,
Джалгъан сёзню айтмазма.

«Бисмиллях» сказав начинаю
Про веру — ислам говорить.
Народ наш ты (о, Аллах) наставь (научи)
На путь (твой) истинный вернуться.

Возблагодарения все — Аллаху!
Он наш создатель,
Ум, развитие, знания (нам) давший,
К своим заповедям (наши помыслы) обративший.

Тридцать два (разновидности) долга есть
У того, кто имеет разум.
Обязан это знать
Тот (чи надежды сбылись), кто нашел веру!

Вера — ислам в моих устах,
Великая (почетная) обязанность — на мне
(букв. на моей шее).
Мусульманские законы (шериат) — мои жизненные
принципы,
Не отступлю (от них) ни на иоту
Пока душа моя (жива) во мне,
Не скажу лживого слова.

Из поэмы «Ийман — ислам».

(Погстрочный перевод мой — К.-М. Т.)

«...Слово старого мудреца» проникнуто призывом к внутренней стойкости, терпению, пониманию окружающей действительности перед лицом невзгод, избавлению от оков страстей, смирению порока гордыни.

Произведения шейха примечательны и тем, что они глубоко вобрали в себя разнообразные события, волновавшие народ с древнейших времен: это и политические проблемы, и судьба отдельно взятого человека, это и религиозное совершенствование народа. Они интересны и кругом нравственных проблем, всегда волновавших лучшую часть общества. В каждом слове шейха звучит надежда и вера в жизнь, в добро, душевную щедрость и скромность, мысль о том, что человеком может считать себя только тот, кто выполняет свой религиозный и жизненный долг, у кого совесть чиста перед Аллахом и людьми, перед своим вечным и недремлющим стражем — своей совестью.

Произведения его отличаются глубиной мысли, яркостью языка, высоким моральным пафосом.

Достойны восхищения и его поэтические переводы средневековых восточных сказаний, религиозных преданий, которые знакомили горцев с малоизвестной в горах повествовательной поэзией средневекового исламского Востока» [1.3; 4.].

Сопоставляя, соразмеряя религиозную деятельность и выдержавшие испытание временем сочинения шейха Абдуллаха с творчеством древнебулгарского поэта — суфья Али (Къул Алий) (1183—1236), Назифа Кагиева фик-

сирует неразрывность жизненной нити, философско-эстетических и нравственных исканий людей, их восприятия мира, духовных устремлений [2.34—35.].

Подчеркнем, что такая широта интересов, творческого размаха, неограниченности национального разума, присутствующие нетленным образцам карачаево-балкарской духовной поэзии, через столетия ярко проявились и в зикирах выдающегося народного поэта Исмаила Унуховича Семенова, символизируя живую связь времен, преемственность всего того лучшего, что издревле обрело народное сознание, что навсегда отложилось в памяти как непреходящая ценность.

В данном контексте, интересен сам факт посвящения Исмаилом Семеновым* (по другим версиям Кипкеевым Тогъузаким**) зикира шейху Абдуллаху, как признание его заслуг перед национальной культурой, дань уважения великому предшественнику, заложившему в определенный исторический момент основы мироосознания для своих соплеменников.

Не узурпируя свое творческое вдохновение по сути легкомысленными вопросами безбожников о сущем, Джырчы Исмаил вписал в казалось бы чисто религиозный жанр зикиров состояния (своей) человеческой души, окружающей действительности, тем самым как бы в русле, подчеркивании и развитии складывавшейся национальной практики «выйдя» за грани традиций, создав новое качество жанра, когда в последнем, помимо означенных конфессиональными приоритетами мотивов «явственно видны черты национального своеобразия, исходящие из этнического уклада, быта, нравов» [3.17.], то есть налицо «расширение тематического диапазона и интонационной нюансировки жанра» [4.26.], когда задействованы, в активе чисто художественные «пути создания лирического напряжения», содержание превращено в «мир высокой поэзии, заселенный особым строем поэтических видений и неожиданно проступающих образов» [5.47.], в которых проявлены талант, культура народа, что «узакони[вает] превращение фольклорного жанра в литературный» [6.20.].

«Поскольку синтез любых, а тем более неоднородных

* См. ж. «Ас-Алан» М., Изд-во «Мир дому твоему», 2001, 1/ 4, с. 410.

** Сб. Карачаево-балкарский фольклор. Нальчик, 2004.

систем неизбежно предполагает подчинение и преобладание семантики одной системы относительно другой, то и в художественном мышлении поэта (Исмаила Семенова — К.-М. Т.) стилистическая и образная система мусульманской религиозной литературы подвергается неосознанному отбору и обретает явно выраженную направленность в сторону мифологизации в русле национально-психологического ряда. В системе культурных ориентиров ислама отобрано и усвоено то, что имеет конкретные духовные параллели в менталитете карачаевцев и, соответственно в мировидении самого поэта. Каковы же границы вместимости и критерии адаптации культурных и идеологических ценностей ислама национальным, художественным и традиционным сознанием? Судя по поэме («Акътамакъ» — К.-М. Т.) этот процесс, обусловленный в какой-то мере сохранением мифоэпического сознания, был направлен на извлечение и усиление чудесного, волшебного, эмоционально-чувственного в восприятии действительности, вовлечение канонов и норм ислама в качестве векторов и составляющих в уже существующую мифологическую модель мира и человека.

...Можно сделать вывод, что национальная мифология и воспринятая позже мусульманская традиция, объединились в единый религиозно-культурный комплекс, который в свою очередь, наряду с другими социальными и духовными условиями, формировал индивидуальное, в данном случае индивидуально-художественное сознание поэта» [7.58—59.].

Пожалуй, поэтому, при чтении зикиров Исмаила всегда, в любой момент чувствуется, что он, автор, не так обязательно привязан к канону, что он при создании зикра следует своему вдохновению, нежели каким-либо устоявшимся правилам жанра, что и в религиозной лирике, где казалось бы, должно большей частью следовать утвердившимся нормам — поэт готов выйти за рамки, за пределы, вернее этих пределов для него как бы и не существует. «И. Семенов, [вроде] подчиняется... регламентации, но... до определенной черты. Он [всегда] оставляет для себя определенную свободу в трактовке... тем» [8.24.].

С другой стороны, при реализации в духовных стихах своего огромного лирического потенциала, Исмаил, в главном, верен избранной теме, он именно обращается к Аллаху, именно молит, просит Аллаха, именно восхваляет,

воспевают, благодарит Аллаха, то есть это то, что делает эти его произведения зикирами. Тем самым, как бы забытый, забытый, угасший за годы доминирования атеистической пропаганды в государстве жанр зикиров Исмаил и поднял на необычную высоту, создав классические образцы этих произведений на родном языке.

Следует заметить, что в немногочисленных научных работах религиозные стихотворные тексты больше относили к народной поэзии. Так, в академическом издании Института русской литературы (Пушкинского дома) Ю. А. Новиков, например, именует духовные стихи «особ[ым] жанр[ом] устного народного творчества» [9.220].

Также, «Литературный энциклопедический словарь» в статьях «Народное поэтическое творчество», «Народный стих» говорит и о духовных стихах, имея ввиду их принадлежность к проявлениям «массового словесного художественного творчества» [10.234; 237].

В статье же «Духовные стихи» данного издания читаем: «(Д. с.) — собирательное понятие, принятое для обозначения фольклорных и лит. музыкально-поэтических произведений различных жанров, объединяемых общностью христ. религиозного содержания. По своему материалу (сюжету) Д. с. восходят к книжным (преимущест. духовным) (Библия, жития святых, церк. гимны, а также легенды и апокрифы).

Лит. Д.с. известны в др.-рус. рукописях XV—XVII вв. как «Стихи покаянные» (жанр духовной лирики); в XVII—XVIII вв. испытывают влияние песенной силлабической, а в XIX—XX вв. и новой авторской поэзии.

...Фольклорные Д. с. в своей стилистике связаны с эпическими, лиро-эпическими и лирическими песенными формами в народ. поэтич. творчестве рус., укр. и беларус. народов.

Исполнение Д. с. приурочивалось к церк. праздникам и постам, иногда же связывалось с похоронно-поминальными обрядами. Наряду с христ. религ. темами и идеями... в Д.с. проявлялись древние языческие элементы...; в них также своеобразно отражались исторические события..., народные суждения о добре и справедливости, в отдельных случаях возвышающиеся до раскрытия идеи о социальном неравенстве...

Напевы Д. с. образуются из особого сплава околоцерк. интонаций знаменного пения и поздней кантовой культу-

ры в сочетании с фольклорными элементами эпич. календарной и лирич. нар. песенности» [11.103.].

Бесспорно, что и мусульманская религиозно-дидактическая поэзия существует именно в этих формах — устно-поэтической и письменной, литературной.

То, что в течение времени проникновения мусульманства в Карачай и Балкарию, становления его возобладавшей единственной религией, создавались в народе — еще не как чисто религиозный жанр, а поэтический, ставший общепонятным и общедоступным в результате интенсивного освоения ислама всем населением региона, над которым еще не довели, не являлись строгим предписанием, подразумевавшим беспрекословность исполнения, догмы новой религии [12.], — а поэтому воспринимавшийся как весьма демократический стихотворно-песенный жанр, — зикиры — и получило четкое отражение в творчестве Исмаила Семенова. Его зикиры — это наиболее завершенная, высоко литературно оформленная форма общенародного восприятия их, и общенародного использования, применения их. И здесь голос Исмаила — это голос народа. Состояние Исмаила — это состояние его народа. Тут, безусловно, уместны и в отношении Семенова Джырчы Исмаила слова современного исследователя северо-кавказской поэзии, верно определяющие истоки творческих достижений другого выдающегося поэта, балкарца Кайсына Кулиева: «Мера таланта... видится в том, что он смог впитать весь потенциал национального устного творчества, раскрыл гносеологические возможности буквально всех структур балкарского (добавим: и карачаевского — К.-М. Т.) фольклора и языка вообще. Как правило, в его стихах сопряжены поэтические приемы самого различного плана, использованы разнохарактерные методы выражения лирического самосознания, присущие и народному творчеству, но развитые до нового качества» [13.95.].

Ясную формулировку и оценку этого «нового качества», безусловно, являющегося неотъемлемой составной, признаком и зикирического наследия поэта, которым он также сохранил связь времен и целостность национального миропонимания, дала и Зухра Караева, подчеркнув, что «значение творчества Исмаила Семенова для карачаевской литературы и культуры в целом огромно и бесценно. Исторический смысл и эстетическая ценность этого творчества определяются положением человека и личности,

творца, оказавшегося на переломе эпох и на стыке культур. Он оказался художником, которому время и история предназначили завершить одну культурную эпоху национальной жизни и начать другую, не разделяя и отсекая их друг от друга, а силой своего таланта сопрягая и рождая новое качество звучащего слова — профессиональную литературу. Точно и емко выражено это положение и роль народного поэта в истории национальной литературы в связи с личностью другого великого поэта, Коста Хетагурова: «Он был последним великим народным певцом и первым великим народным поэтом» [14.18].

Можно говорить, что Исмаил Семенов сформировал жанр поэтически оправданного, национальным сознанием ожидавшегося, предпочтенного зикра, имеющего не только чисто религиозное значение и звучание, но культурологическую мотивацию, общечеловеческую ценность именно с позиций эстетики.

Одним из особенностей зикиров Исмаила Семенова является то, что они созданы на чисто карачаевском литературном языке, то есть абсолютно свободны при выражении мысли и чувства поэта от инонаслоений, в том числе религиозных представлений, готовых формул, выражений, в обиходе получивших широкое распространение, хотя поэт нередко использует арабские религиозные термины. Но они к месту и совершенно не мешают восприятию текста. Пусть иногда для понимания некоторых из них помощь словаря или богослова и необходима.

То есть, карачаевский литературный язык, впервые в чистом виде проявившийся в поэзии Исмаила Семенова, и в зикирах представлен полностью. Вот примеры сказанному — строфы — из разных произведений:

Рамазан айым келеди
Биз хошкедиге барайыкъ,
Эмилик тургъан санланы
Боюнсагъа салайыкъ.

Подстрочный перевод:

Мой месяц Рамадан идет
Пойдем (мы) привечать — встречать,
На находящийся в избытке сил свой организм
Наденем ярмо.

Из зикра «Рамазан ай» («Месяц Рамадан»).

Гъалим болсанг, гъилму бла аламат.
Хафиз болсанг Къуран бла карамат.
Джахил къалдыкъ, биз Аллахха аманат
Джахил къалдыкъ, биз Аллахха аманат.

Подстрочный перевод:

Если ты ученый, наукой своей хорош (счастлив).
Если хафиз — Кораном освящен.
Остались мы невежественными,
на милость Аллаха уповаем
Остались мы невежественными,
на милость Аллаха уповаем.

Из зикра «Къуранни назмусу» («Стихотворение Корана»).

Аджал деген алайды,
Сюре келиб — джетеди,
Сакълаб тургъан джанынгы
Сормай алыб кетеди.

Подстрочный перевод:

Смерть — она такая
Гонится — гонится — догоняет,
Жизнь (сердце; душу), что ты (всемерно)
оберегал (как зеницу ока)
Без спроса забирает и уходит.

Из зикра «Аджал деген алайды» («Смерть такова»).

Зикирни нюрю кёреме
Сени Сиратынгы чырагъы,
Садакъаны нюрю кёреме
Сени джандетинги ийнагъы.

Подстрочный перевод:

Оказывается, (свет лучезарный) сияние зикра
Станет тебе маяком (освещением через Сират)
в Судный день.
Оказывается, свет (сверкание лучей) (розданных) твоих
милостынь
(Причина) ласки, обаяния твоего рая.

*Из зикра «Беш уахты нюр намаз»
(«Пятикратный лучистый намаз»).*

Если использование арабских терминов мы встречаем у всех карачаевских поэтов первой волны — у И. Каракотова, Азрета Уртенова и других, чему в то время способствовало, наверное, в немалой мере, создание карачаевской письменности на арабской графике, то в зикирах Исмаила Семенова, особенно созданных после возвращения из Средней Азии (переселения), арабские термины и выражения используются как классические примеры мусульманской лексики — примеры изречений для карачаевца на языке, на котором был ниспослан Всевышним Коран, на языке земли Аравии и народа, откуда зачиналась и распространилась исламская религия. Они — арабизмы — у Исмаила материал, не подлежащий даже переводу, а подлежащий лишь верному восприятию, осмыслению. То есть, понимается: Коран и все, что он несет — выше всяческих переводов и толкований, ее и нужно умудриться адекватно усвоить. Отсюда и дача (использование) Исмаилом непереуведенных, не воспроизведенных на карачаевском языке терминов и выражений. Там же, где он считал это возможным, он перелагает суть определенных мыслей на родной язык.

«Судя по трактовке мусульманских образов и логичность их соотнесения с реалиями национальной жизни, с ее духовной сутью, а также с художественной логикой поэтического текста, И. Семенов хорошо знал Коран, прекрасно ориентировался в хадисной литературе и в том культурном пласте в целом, который нес с собой ислам, начиная от норм шариата и заканчивая образцами традиционной восточной поэзии. И если определяющими художественными константами поэзии являются яркая образность, насыщенность сравнениями и интенсивная метафорика, то эстетически они оказались очень близки и соотносимы с гипертрофированной стилиевой экспрессией священной книги мусульман и были совершенно органично сопряжены художественным сознанием поэта» [15.58].

Нужно отметить, что стихи Исмаила Семенова повышают жизнестойкость человека и это явно, наглядно. Например, если человек в обычное время не хочет, не любит думать о «тяжестях» жизни, о плохом, о смерти, о всех страхах, всегда стараясь избавиться от тягостных мыслей, переключая внимание на что-нибудь иное, приятное, то чтение стихов Джырчы, наверное, убаюкивает его инстинкт

самосохранения, обычно трепетно стоящий на страже его жизненного тонуса, настроения и читатель с упоением распевает зикиры, и все оттенки проявления жизни и смерти, которые в них заключены, не пугают, не отталкивают его, он не желает от них, будто волшебных, намагниченных строчек, оторваться, покоренный красотой звучания, естественностью, божественностью их, и умиrotворяясь, восхищаясь, памятуя одновременно о всех сторонах земного бытия и о том, что ждет каждого после физической смерти, не пугаясь, размышляет о предназначенных Всевышним для каждого человека испытаниях и обязанностях, понимая смысл жизни, свое место в ней как часть проявления вечного, бесконечного могущества, силы и божественного промысла Всевышнего, своей роли в поднебесной и в мироздании. Можно сказать, что величие, пафос этих стихов в сердце, разуме человека побеждает смерть.

ДЖАН БЕРГЕННИ КЪАУГЪАСЫ

Ой не этейим аджалыма*.
Ой не этейим аджалыма.
Чабыб джетер болджалына
Тауба этейим гюнахыма
Сежде этейим Аллахыма.

Сежде, рукугъ этмей турсам.

Сежде, рукугъ этмей турсам,
Къыямат кюн бетим къара
Намазларым ала-чола,
Кеч, Аллахым, гюнахладан.

Ой не этейим заманыма?

Ой не этейим заманыма.
Къылмай къойгъан намазыма.
Тутмай къойгъан оразама,
Таула тенгли гюнахыма.

* Башчылыкъ этген, биринчи тизгинни айтыб бошаб, сора къалгъан 4 тизгинни да айтдырлыгыча айтдырады.

Ой не этейим ёмюрюме?

Ой не этейим ёмюрюме,
Термилиб джан берлигиме.
Гюнахарым ауур болуб
Къабыр азаб кёрлюгюме.

Ой не этейим бу джаныма?

Ой не этейим бу джаныма.
Закатсыз кёб малларыма,
Ишлей-ишлей дынг тюениб,
Къуру чыкъгъан санларыма.

Ой не этейим Сиратыма?

Ой не этейим Сиратыма.
Бу намаз аманатыма
Мен миннгенлей, сыныб кетсе,
Къайда байлау, къанатыма.

Ой не этейим телёуюме?

Ой не этейим телёуюме,
Бир Аллахха берлигиме.
Къара кёрге кирлигиме
Кеч, Аллахым! Гюнахладан.

Ой не этейим намазыма?

Ой не этейим намазыма.
Не телейим тазириме?
Джеталмагъан нюзюрюме.
Кеч, Аллахым! Гюнахладан.

Ой не этейим оразама?

Ой не этейим оразама.
Джаш ёмюрде туталмадым.
Санга, уялдым, айталмадым,
Кеч, Аллахым! Гюнахладан!

Ой не этейим закатыма?

Ой не этейим закатыма.
Харам къатышды хантыма.

Тергеб-санаб бармадым да,
Не кыйын болду башыма.

Ой не этейим садакыма?

Ой не этейим садакыма.
Берелмедим ана-атама.
Тауба этейим бу хатама
Кеч, Аллахым, гюнахладан!

Ой не этейим базманыма?

Ой не этейим базманыма,
Сагыш этиб азгыныма
Гюнах-сууаб чегилликди
Таша затым керюннюкдю.

Ой не этейим заманыма?

Ой не этейим заманыма.
Адамланы джаманына.
Фитна-хыйла этгенлеге
Имансызлай кетгенлеге.

Ой не этейим заманыма?

Ой не этейим заманыма.
Учуб ётер Сиратыма.
Джандет Буракъ ол атыма
Джетермеми муратыма?

Ой не этейим бу джаныма?

Ой не этейим бу джаныма.
Аллахны аллына барлыгыма
Къара тебе боллугъума
Мункир, Накир сорлугъуна.

Ой не этейим Сиратыма?

Ой не этейим Сиратыма
Учуб ётер къанатыма.
Кёб тиледим, — табалмадым
Джеталмадым муратыма.

Ой не этейим аджалыма?

Ой не этейим аджалыма.
Билмегенлей келлигине.

Къыйналыб, джан берлигиме.
Къабыр азаб кёрлюгюме.

Ой не этейим базманыма?

Ой не этейим базманыма,
Адам бары чегилир.
Кимге къууанч, кимге джылау —
Джалчылыгы берилир.

Ой не этейим адам хакъгъа?

Ой не этейим адам хакъгъа.
Башым къалды ол палахха.
Бир алманы сууу ючюн
Салынныкъбыз дау тузакъгъа.

Ой не этейим базманыма?
Ой не этейим базманыма.
Бешге алдым, онга сатдым.
Гюнах, сууаб эскермейин
Дуниягъа бир кёб алдатдым.

Ой не этейим заманыма?

Ой не этейим заманыма.
Миндиргинчин агъач атха
Къуллукъ этейик Аллахха
Джашаб тургъан сагъатда.

Дуниядан файда кёрмедим.

Дуниядан файда кёрмедим.
Бир Аллахды джюнгерим.
Узакъ джолгъа тебретим.
Кеч, Аллахым гюнахладан.

— Ауушду, — деб айтылгъынчы,

— Ауушду, — деб айтылгъынчы.
Сууаб салах тартылгъынчы,
Уянайыкъ намазлагъа
Кеч, Аллахым! Гюнахладан!

Тынгылагъыз, мен айтайым:

Тынгылагъыз, мен айтайым.
Джан бергенни ачысын.

Иблис даулар, суу бере,
Иманынгы джартысын.

Ахыр тылпыу бу джанымы.
Ахыр тылпыу бу джанымы
Иман бла ал, Аллахым!
Къабыр азаб кёргюзмейин,
Джандетлеге сал, Аллахым!

Тарай-тарай чач агъарды.

Тарай-тарай чач агъарды.
Санай-санай ёмюр ётдю.
Джашлыкъ кючюм къолдан кетди.
Билмегенлей, аджал джетди.

Бир джюз джыйырма саф болуб,

Бир джюз джыйырма саф болуб,
Къыблагъа айланыр.
Намазчылар ол кюнде,
Джандетлеге сайланыр.

Къыяматны ташасы джокъ,

Къыяматны ташасы джокъ,
Андан къачыб ким кетер.
Файгъамбарым Мухаммат
Къуран бла сют этер.

Дуния деген бир юзгере,

Дуния деген бир юзгере,
Таула къязыккъгъа урулуб.
Махшаргъа барсанг, кёрюрге,
Тиреусюз базман къурулуб.

Онгнга дженгсе базманым.

Онгнга дженгсе базманым.
Джаннетлеге кетерме.
Солгъа дженгсе базманым,
Ой мен къыйынлы не этерме?

Подстрочный перевод:

ТРЕВОГИ НАХОДЯЩЕГОСЯ НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

(Прегсмертные (душевные) муки)

Ой, что мне со смертью делать своей?

Ой, что мне со смертью делать своей,
Примчится (не затеряется) точно в срок.
Покаюсь (сделаю, свершу покаяние) в грехе
(испрошу прощения за грехи)
Поклонюсь (окажу беспрекословное,
бесконечное повиновение —
поклонение) моему Аллаху.

Если не стану я повиноваться, кланяться,

Если не стану я повиноваться, кланяться,
В день светопреставления лицо (мое) (будет) черным,
Намазы мои кое-какие (неважно сделанные),
Прости, мой Аллах за свершенные грехи
(очисти от грехов)!

Ой, что мне делать с моим временем (в котором живу)?

Ой, что мне делать с моим временем (в котором живу).
С неисполненным (оставленным без исполнения)
моим намазом,
С уразой (постом) моей, которой не держал
С сравнимым с (высокими) горами грехом моим
(накопленными мной грехами).

Ой, что мне с веком делать моим?

Ой, что мне с веком делать моим.
(С тем) Что в мучениях душу отдам.
(С тем) Что из-за тяжести моих грехов
В могиле испытаю посмертные муки
(испытаю могильные страдания).

Ой, что мне делать с душой моей?

Ой, что мне делать с душой моей.
С большим поголовьем принадлежащих мне животных,
за которых не заплатил зекят
В непрестанной работе (непрестанной работой)
израсходовав все силы (лишившись сил)

Ой, что мне делать с милостыней моей (совершенными и
несовершенными благодеяниями)?

Ой, что мне делать с милостыней моей (совершенными и
несовершенными благодеяниями).

Не смог дать ее (сделать пожертвование,
подать милостыню) за мать и за отца (чтоб это зачлось им),
Покаюсь (испрошу прощения за этот проступок) в этом
недостойном, ущербном поступке

Прости, мой Аллах, прегрешения (грехи)!

Ой, что мне делать с весами (взвешивающими все
добродетельное и негативное в жизни человека) моими?

Ой, что мне делать с весами (взвешивающими все
добродетельное и негативное в жизни человека) моими.

С тем, что я похудел от раздумий,

Грехи и добрые дела будут взвешены,

Все тайное мое (что было скрыто; мной сделанное и
сохранявшееся в тайне) станет явным (будет видно).

Ой, что мне делать с временем моим

(тем, в котором живу)?

Ой, что мне делать с временем моим (тем, в котором живу).

С людьми зловредными.

Совершившими хитрые интриги, жульнические трюки

(нанесшими урон),

(Которые) и ушли без веры (не освященные светом имана —
веры в единого Аллаха).

Ой, что мне делать с временем моим (который так быстро
стремительно проходит)?

Ой, что мне делать с временем моим (который так быстро,
стремительно проходит).

С тем, что хочу пролететь над Сиратом

(перелететь через Сират).

Пусть будет райским Бураком тот мой конь,

Достигну ли (такой высокой) своей цели.

Ой, что мне делать с этой душой моей?

Ой, что мне делать с этой душой моей.

С тем, что предстану (все равно, рано или поздно окажусь)
перед Аллахом.

В черную могильную горку (могильный холмик)

превращусь(превратюсь)

(И что) будут Мункир, Накир (с меня) спрашивать.

Ой, что мне делать с Сиратом моим
(чем оказать содействие)
помочь (Сирату моему)?

Ой, что мне делать с Сиратом моим
(чем оказать содействие)
помочь (Сирату моему).

Как (поддержать) способствовать моим крыльям,
которые смогут над ним пролететь.

Много (долго) просил,— не смог найти
(ответа на этот вопрос).

Не смог достичь цели
(выйти на возможность претворения мечты).

Ой, что мне делать со смертью своей?

Ой, что мне делать со смертью своей.

С тем, что неожиданно придет.

Что тяжело, мучаясь, (отдам) расстанусь с душой (умру).

Что испытаю посмертные могильные страдания.

Ой, что мне делать с весами (регистраторами всего
добродетельного и негативного
в жизни человека) моими?

Ой, что мне делать с весами (регистраторами всего
добродетельного и негативного
в жизни человека) моими.

Люди все (их дела земные)
(то, что они представляют собой) будут
(на них, чутко все улавливающих) взвешены.

Кому (бесконечная) радость, кому плач
(горькие стенания, слезы) —

То, что заслужили, будут даны.

Ой, что мне делать с чужим трудом,
(не принадлежащим мне) добром?

Ой, что мне делать с чужим трудом,
(не принадлежащим мне) добром.

(Я попал и в такую переделку) на мою голову досталась
(выпала) такая напасть

Из-за капель — сока одного яблока

(Нам) предъявлен будет положенный счет (неотклонимое
требование вернуть долг).

Ой, что мне делать с весами (чутко фиксирующими все
добродетельное и негативное в жизни человека моими)?

Ой, что мне делать с весами (чутко фиксирующими все
добродетельное и негативное в жизни человека) моими.
За пять купил, за десять продал.

Не думая (не умея думать) ни о грехах,
ни о благодеяниях

Так во многом дал себя обмануть
(этому призрачному) миру.

Ой, что мне делать с временем моим
(отпущенным мне для жизни)?

Ой, что мне делать с временем моим
(отпущенным мне для жизни).

Пока не посадили на деревянного коня
(носилки, на которых несут в могилу),
(Давайте) будем служить Аллаху
(Весь период), когда живем.

От мира (земной жизни) (пользы) проку не видел.

От мира (земной жизни) (пользы) проку не видел.
Один Аллах мне друг (опора, поддержка, сотоварищ).
Собрался в далекий путь
Прости, мой Аллах, прегрешения (грехи).

Пока не сказано: он умер (сменил мир),

Пока не сказано: он умер (сменил мир),
И пока не слышно оповещающего (людей) об этом
благотворительного гласа,

Пробудимся (очнемся) к намазам.
Прости, мой Аллах, прегрешения (грехи)!

Слушайте, я вам скажу:

Слушайте, я вам скажу.
Страшное (самое) для находящегося на смертном одре
(как и у отдавшего душу (умершего)).

Сатана потребует, чтоб подать воду
(взамен небольшого количества воды)

Половину веры (твоей) (отказа от половины веры во
Всевышнего у того, кто жаждет пить, умирает от жажды).

Последнее дыхание (последний выдох) этой моей души.

Последнее дыхание (последний выдох) этой моей души.
С верой моей (как у правоверного) прими, мой Аллах!

Не доставляя (не применяя) страдания могильные,
(Помести) Пусти (букв. положи) в рай (осчастливь раем)
мой Аллах!

Расчесывая — расчесывая, волосы (побелели)
стали белыми.

Расчесывая — расчесывая, волосы (побелели)
стали белыми.

Считая — считая, (годы) век прошел.
Молодая сила моя (сила, что смолоду была мне дана;
была у меня) из рук ушла.
Неожиданно, смерть подкралась (подступила, подошла).

(Люди — ?) (Души — ?) в сто двадцать рядов встав,

(Люди — ?) (Души — ?) в сто двадцать рядов встав,
Повернутся на юг.
В этот день все делавшие намаз (приверженцы намаза)
Избраны будут в рай.

В Судный день (никаких) тайн нет,

В Судный день (никаких) тайн нет,
Кто сможет от него (Судного дня) убежать.
(Пророк) файгъамбар мой Мухаммат
По Корану будет производить суд (судить).

То, что (именуется) называется миром — одна загородка,

То, что (именуется) называется миром — одна загородка,
Горы (будут) насажены на кол
(Каждую гору будет держать вбитый в нее кол).

Когда пойдешь (придешь) на Махшар — увидишь,
Без всяких опор (в воздухе) установленные весы.

Если перетянет правая (сторона) чаша весов.

Если перетянет правая (сторона) чаша весов,
Пойду (обрету навсегда) в рай (уйду прямо в рай).
Если перетянет левая (сторона) чаша весов,
Ой, я несчастный (много горя повидавший) что же буду
(стану) делать?

Уже упоминалось, что в представлении карачаево-бал-
тарцев зикир традиционно ассоциировался со стихотвор-

ным произведением, то есть изначально и прочно утвердилась в национальном сознании его поэтическая форма. Такое восприятие сохраняется и ныне. Возможно это было связано с тем, что зикиры, как правило, не декламировались, а произносились нараспев, под свой особый (считающийся соответствующим религиозной ситуации, смыслу, уровню произведения), в абсолютно подавляющем большинстве случаев истинно задушевный (берущий за душу, проникающий в душу, эстетически совершенный) мотив.

Поэтому, думается, оправданно формулировать, что карачаево-балкарский стихотворный зикр — это бытующий в фольклоре и литературе поэтический жанр эпического, лиро-эпического и лирического характера, преимущественно ориентированный на утверждение религиозных идей, популяризацию и соблюдение мусульманских канон, раскрытие тем поклонения, следования идеалам веры. Ритмико-интонационная организация зикра обусловлена спецификой (задачей) исполнения — пение, речитатив. Отражающими же детерминированность, необходимость непреходящего значения для человека психологического настроения — осознания превалирования божьего начала во всех жизненных коллизиях — эстетически значимыми элементами, отмеченными оправданным и корректным в условиях сакральной семантики сокровенно-назидательным тоном и принадлежностью к особенному стилистическому пласту духовной лексики, — в целом формируется эмоционально-смысловой облик произведения.

Как никто другой воспел Исмаил Семенов в зикирах славу Всевышнему Аллаху и ниспосланной им религии, обозначив в своем поэтическом слове все важнейшие каноны ислама, его требований к человеческому духу, то есть с чисто мусульманской точки зрения отражая смысл жизни, реалии Вселенной, начало и конец или бесконечность их.

Зикиры дают ответы на многие вопросы, оставшиеся непонятными, непроясненными. Автор так высок в них, что и интерпретируя смысл бытия, говоря ли о вечном — душой и разумом освящаясь, как вроде общаясь с Всевышним напрямую — без напряжения изъясняется в масштабах вселенских, дает оценки всему и вся, объясняет действия файгхамбаров (пророков), учит землян праведной жизни, призывает к истинной вере в единого Аллаха, трактует суры Корана, основы мусульманства и т. д. — то

есть осознает доставшуюся на его долю уникальнейшую миссию — быть полномочным связующим звеном между Аллахом и мирозданием — как величайшее свое право поэта-созидателя.

Если в годы формирования личности и творческого «я» Исмаила Семенова, в культуре и литературе, фольклоре народа доминировала религиозная тематика, а жанры религиозно-дидактической (особенно) поэзии заняли главенствующее место в духовном самовыражении людей, то аналогичные сочинения Джырчы в наиболее продуктивный в этом плане 3-й период его творчества (1957—1981) все же свидетельствуют об относительности утверждения, что «для каждой литературной эпохи и направления более или менее типичны определенные жанры» [16.107.].

Зикиры, конечно же, не были типичны для литературы социалистического реализма, для советской эпохи, когда духовные произведения не только не поощрялись, но искоренялись.

Религиозные стихи, в этом смысле, были противоположением официальной литературе, как и, скажем так, светская поэзия Исмаила этого времени, целиком не вписывалась в каноны соцреализма, это была на самом деле поэзия высокая, свободная, не обремененная идеологией, — отражение души поэта, его исканий, его миропонимания.

Поэтому, творческий опыт Джырчы Исмаила уникален в карачаевской литературе. Он избрал жанр зикиров в самое тяжелое — и материально, и морально — время своей жизни, когда так же беспросветно, не видя исхода, жил в смысле отрешенности, отъединенности от веры в Аллаха, весь народ. С учетом, что зикиры, как в целом все духовные стихи, произведения столько же устно-поэтического звучания, сколько литературного, вполне ясно: никакой другой жанр (может, и религиозной поэзии) не мог соперничать с ними в плане эффективности, возможности прямого воздействия на слушателя, читателя. Тем более, что зикиры, как выше отмечалось, уже были сложившейся, оправдавшей себя, нашедшей понимание и отклик в народной среде, традицией.

Исмаил стал поэтом, доформившим карачаево-балкарское народное полурелигиозное, полупоэтическое, полупесенное стили и жанроподразумевающее творческое устремление — первичную, еще не совсем развившуюся, эстетически малопривлекательную субстанцию зикира на родном языке в высокохудожественное произведение; что, однако, не перечит тому, что он сохраняет верность рели-

гиозному началу, то есть это зикр в истинном, первоначальном его понимании — он «вспоминание Аллаха», «восхваление Аллаха», «поклонение абсолютное Аллаху» и т. д. Но, как оказалось и это не противоречит звучанию в нем общечеловеческих, социальных и личностных мотивов. В этих произведениях полно отражался мощнейший творческий дух автора, высочайшая художественность всего того, что он создавал, его великолепное мастерство, наложенное на божий дар не могли привести к иному результату, нежели как органичному слиянию в отшлифованных на национальной почве, воспринятых национальным духом зикирах предопределений божественного промысла и глубинных эстетических исканий прочно утвердившегося в вере в единого Аллаха карачаево-балкарского народа. Поэзия души — поэзия зикира, а в содержании — важнейшие нюансы жизни автора, ее смысла, и состояние общества, в котором он жил. То есть зикиры в Карачае и Балкарии были частью общекультурного процесса, повседневным, скорее обыденным явлением, когда их исполняли и дома, в часы досуга и сидя на завалинке в кругу почтенных старцев или друзей, и во время работы, даже такой будничной, рутинной, не располагающей, так сказать, к высокому состоянию духа, как, скажем, уход за домашним скотом, даже уборка за скотом... [17.]. Это свидетельствует о том, что восприняв в целом мусульманство как всеобщую, всеохватную, священную религию, тем не менее — карачаевцы и балкарцы сохраняли относительную свободу духа, которая позволяла им чисто религиозную суть песнопений — пришедшей с Аравии через Турцию, Азию и Дагестан новой веры ислам — веры во Всевышнего Аллаха, а следовательно необходимость всяческого служения ему — исполнять сообразно своему конкретному сиюминутному состоянию, а не следуя лишь канонам, строгим предписаниям захватившего их учения. Они стали мусульманами, но при этом не под «иго попав», а добровольно, сознательно проникаясь исламом, изучая его, просвещаясь им, освящаясь им.

Зикиры несли духовную красоту и при их исполнении в любых житейских обстоятельствах это свойство их играло немаловажную роль. Формула «Красота спасет мир» — реализовалась в пору внедрения ислама в Карачае и Балкарии абсолютно. И люди дорожили этой красотой — исполнением зикиров — и не расставались с ней в каждодневной жизни и быте.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кагиева Н. М. Дерс kitab. Къарачай-малкъар литератураны тарихинден. Черкесск, 1996.
2. Кагиева Н. М. Там же.
3. Гаджиева З. З. Аварская элегическая лирика. Автореф. дис. д-ра филол. наук. — Махачкала, 1999.
4. Там же.
5. Гаджиева З. З. Аварская элегическая лирика. (Национальные истоки. Генезис и онтогенез жанров. Поэтика). — Махачкала, 1999.
6. Гаджиева З. З. Там же.
7. Караева З. Художественный мир Исмаила Семенова. М., 1997.
8. Караева З. Там же.
9. Новиков Ю. А. К вопросу об эволюции духовных стихов. «Русский фольклор», XII, «Наука», Ленинград, 1971.
10. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
11. Там же.
12. Исследователи находят, что традиции толерантности, мирного сосуществования ислама как с былыми, так и иными религиозными представлениями народов, были заложены с самого появления мусульманства. Так, например, Назифа Кагиева в статье «Джырчы Микаиль Башту — представитель наших древних предков — черных болгар (835—900)» отмечает: «Святой Микаиль, среди болгар решительнее всех распространявший исламскую религию, не отказался от мифологических сюжетов предков-язычников, не вычеркивал, не изгонял их из обихода, хотя видел, что они не подходят, не соответствуют проповедуемому им вероучению. Фольклор помогал поэту изыскать оптимальные, правильные пути в его просветительской деятельности и был опорой в нахождении лучших, наиболее плодотворных способов популяризации знаний среди народа.
...Выполняя свою миссию, поэт стал проводником осознания всего тюркского литературного языка — «тюрки» как болгарского литературного языка, на основе арабской графики составил болгарский алфавит, создал болгарскую систему (сеть) обучения, инициировал открытие мусульманских школ». (Къагъыйланы Назифа. Кюренли джазыула («Коронованные судьбы»), Карачаевск, Изд-во КЧГПУ, 2001, с. 7. (Перевод с карачаевского языка мой — К.-М. Т.)
13. Толгуров Т. З. Информационно-эстетическое пространство поэзии Северного Кавказа. Нальчик, «Эльбрус», 1999.
14. Цит. по: Караева Зухра. Художественный мир Исмаила Семенова. М., 1997.
15. Караева З. Указ. кн.
16. Литературный энциклопедический словарь. М., «Советская энциклопедия», 1987.
17. О том, что существовала такая практика еще в начале XX века и это ни у кого не вызывало даже тени осуждения вспоминали, в частности, отдельные пожилые жители старинных карачаевских сел Хурук и Учкулан. Это подтвердил и выходец из Учкулана, ныне Народный поэт Карачаево-Черкесии Азрет Исмаилович Семенов.

Истоки религиозного творчества Исмаила Семенова

Зикиры в художественной системе Джырчы

Без определения значения, поэтического статуса как всех других произведений, так и являющихся неотъемлемой частью творческого наследия И. Семенова зикиров, сам их создатель, безусловно, воспринимаемый родным народом, как великий поэт, тем не менее кажется, особенно новым поколениям читателей, каким-то необъяснимым самородком, по воле случая в конце XIX—XX веке возникшим именно на карачаевской земле, но корни коего как бы оказались непрочны, некрепки и его могучий дар, тем более ставший объектом многолетних злостных интриг, травли, политического преследования, как шапка-невидимка — вроде бы и есть в национальной культуре, и вроде его нет, и будто бы теперь, по прошествии времени, не очень востребован.

Поэтому, конечно, и верность эстетической оценки напрямую зависит не только от гносеологически точного исследовательского прочтения существа его творений, но также от неискаженного, адекватного восприятия многострадального, к сожалению, облика поэта, прототипа «я» сотворенного» (М. М. Пришвин) [1.185.], чей личностный отпечаток — неизбежный характерологический аспект всех его художественных усилий.

Обратимся ещё раз к доступной информации, пытаюсь как можно больше прояснить, каковыми же на самом деле были «социально-психологические предпосылки и биографические условия творческой работы» [2.436.], из каких корней на протяжении долгой жизни подпитывалось самосознание автора-зикириста, что хоть в какой-то мере повлияло на развитие художественного вкуса, стимулировало, определяло творческие процессы.

Точное время рождения И. Семенова не установлено. В прижизненных документах указаны разные даты — 1874, 1876, 1878, 1886, 1894, 1896 гг., которые опровергаются очень многими, лично знавшими поэта, людьми [3.].

Неоспоримо одно: это последняя треть XIX века — время укоренения, широкого, интенсивного освоения основ мусульманства в Карачае. Когда в обществе сложилась исключительно благоприятная атмосфера, стимулировавшая небывалый энтузиазм в постижении вероучения, искреннее поклонение Аллаху, обусловленная вероятно, прежде всего тем, «что основной постулат Ислама — единобожие — органично вписывался в прежние теистические представления, где доминирующей была единственность Тейри» [4.4.]; как и тем, что мусульманство проникло в Карачай и Балкарию не «мечом и железом» [5.11.] прокладывая себе дорогу, а естественно, без какого-либо насилия, завоевывая души новых уверовавших.

Здесь, несомненно, прежде всего надо подчеркнуть, что на формирование характера и творческого потенциала Исмаила Семенова, наряду с ситуацией в обществе и другими факторами, неизгладимое впечатление, влияние оказывали образ жизни, мировосприятие и мировоззрение окружающих его близких людей, родственников.

Так в патрионимии Семеновых, как и в целом в Карачае, свежи были и пользовались успехом воспоминания (рассказы) о прадеде Исмаила, знаменитом поэте-самородке конца XVIII — начала XIX века Къалтуре, чьё неординарное творчество в целом оказало большое влияние на все дальнейшее развитие национальной культуры [6.].

Нет сомнения, что Къалтур от природы был наделен совершенно гениальным даром, позволившим ему проявить себя как великолепному поэту, музыканту, певцу, сатирику, общественному деятелю, силачу, охотнику и т. п. Кстати сказать, в его произведениях естественно соседствуют, хотя и немного, такие, языческой и мусульманской терминологии, слова, как «ураза», «Апсаты» и т. п.

Образ и творческое наследие прадеда, безусловно, отразились на личности и художественном вкусе Джырчы Исмаила. Интересно заметить, что у Къалтура, также как у шейха Абдуллаха, встречаем сразу высоко поднявшие художественную планку карачаевской поэзии, полнословные, или близкие к ним, рифмы. Вот, например, одно из его, иллюстрирующих сказанное, стихотворений:

ХАММЕСЕЙ

Къызланы ариуу, ариу Хаммесей!
Сен манга чарлай, мен сени кюсей.
Чарлагъан шкок тюз урад — дейле.
Ариу Хаммесей — суу сурат дейле.

Припеви:

Чегетде битген чегет раса о-о-о-!
Чегетге кириб неге тураса хо-о-о!
Чегетде турсанг, тюрлю болурса о-о-о
Кюнлюге келсенг, кюнлю болурса хо-о-о
Мен айтырыкъны кесинг билесе о-о-о!
Кюнлюм игиди, чегетден эсе о-о-о!

Аслам мычыды, къалай этейим.
Бу къачхы кюнюм батмайын дей мен.
Барлыкъ туююлме, къайтыб юйюме
Хаммесей, сени табмайын дей мен.

Бу Тытытлада къадау таш дей мен
Тентиремейди — тебмейди дей мен
Ой мени джаным сау болуб дей мен
Хаммесей бизден кетмейди дейме.

Къызланы ариуу, ариу Хаммесей!
Танг атдырайкъ биз тепсей-тепсей.
Къобуз сынганды къалай этейик?
Кел, экибиз да бизге кетейик.

Къалтурда барды мыйыкъла
Алтын окъаны бургъанлай.
Къалтур къызланы къалай тилейди,
Къатын алыкъ джашы тургъанлай.

— Къартла! Махтау

Терюгюзге!

Джукъ келмесин келюгюзге.

Юйде болуб

Атагъанем

Муну сизге.

Такое знание и виртуозное использование языка, неповторимый, глубокий, удивительный творческий дар, поэтические гены, видимо, и перешли к Исмаилу. Отметим,

что сегодня уже можно говорить о факте существования — пока первой и единственной — карачаевской династии народных поэтов: Къалтур — основоположник — Джырчы Исмаил — Азрет — ныне восприемник — Ракай!

Из четырех сыновей Къалтура три совершили хадж (паломничество) в Мекку — Умар хаджи — дед Исмаила, Осман хаджи, Окъуб хаджи. У Умара хаджи тоже было четыре сына — все они, в свою очередь, совершили хадж: Шогъаиб хаджи, Джюсуб хаджи, Хусеин хаджи, Унух хаджи. Хадж (паломничество) совершали и другие Семеновы, ближайшие родственники линии Къалтура. Кому не удавалось посетить Мекку, обычно ждали такой возможности, работали эфенди, т. е. предпочтительно избирали для своей жизнедеятельности религиозную стезю. Что красноречиво свидетельствует об истинности веры в этом роде, традиционном стремлении служить Всевышнему. Кстати, у Караевой З. читаем: «Упоминания о Семеновых (в поэме «Акътамакъ» — К.-М. Т.) звучат не иначе как в сочетании «Шам Семенлары» — «Святые Семеновы», здесь в значении религиозные, преданные вере. Но это обозначение несет в себе и родовое предание этой фамилии, известное в народе и отражающее определенные исторические факты, связанные с принятием ислама в Карачае: «Шейх Абдуллах, собрав своих учеников и последователей из трех горных ущелий Карачая через пять лет срока, глядя с горы Котура на землю Семеновых, сказал: «Вот в этой земле три горсти святой земли есть. В этом роду никогда не угаснет вера». Эти слова и легли в основу обозначения рода, как «Святых Семеновых».

Прослеживается и традиционное для Семенова наложение двух типов мировидения, обусловленных двумя ценностными системами — мифологической и мусульманской. Если последнее опирается на заповеди ислама и ставит ценность рода в зависимость от его преданности мусульманской вере, то первое связано с архаическими мифологизированными представлениями о происхождении рода от одного из легендарных предков — Трама, и тогда его характеристика звучит как «Трам Семенлары» — «Трамовские Семеновы». Эти две составляющих родовой характеристики не противопоставляются, а объединяются автором в единой позитивной сфере, логически соединяющей, связывающей различные исторические периоды в жизни народа. Причем в корне, в истоке представлений самого автора они смыкаются в их сути: «Шам», как свя-

ценное с мусульманской точки зрения, и «Трам», как образ первопродка, относящейся в мифологии к области первопричин, первоначальному времени, т. е. также к сакральной, священной сфере» [7.69.].

«Отец Исмаила, хаджи Семенов Унух, религиозный деятель, обладал большими знаниями в арабистике, — пишет А. Семенов. — ...Считали, что у него есть провидческий дар, называли святым. Он совершил семь паломничеств в Мекку, притом все пешком, и умер в 42 года во время последнего в Каабе. Где и похоронен, рядом с могилой своего отца, который тоже скончался во время хаджа.

...Мать Исмаила, Биджиева Джулдузхан, также была одаренной женщиной, умела и любую работу выполнить, а когда начинала говорить, то, зачастую, стихами. Безусловно, на формирование Исмаила как поэта, огромное влияние оказало то, что его мать была именно такой матерью — талантливой, красноречивой» [8.89.]. (Перевод с карачаевского языка К.-М. Т.)

Исмаил и посвятил своим родителям много замечательных поэтических строк, отражающих не сопоставимую ни с чем глубину, силу, беззаветность отцовской, материнской, сыновней любви. К примеру, подлинным шедевром, пожалуй, не имеющим аналогов в мировой поэзии, является его небольшая лиро-эпическая поэма «Мать», на которую Джырчы создал три мотива и произведение исполняется и как зикир, и как песня, и как плач.

АНАМ

Ата деген Минги Таугъа мингенлей,
Ана деген дарий, дамха кийгенлей,
Кюнюм батды жарлы анам елгенлей,
Джулдуз атлы, балдан татлы, ой анам!

Билмегенлей кёчюрюрге бардыла,
Сормагъанлай машинагъа саддыла,
Эки джашынг эки джерде къалдыла
Джулдуз атлы, балдан татлы, ой анам!

Кимле чачдыла Семенлада къалангы,
Кимге айтайым джюрегимде джарамы,
Къайда къойдум акъ сют берген анамы?
Джулдуз атлы, балдан татлы, ой анам!

Ой Къарачай къуш тюгюнлей чачылды,
Бар палахны башы бери ачылды,
Джарлы миллет Азиягъа атылды...
Джулдуз атлы, балдан татлы, ой анам!

Ата деген ашхы ишге талпытхан,
Ана деген кёкню, джерни танытхан...
Ёлюм деген хар джюрекни ачитхан...
Джулдуз атлы, балдан татлы, ой анам!

Ата деген ёмюр юйню ачхычы,
Ана деген джашауунгу басхычы,
Ёлюм деген джашагъанны ачысы
Джулдуз атлы, балдан татлы, ой анам!

Ата деген накъут — налмаз къалады,
Ана деген джанынга джан салады,
Ол джашауну бир насыблы табады,
Джулдуз атлы, балдан татлы, ой анам!

Сенсиз дуниям ёксюз къалгъан болумда*
Он баланы тогъузусу къолунгда,
Мен да барма бир мусафир джолунда
Джулдуз атлы, балдан татлы, ой анам!

Атам десем толгъан айлай танытад,
Анам десем джарыкъ кюнлей джарытад,
Назмуларынг джюрекдени джылатад,
Джулдуз атлы, балдан татлы, ой анам!

Ёге деген аз суйюлген бош кирик,
Ёксюз деген къанаты сыннган къуш кирик,
Сенсиз джашау бастырыкъланнган тюш кирик
Джулдуз атлы, балдан татлы, ой анам!

Подстрочный перевод:

Имя «отец» — как восхождение на Эльбрус
(как подвиг покорения Эльбруса),

Имя (звание) «мать» — как облачение
(окутывание себя) в нежнейшие шелка и дамха**,

* Этих, последних трех строф, и некоторых других, в опубликованных до сих пор текстах произведения нет. Возможно, их автор создал специально для варианта зикира, который и начинается с другого четверостишия, и последовательность иная.

** Дамха — вид материи.

Солнце мое погасло (закатилось) как умерла моя мать
Звездой нареченная, слаще меда, ой моя мама!

Неожиданно (никто не ведал) пришли переселять,
Без спроса (ни у кого не спрашиваясь) погрузили в машину,
Два твоих сына остались в разных местах
Звездой нареченная, слаще меда, ой, моя мама!

Кто разрушил (кто они такие, разрушившие)
твой дом (дворец) в квартале Семеновых
Кому сказать мне об израненном моем сердце,
Где оставил я молоком белым меня вскормившую мать?
Звездой нареченная, слаще меда, ой, моя мама!

Ой, Карачай порушен, разнесен в пух и прах
(как перья орла, разорван и разбросан),
Все беды хлынули на него (он стал открытым
(доступным) для всех несчастий),
Бедный народ кинут (брошен) в Азию...
Звездой нареченная, слаще меда, ой моя мама!

Кто — отец (кто является отцом) — вдохновляет
на добрые дела,
(Кто) мать — дает знать и небо, и землю
(она — главный, кто знакомит с небом и землей),
Смерть — то, что приносит боль в каждое сердце...
Звездой нареченная, слаще меда, ой, моя мама!

Кто отец — он ключ от вечного дома (вечности),
Кто мать — она (поддержка) лестница
(для восхождения в) твоей жизни,
То, что есть смерть (что представляет собой смерть) —
горе каждого живущего
Звездой нареченная, слаще меда, ой, моя мама!

Отец — из драгоценностей (бриллиантов, жемчуга) дворец,
Мать твою душу оживляет (добавляет, окрыляет) еще душой
Такую жизнь находит (живет такой жизнью, сподобляется)
тот, кто счастливый(счастливец)
Звездой нареченная, слаще меда, ой, моя мама!

Мой мир без тебя — положение оставшегося сиротой,
Из десяти детей девятеро на руках,
Я тоже нахожусь на пути мусафира (странника)
(паломника в Мекку и Медину),
Звездой нареченная, слаще меда, ой, моя мама!

Как скажу отец — (он) видится мне как полный
(ясный) месяц,
Скажу мать — (как свет солнца), как сверкающее солнце
все освещает,
От созданных тобой (стихотворений, образцов стихов)
поэтических строф плачут сердца
Звездой нареченная, слаще меда, ой, моя мама!

Неродной — что мало видевший любви
(не росший в любви) беспризорник,
Сирота — что орел со сломанным крылом,
Жизнь без тебя словно кошмарный (тяжелый) сон
Звездой нареченная, слаще меда, ой, моя мама!*

Здесь, в этом произведении, несомненно, воплощено многое из того, что представляет карачаево-балкарскую интерпретацию зикира, хотя сразу следует оговорить, что не столько содержание, сколько дух, как бы не видимая, не вдруг читаемая, но подразумеваемая, осязаемая, ощущаемая на уровне действительного, готовая в любой миг всецело раскрыться, глубинная внутренняя «запрограммированность» — художественно-эстетический подтекст неумной силы, экспрессии — объединяет ее с образцами исследуемого жанра духовной литературы в его классическом, устоявшемся смысле.

Поэт возвращался к образу своих родителей, — зачистую, вообще к взаимоотношениям — взаимосвязи, взаимодолгу, взаимобязанностям отцов и детей, — на протяжении всей жизни, каждый раз всколыхивавшая всю его душу, вбиравшая и отражавшая самые глубокие, сокровенные чувства эта тема стала одной из главенствующих в его творчестве, широко использовалась и в зикирической поэзии.

* Подстрочные переводы, конечно, лишь попытка приблизиться к смыслу оригинала, при котором теряется потенция и пафос живой плоти произведения, то есть исчезает то, что делает его художественным творением, способным оказать эстетическое воздействие. Поэтому, думается, оправдано иллюстрировать, приводить, и как можно больше, поэтические тексты, пусть даже лишь для оценки, восприятия их формы и перводанного звучания. Особенно, сочинений до сих пор не печатавшихся. Вся поэма «Анам» состоит из 28 четверостиший — это то, что на сегодня известно.

У дерева дууба в раю корни из золота,
Сперва начну, скажу о матерях.
Сделаем, чтобы мать была довольна,
Да достигнем того, чего она в своей молитве
попросила,
Прогнав сатану,
Не пропуская (регулярно) будем делать намаз.

Кто правильно делает намаз
Пройдет через мост Сират,
У того же, чья мать осталась недовольной
В Судный день отнимется язык (не сможет ничего
сказать в свое оправдание).

Уважающий (почитающий) свою мать
Будет восседать (попадет в рай Адилин) в раю
Адилин
Кто грубо (неучтиво) говорит со своим отцом
Заполнит ад.

*Подстрочный перевод из зикира
«Он джылда Къуран башлагдым».
(«В 10 лет начал (я) читать Коран»).*

«И да начала учебы в медресе, — свидетельствует Азрет Семенов, — Исмаил уже знал наизусть очень много зикиров (на арабском, и на аджаме). Его дяди по отцу: Шогъаиб хаджи, Джюсюб хаджи, Хусейн хаджи, сажали мальчика рядом, радуясь чистому произношению, подолгу слушали в его исполнении зикиры и маулуты. Несомненно, значение запавших в те годы в душу Исмаила зикиров трудно переоценить в его становлении как поэта и умения сочинять музыку к своим произведениям [9.10.]». (Перевод с карачаевского языка — К.-М. Т.).

Это наблюдение Азрета Семенова как нельзя лучше иллюстрирует то, что «поэтика и традиция в фольклоре по-особому слиты и нерасторжимы, ибо поэтика в нем традиционно преемственна и наследуема, а традиция — поэтически материализуема» [10.3.].

«Забываясь о воспитании и образовании Исмаила в духе религиозности и благочестия, отец определяет его в школу при аульной мечети, к самому компетентному и знаю-

щему эфенди — Назали хаджи, — пишет З. Караева. — Исмаил легко и быстро усвоил арабское письмо, чтение Корана. Затем будущий поэт продолжил образование в Гунделене (Балкария) у балкарского эфенди. Имеются сведения о том, что И. Семенов уже в более зрелом возрасте обучался в Дагестанском духовном училище (медресе) [11. 15.]. (Свидетельство об успешном окончании которого хранится в семье поэта — К.-М. Т.) Последнему — самой возможности продолжить учебу, а в широком смысле вообще учебе — именно религиозной, истинной, Джырчы Исмаил посвятил один из своих высокопоэтических зикиров «Мен окъургъа тебрегенме» («Я учиться собрался»):

Илму деген, нюр кереме,
Джюреклены джарытхан:
Джаннетледе джатха эди
Манга къара танытхан.

.....
Мен окъургъа тебрегенме,
Сен саулукъ бер саныма.
Инша Аллах, Дагъыстанда,
Джакъ болурса джаныма...

.....
Мен окъургъа тебрегенме,
Оюм алыб алимледен.
Ол тизгиннге къошулурча,
Бир болушлукъ эт, Аллах, сен.

.....
Гъилму деген бир къаухарды.
Къайры барсанг, негер болгъан.
Саулугъунгда сакълаб тургъан,
Сен ёлсенг да, ёлмей къалгъан.

.....
Гъилму деген бир джаухарды
Джанкъылышча джанады.
Адамланы насыблысы
Окъуб, билим алады.

.....
Гъилму деген, алтын терек,
Бутаклары кюмюшден;
Къуран деген багъалыды
Дунялыкъда хар ишден.

.....
Джашлыгъымда ёксюз болуб,
Джарты джолда къалгъанма,

Къартлыгъымда дертли болуб,
Окъур акъыл алгъанма*.

Подстрочный перевод:

То, что называется наукой — оказывается свет
лучезарный (озарение, сияние),
Освещающий (просветляющий) сердца:
Да окажется (окажутся) в раю (пусть Всевышний даст рай)
Тому (тем), кто обучил меня грамоте
(помог мне обрести начальные знания).

Я учиться собрался,
Дай, Всевышний, здоровья моему организму.
Великий Аллах, в Дагестане
Защитишь мою душу...

Я учиться собрался,
Урок (этот извлек) (мысль эту, идею) взяв у ученых
Чтоб (и я) оказался в ряду их (чтоб тоже стал ученым)
Помоги, пожалуйста, Аллах, ты сам.

То, что называется наукой — нетленное достояние
Куда ни пойдешь — всегда с тобой (тебе друг, опора).
Когда живешь (при твоей жизни ждущий, что ты
скажешь),
Готовый сделать то, что тебе нужно (оберегающий),
Если ты и умрешь, остающийся бессмертным
(следом в этой жизни).

То, что называется наукой — (это такая драгоценность)
драгоценный камень
Как радуга, сияющий.
Только самые счастливые из людей
Учатся (имеют возможность учиться), получают знания.

То, что называется наукой — (это) золотое дерево,
Ветки (его) из серебра;
Коран (наш, ниспосланный нам) дороже
Всех дел в этом мире.

В молодые годы из-за сиротства (так как был сиротой)
Остался на подороге (не закончил свой путь в учебе).

* Полный текст зикра «Мен окъургъа тебрегенме» составляет 47 строф.

В старости, решив наверстать упущенное (настроился на учебу (собрался продолжить образование)).

«Как бы то ни было, Исмаил получил достаточно серьезное для своего времени образование в системе арабоязычной, религиозной грамотности. Он изучил основы шариата, хадисы (жития мусульманских святых и пророков), тафсир (толкования Корана), историю ислама и параллельно прошел начальные курсы географии и астрономии, познакомился с арабской и шире восточной поэзией. Знал наизусть поэму «Лейла и Меджнун».

С детства поэт был приобщен отцом ко всем мусульманским службам и обрядам, очень рано стал создавать зикиры» [12.15].

Росший в таких условиях в Большом Карачае, впитавший все ценное, что сберегла в себе народная мораль, как родительское наследие, благословение обретший безграничную любовь к родной земле, Исмаил с детства, по сути, природе своей был готов к подлинному творческому труду и судьба ему в добрый час такую возможность предоставила. Глубокий, необыкновенный поэтический дар вынес его на дорогу одухотворения, возвеличения, облагораживания мира. В его творчестве ярко, наглядно, полно отразилось то, что он органично вбирал все самое лучшее, что было у народа и соседних народов. Подтверждением чего служит прекрасное знание поэтом их жизни и быта, иных территорий Кавказа, вплоть до мельчайших и самых характерных черт, замечательно продемонстрированное им в поэме «Акъятамакъ». Эти же связи, надо думать, давали ему по возможности ближе ознакомиться с религиозными представлениями, обрядами, музыкально-поэтическими и духовными произведениями многих народов, обогащали его знания о мусульманском мире, его культуре, литературе, искусстве.

Хотя нет прямых свидетельств о времени создания первых зикиров Исмаила Семенова, пожалуй, будет правильно отнести эти опыты к детским годам, времени бурного, большого интереса его и его окружающей среды к изучению, знанию религиозной литературы и культуры.

На это указывает и З. Караева: «...первые (стихотворные — К.-М. Т.) опыты были связаны с религиозной те-

матикой (зикиры) и сразу же широко распространились в народе... К 1920 году И. Семенов уже мог считаться сложившимся поэтом, как автор широко известных религиозных стихов (зикиров), поэмы «Акътамакъ» и программного стихотворения «Минги Тау». Но большая часть дореволюционного творчества И. Семенова остается неизвестной, так как, по свидетельству современников, была уничтожена во время фашистской оккупации» [13.15—16.].

Джырчы во многих зикирах говорит о своем первом, в 5 лет, в 10 лет и далее, обращении к Корану, духовным произведениям.

Сабий болуб къолгъа Къуран алгъанем.
Сыйлы Аллахны межгитине баргъанем.
Мен таныдым биссмилляхны, алифни,
Дагъыда джыйырма сегиз харифни.

Подстрочный перевод:

Совсем юным (ребенком) я взял в руки Коран,
Стал ходить в священную мечеть Аллаха,
Узнал я биссмиллах, алиф,
И еще двадцать восемь букв.

*Из зикра «Къуранны назмусу».
(«Стихотворение Корана»).*

Он джылда Къуран башладым,
Джыйырма джылда ташладым,
Джыйырма сегиз джылымда
Аны эркелете башладым.

Къуран нюрюне тубедим:
«Кетме менден!»,— деб тиледим
Къайтыб устаздан юрендим
Сен гъафуу айла алиф лам мим.

Подстрочный перевод:

В десять лет начал читать (изучать) Коран,
В двадцать лет оставил,
В двадцать восемь лет
Стал им дорожить (славить).

С сиянием (обаянием) Корана встретился,
«Не уходи от меня!»,— его попросил,
Заново (возвратившись) у Устаза (учителя) получил
знания (религиозные)
Сен гъафуу айла алиф лам мим.

Из зикира «Он джылда Къуран башлагдым».
(«В десять лет начал читать (изучать) Коран»).

Или:

Беш джылымда дуниядан
Алай хапар билмедим.
Онекинчи джылымда,
Намаз, ораза юрендим.

Подстрочный перевод:

В пять лет (моих) (когда мне исполнилось пять лет) о мире
Не знал особо много (не имел большого представления).
На двенадцатом году (своей жизни)
Научился намазу, уразе (стал делать намаз, держать уразу).

Из зикра «Стихотворение о таинстве намаза».
(«Намаз тахны назмусу».)

Еще:

Онбеш джылгъа келгенме,
Къуран къираат билгенме,
Талай устаз кѳргенме
Джюз-минг шукур санга, Аллах.

Подстрочный перевод:

К пятнадцати годам я подошел
(мне исполнилось пятнадцать лет),
Корана къираат (суть, свет) я узнал (понял),
Несколько учителей видел (у нескольких учителей
получил знания)
Сто-тысячи возблагодарений тебе, Аллах!
(Бесконечное число возблагодарений Аллаху!)

Из зикра «Мои года».

Пытаться провести четкую периодизацию этапов со-
здания зикиров вряд ли и целесообразно, так как по сви-
детельствам близко знавших поэта людей, сочинять их он

не переставал никогда. Духовные произведения занимали в его жизни особое место всегда, хотя естественно говорить о проблемах мастерства, большей или меньшей интенсивности процесса творчества. Например, очевидно, что в зените славы, в пору «работы с властью» или, наоборот, работы власти с ним, его отвлекали происходившие в стране события, что демонстрируют знаменитые песни «Джашасын бизни партия» («Да здравствует наша партия!»), «Къзыл Аскер» («Красная Армия»), «Чалкъы-чыкъ» («Ко-са») и т. д.

Примечательно, что в зикирах об этих глобальных общественных катаклизмах, переменах нет ни строчки, и это, видимо, говорит само за себя, как фигура умолчания о негативе, теме, негодоме, не могущем быть (помещенным) отраженным в произведениях, посвященных Всевышнему.

Хотя в остальном жизнь Исмаила Семенова довольно подробно отражена в его зикирах. Пожалуй, так, как говорил о себе С. А. Есенин: «А в остальном моя жизнь — в моих стихах».

На сегодняшний день, стараниями сына и дочери поэта — Азрета и Зубайды, собраны (восстановлены) тексты 76 зикиров. В составленную ими рукопись включены также 3 религиозных сочинения дагестанского и арабского происхождения («Исму агъзам», «Джассы намаз къыльганнга», «Шейх Абдуллах»), на которые Джырчы создал музыку. В целом, подготовленные к изданию отдельной книгой духовные стихи Исмаила занимают 280 машинописных страниц.

По эмоционально-смысловым характеристикам, художественным особенностям эти зикиры естественно распределить на следующие группы.

1. Целиком проистекающие из канонов религиозных, воспроизводящие, утверждающие, прославляющие их:

1. Аллаху тагъала («Господь») (но в конце о перипетиях жизни).

2. Аллахха махтаула («Восхваления Всевышнему Аллаху»).

3. Сенсе къудурет иеси («Ты источник силы»).

4. Дин сафары («На дороге религии») (Религиозный путь»).

5. Ля иляха илляллах («Нет бога кроме Аллаха»).

6. Аты улуу гъаффар Аллах («Всевышний всепрощающий Аллах»).

7. Файгъамбарны назмусу («Стихотворение, посвященное пророку»).
8. Ислам динни джаяргъа («Распространять ислам»).
9. Муслиманла, туругъуз! («Вставайте, правоверные!»).
10. Къыяматда («В день светопреставления»).
11. Барыред джаным джандетге («Очутилась бы душа моя в раю»).
12. Агъач атыма миннген кюн («В день, когда пойду в последний путь»).
13. Сыйлы джума кюнюнде («В благодный пятничный день»).
14. Шабихука
15. Абидезинг урланыр «Очищение предмолитвенное, (перед намазом) твое пропадет (уворуют).
16. Рахмат эшикге барайым («К входу (дверям), где милость Аллаха, чтоб смог прийти (чтоб пришел»).
17. Муслиманла, джыйылыгъыз! («Мусульмане, соби-райтесь»).
18. Джандет бачханы назмусу («Стихотворение о райских куцах»).
19. Абрахатны аскери («Армия Абрахата»).
20. Гъашура кюн болгъан алим. («Ученый, присутствовавший в день Гъашуры»).

II. Зикиры, передающие переживания автора, отражающие личный мир и события жизни, то есть имеющие лирическую основу — религиозная лирика:

1. Къуранны назмусу («Стихотворение о Коране»).
2. Кетиб барама дуниядан («Ухожу» (нахожусь на пути) в процессе ухода из этого мира (теряю этот мир»).
3. Сал, Аллахым, сыйлы болгъан Кябагъа («Благослови, мой Аллах, (положить) в священную (обретшую достоинство, святость) Каабу»).
4. Джаша, диним («Живи, моя религия»).
5. Дуния деген («То, что называется (именуется) миром»).
6. Анам («Матери»).
7. Он джылда Къуран башладым (« В десять лет начал читать (изучать) Коран»).
8. Джылларым («Мои года»).
9. Тоба да эт, намаз да эт («Покайся, делай намаз»).
10. Мен окъургъа тебрегенме («Я собрался учиться (продолжить образование»)(Здесь о детях своих тоже говорит).

11. Исмагъил бину аль хадж.
12. Намаз тахны назмусу («Стихотворение о таинстве намаза»).
13. Адам тюрсюню шайтанла («Черти в человеческом обличе»).
14. Аллахны махтаулары («Добродетели Аллаха»).
15. Мубарек Шамиль апенди («Благочестивый Шамиль эфенди»).
16. Джан бергенни къаугъасы («Муки находящегося на смертном одре»).

III. Созданные на арабском языке — «Исму агъзам». Этот зикр завершен прозаическим текстом и молитвой на арабском языке.

IV. Лиро-эпические произведения, в которых органично переплелись религиозные и личностные мотивы.

1. Тилек зикир («Просьба — молитва»).
2. Аурусам улуу Аллахым («Когда заболею, Всевышний Аллах»).
3. Аллах деб зикир этейик («С именем Аллаха будем произносить зикр»).
4. Ислам динни минарасы («Минарет исламской религии»).
5. Къаламуллах къадимди.
6. Кёргюз, Аллах, Мухамматны къабырын («Укажи, о Аллах, могилу Мухаммада»).
7. Гъарш курс къалам.
8. Тилек («Просьба»).
9. Къыямат кюн (« Судный день»).
10. Рамазан ай («Месяц Рамадан»).
11. Намазынг бла оразанг («Намаз твой и ораза»).
12. Алимлени назмусу («Стихотворение об ученых»).
13. Джюз минг шукур («Сто тысяч возблагодарений»).
14. Алхамдуллах, алхамдуллах («Слава Аллаху, слава Аллаху!»).
15. Ашаб бошагъандан сора Аллаху тагъалагъа махтау-шукур эт («После того, как поешь, произнеси возблагодарения Аллаху»).

V. Высокопоэтично, на карачаевском языке, толкующие религиозные установления:

1. Мен шагъатлыкъ этеме («Я свидетельствую»).

2. Кёкде кыбыла («Юг на небе»).
3. Эки адам болджал этселе («Если два человека задумали благое»).
4. Ислам диним келгенди («Моя исламская религия пришла»).
5. Беш намаз («Пять намазов»).
6. Джетегейли джети джудуз («Большая Медведица — семь звезд»).
7. Намазла («Намазы»).
8. Беш уахты нюр намаз («Пятикратный лучистый намаз»).
9. Эртден намаз келеди («Приходит утренний намаз»).
10. Къалай табарма джаннетни («Как я найду (обрету) рай»).
11. Алхамдулиллах ал гъазим («Слава Аллаху»).
12. Уитир намаз назмусу («Стихотворение уитир намаза»).
13. Джаннетлени сатыб алыр («Обретет рай, как вознаграждение»).
14. Акъ къуш келиб («Прибудет белый орел»).
15. Межгитни назмусу («Стихотворение мечети (посвященное). (Автор упоминает о Карачае и т. п.)»).
16. Хызыр Ильяс туберле.
17. Джолоучуну назмусу («Стихотворение странника»).
18. Бисмиллах деб башламасам («Если не начну с бисмиллях»), (Здесь тоже много личного!)
19. Файгъамбарны кёкге чыкъгъаны («Вознесение файгъамбара на небо»).
20. Я ауалу я Аллаху.

VI. Стихи, которые уместно посчитать собственно лирикой, чистой лирикой.

1. Ёлюм деген алайды («Смерть — она такая»).

VII. Варианты произведений:

1. Къабыл эт, Аллах, тилегими («Удовлетвори, Аллах мою просьбу») — это вариант «Тилек дуа» и «Тилек зикир».
2. Кетиб барама дуниядан («Ухожу из этого мира (тебяю этот мир») — два варианта.
3. Аллах деб зикир этейик («С именем Аллаха будем произносить зикир») — два варианта.

Безусловно, зикиры Исмаила Семенова, как отмечалось, в силу обстоятельств, зачастую разбитые и «рассе-

лившиеся»* (фрагментарно) во многие тексты произведений религиозного характера, и безымянные, и других авторов, невзирая на крайне неблагоприятные, тяжелые условия бытования, оказали мощное влияние на эволюцию этого жанра в карачаево-балкарской культурной среде, двинули ее вперед, развили.

Необходимо заметить, что нельзя согласиться с проходящей в некоторых литературоведческих работах мыслью, будто обращение Джырчы к религии стало результатом лишь долговременных физических и моральных страданий, итогом поиска выхода из безысходных трагических положений, тяжелейшего натиска бытия.

«Почти параллельно с деятельностью К. Мечиева протекало творчество выдающегося карачаевского поэта И. Семенова, чье имя в народе стало символом таланта и художественного мастерства. К сожалению, он стал одним из тех, кто испытал на себе последствия культурологического нигилизма застойных времен. Творения мастера имели и имеют феноменальный успех в среде народа, и становятся популярнейшими песни. Балкарцы и карачаевцы называли его «Джырчы Исмаил» (Певец Исмаил), вкладывая в это сочетание слов всенародное признание его таланта, которое по своей значимости выше и важнее всех официальных наград. Песни Семенова, зазвучавшие совершенно «перпендикулярно» общему хору прославления дел партии, все чаще регистрируют приметы разрушения основ бытия. Поэт не устает повторять о том, что общество встало на гибельный путь, — справедливо пишет один из современных исследователей, но далее делает абсолютно неверный, несправедливый вывод. — В этих условиях нравственной неопределенности духовным прибежищем и медиатором, способным хоть как-то истолковать происшедшее, для И. Семенова стала теоретическая система ислама. В гипертрагической ситуации и поэт, и стоящий за ним народ метались в настойчивом поиске нравственно оправданного духовного выхода, пока логика веры не рас-

* Например, в хрестоматию «Карачаево-балкарский фольклор» (Нальчик, 1996) помещены где целиком (но то ли в искаженном или вариантном виде, — видимо, так, как, передаваемые изустно, сохранились в памяти сказителей), где фрагментарно, где скомпонованные, собранные из осколков разных произведений под единым названием, такие зикиры Исмаила Семенова: «Аулията», «Аллах деб зикир этейик», «Рамазан айым келеди», «Он джыда Къуран башладым», «Джассы намаз къылыгъанны», «Беш намаз» и др.

ставила все по местам. «Смирение» и «терпение» становятся главными категориями, определяющими идеальный вариант поведенческого типа страдальца» [14.9—10.].

В итоге автор низвел поэзию протеста Исмаила до поэзии «смирения» и «терпения»; не поняв (может не читал, не знает всех произведений его о депортации тоже) пафос творчества Джырчы.

Не только против насилия власти, произвола диктаторов, деяния которых он называл «шашхынлы молланы ишиди» — «это — деяние сумасшедшего муллы», «Къарамыйкъ Къарачайны къанын иче» — «Черноусый Карачая кровь выпивая...» и т. п., что, если и попытаться уместить в схему, то только следующую — выдержать, выстоять, возродиться, победить, но даже против любого, даже пусть кажущегося незначительным, проявления несправедливости, а в целом, всего отрицательного, могущего хоть в малейшей степени негативно отразиться на жизни людей, протестует поэт в своей поэзии — например, в зикирах.

Адам тюрсюню шайтанла
Мени арагъа алдыла.
Сабийликге къул болдум
Намазларым къалдыла.

Подстрочный перевод:

Шайтаны (черти, нечистая сила) в человеческом обличе
Меня взяли (со всех сторон) в середину (окружили)
Детскости (?) (я) стал рабом.
Намазы мои остались (несовершенными).

*Из зикира «Сал, Алахым, сыйлы болгъан Каабагъа».
(«Благослови, мой Аллах), (положить) в священную
(обретшую) достоинство, святость Каабу»).*

«Усиление религиозного чувства, мусульманского взгляда на вещи стало в творчестве И. Семенова закономерным в условиях неизбежного страдания как символ и путь духовного выживания, как спасительный шанс на восстановление смысла бытия. В то же время З. Караева отмечает двойственность поэтического подхода, когда идеальные конструкции ислама не выдерживали давление реальности, уступая место протесту, сопротивлению и даже упреку в адрес Творца.

Къыбла Кябаны кёралмай
Кетиб барама дуниядан.

Кёзбау дуниягъа кёзюм къарай,
Ёмюрюмю санай-санай,
Иблис мени алдай-алдай,
Кетиб барама дуниядан.

Подстрочный перевод:

К учителям своим не смог прийти
Образование, знания не смог получить,
Для сердца своего не смог обрести свет
(сердце свое не смог озарить светом)
Ухожу (нахожусь на пути ухода) из этого мира
(оставляю, теряю этот мир).

Намазы свои не смог исполнить,
Посты (необходимые) свои не смог держать,
Зекяты свои (положенные) не смог отдать
Ухожу (нахожусь на пути ухода) из этого мира
(оставляю, теряю этот мир).

Дороги-мосты не смог построить
Мечети-медресе не смог воздвигнуть (основать),
Для села питьевую воду провести не смог
Ухожу (нахожусь на пути ухода) из этого мира
(оставляю, теряю этот мир).

Наукой, обучаясь, насытится не смог,
Высокую сознательность не смог обрести
(ума-разума своего не укрепил),
На (священном) юге Каабу увидеть не смог
Ухожу (нахожусь на пути ухода) из этого мира
(оставляю, теряю этот мир).

По призрачному (этому) миру тоскуя
(стремясь в нем ещё побыть),
Свой век (свои дни) считая-пересчитывая,
Сатана меня обманывая — искушая (соблазняя),
Ухожу (нахожусь на пути ухода) из этого мира
(оставляю, теряю этот мир).

*Из зикра «Кетиб барама дуниядан».
(«Ухожу (нахожусь на пути) в процессе ухода,
из этого мира (оставляю, теряю этот мир»).*

Намаз къылыргъа джашма, дедим,
Тойчулагъа башма, дедим,

Ибилисге джолдашма, дедим,
Энд кеч, Аллахым, к'айтайым.

Шыйыхланы хапарын
Силсийла бла айтайым.
Хайгуан кибик джюрюдюм,
Энд кеч, Аллахым, к'айтайым.

Подстрочный перевод:

Намазы делать молод (рано) еще, себе сказал,
А для тех, кто на танцах (в увеселениях) —
я «глава» сказал (возглавляя),
Искусителю (сатане) — я товарищ, сказал
(оказался товарищем, поддался на соблазны),
Теперь прости, Аллах, я возвращаюсь
(на путь правоверного),

О том, какими были святые
Я расскажу в силсийла.
Как животное (бездумно, бестолково) ходил
(какое-то время),
Теперь прости, Аллах, я возвращаюсь
(на путь правоверного).

*Из зикира «Он джылда Къуран башладым».
(«В десять лет начал (читать) Коран»).*

Вместе с тем, эти же стихи свидетельствуют о том, что автор смог, позволил себе жить именно так, а не иначе — то есть, что в следовании требованиям веры его сознание ничем — никогда не было наглухо заблокировано, свобода мысли и воли оставляла постоянное ощущение «некой независимости от общих законов предопределенности, ... возможность бунта, сопротивления или несогласия, выражаемых поэтом в форме недоуменных вопросов и настойчивом утверждении мысли об одиночестве человека в мире, об отсутствии утешения и вознаграждения вне физического существования (что явно противоречило и мусульманской оптимистической идее, и безоглядной имманентности эпического сознания)» [16.145.].

Проистекавшие, по справедливым наблюдениям З. Караевой из того, что «в 50—70 годы противоречивость и неустойчивость мироощущения поэта определялись во многом совмещением в сознании воздействия

исламского идеологического начала и нравственности, питаемой традиционной национально-эпической сутью. И тот, и другой компоненты объединяясь, выступали уже не в полной, законченной, всеобъемлющей форме, а нарушались, трансформировались в условиях и под воздействием иного, нового социального пространства и исторического времени, в рамках которого объективно существует и эволюционирует сопрягающее их индивидуальное сознание Семенова.

Ни тот, ни другой тип духовности не могли уже выступать в чистом виде. Мусульманская религиозная идея в поэзии Семенова в большей степени проявляется уже не в сути своей, а в форме образной и риторической традиции. Кораническая символика сохраняясь, наполняется актуальным для поэта содержанием, коррелирующим с его формирующейся художественной и мировоззренческой индивидуальностью. Ни в коей мере не отрицая мусульманские догматы, Семенов скорее воспринимает их как некий обязательный ритуал, символ веры, выполняющий номинативные, маркирующие функции сознания и бытия, что вполне последовательно отражается и в частом упоминании именно религиозных ритуалов, повторении традиционных символов веры, декларации нравственных постулатов, вошедших в качестве идеальной нормы в моральный кодекс ислама.

Аллах един! Верую я, предан
Вере моих отца и матери!
Это облако, выкрасив в черный цвет,
Видно, враг повесил на солнце.

Не пропущу предвечернюю молитву,
За нею следует вечерняя.
Я изверился в приходе днем солнца,
Ночью в счастливой звезде моей.

В пределах двух четверостиший одного стиха Семенов в сверхпротиворечии с самим собой. «Верую» и тут же — «Изверился я», но при этом параллельно, — «Не пропущу молитву»:

Зачем мы спешим в жажде «завтра»?
Зачем холодно, равнодушно провожаем «сегодня»?
Если они оба
Приближают нас понемногу к смертному концу?

Прочитал я «ясын» тебе, отпускающий грехи,
«Тепкир» прочитав, совершил я дуа.
И это тоже один из порядков (установлений).
Да исполнит Аллах мои молитвы.

Послушно следуя заповедям ислама, выполняя его установления и ритуалы, поэт как бы отстраняется от сути его. Часть его сознания оценивает происходящее как бы со стороны и обозначает место и значение рационализирующей религиозной системы в обозреваемом поэтом пространстве духа. И они оказываются столь неадекватными, что художник не делает даже попытки их совместить. Они так и остаются существующими параллельно и независимо — жизнь человека, его путь от рождения к смерти, из дня к ночи и замкнутое пространство веры, размеченное молитвенными отрезками. И это пространство явно не заполняет всего мира поэта. Это для него лишь «один из порядков (установлений)» мира, великое множество и разнообразие которых он прозревает» [17.146; 147].

Речь, конечно, не столько о духовном раздвоении, а о том, что «сознание поэта на перекрестке эволюционных путей мучительно выбирало варианты разрешения конфликта в сфере исламской догматики терпения и вознаграждения, эпической самодостаточности и восхождения к личностному, индивидуальному мировидению» [18.].

Такое осознание себя в религии, степень ощущения ее сущности в душе, вполне соответствует исторически сформировавшемуся национальному восприятию, как отмечалось, обусловленному поздним обращением и кратковременностью исповедания, — когда только-только обретенная вера была почти утрачена в результате длившегося более семидесяти лет атеистического натиска, — в следствии приведшего к незанятости, не полной одухотворенности этнического «я» всеобъемлющей божественной идеей. И причина этого видится только в том, что если во все времена поминание Всевышнего и в жизни, и в литературе являлось естественным для человеческого (и писательского) духа состоянием, непритязательной нормой, то крутое изменение ситуации в пору возведенного в ранг одного из государственных приоритетов отрицания бога, когда религия все время была вне закона, терроризируема жесткой, жестокой, беспредельной богоборческой мутью-пропагандой, когда все, в том числе эстетика, были

кинуты в клеть государственной политики, возведшей и культуру, художественное творчество в степень «колесика и винтика» тоталитаризма, где подневольные всецело, колеблемые исключительно конъюнктурой, определялись и сами формы и жанры проявления духовности, и уместность, правомочность появления их на свет, — что пресекало доступ к самим основам мироздания, исказило, нейтрализовало само их восприятие человеческим сознанием.

Поэтому, такие, из иной сферы, общечеловеческого ценностного ряда формулы, как «Золотая середина», «Все хорошо в меру», и другие, в умах и нынешних карачаевцев, в процессе складывания их характера и душевного состояния, играют немаловажную — наравне, или значительнее чем любое другое воздействие, роль.

Карачаевцы неукоснительно следуют канонам ислама, но в то же время, пожалуй, за редким исключением, в большинстве своём не поднялись в своей приверженности вере до абсолютного ее приятия, безоглядной самозабвенной сердечной преданности, жажде дальнейшего познания.

Потому, до сих пор, пожалуй, многие не проникнуты осознанием тотального над своим разумом господства кого-то бы то ни было, не проявили еще, думается, во всяком случае, последовательного, целеустремленного желания всецело «раствориться в идее» (Губин А. Т.).

При таком положении, безусловно, внешние факторы жизни Исмаила могли играть определяющую роль в различных ситуациях, формировании личностных интересов и художественного сознания поэта, реализации творческих замыслов.

Как то: что в пору расцвета таланта, Джырчы, вдохновенно отражая реалии жизни, всецело, вроде, «ушел» «в светскую поэзию», а затем, уже в зрелом возрасте, как отмечалось, властью загнанный в угол, был вынужден, в силу его отторжения от литературной деятельности и политического преследования, «вернуться» к с детства знакомому и опробованному им жанру зикиров и обратить весь свой дар на создание преимущественно духовных произведений, навсегда ставших теперь его душевным пристанищем, единственно возможной, творчески оправданной, окружающими достаточно признаваемой, жизненной дорогой. Хотя и здесь, с самого начала, у него обнаружился избыток недоброжелателей и последовательных попыток полностью изжить, изгнать и отсюда.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: «Литературный энциклопедический словарь», М., 1987.
2. Там же.
3. См. стр. 60
4. Биттирова Т. Ш. Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев.— Карачаевск, Изд-во КЧГПУ, 1999.
5. Там же.
6. Подробно о жизни и творческом наследии Къалтура Семенова см. работы Р. Ортобаевой «Къара сууну къатында» («У родника»), Черкесск, 1981; Н. Кагиевой «Кюренли джазыула» («Коронованные судьбы»). Карачаевск, 2001; А. Семенова «Исмаил и Акътамакъ», ж. «Минги Тау», Нальчик, 1996, № 1.
7. Караева З. Художественный мир Исмаила Семенова.
8. Семенов Азрет. Исмаил и Акътамакъ, ж. «Минги Тау», 1996, № 1.
9. Там же.
10. Ж. «Фольклор». Поэтика и традиция. М., «Наука», 1982.
11. Караева З. Художественный мир Исмаила Семенова.
12. Там же.
13. Там же.
14. Берберов Б. А.-Ю. Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии. Автореф. дис. канд. филологических наук. Нальчик, 2002.
15. Султанов К. К. Национальное самосознание и ценностные ориентиры литературы, М., ИМЛИ РАН, «Наследие» — 2001.
16. Караева З. Художественный мир Исмаила Семенова.
17. Там же.
18. Там же.

Поэтика и жанровая специфика зикиров Исмаила Семенова

Невозможно понять силу творческого духа Исмаила Семенова без знакомства с созданными им зикирами: ощущения сопричастности к веяющему от них духу гармонии, всеобщего согласия и умиротворения, проявляющему, как правило, доселе не ясное, но органичное для каждой души чувство единства, слиянности с мирозданием, просветления вдруг, возвышения (может быть еще темно) сознания до приятия глубинных установлений исповедуемой мировой религии; впитания, осмысления, осознания вновь в полном объеме безусловных ценностей общечеловеческой гуманистической мысли из живительного кода высокохудожественных текстов и окружающей их удивительной, мягкой, жданной (это непередаваемо!) небесной музыки.

Именно в этих произведениях наиболее выразительно, емко воплощено его поэтическое лицо. Передающие всю мощь этого самобытного, неповторимого таланта, зикиры отражают неограниченную, необъятную широту мировоззрения, круг интересов, жизненные принципы, основные события, этапы, коллизии духовной и физической ипостаси Джырчы. Это светлый мир вдохновенного труда и провидческого наития — знаменующий плодотворный опыт религиозно-художественной самоидентификации, излучающий чистое, жизнезащитное люминисцирование как бы навсегда благословленного общеземного менталитета, — где посредством ярких, неординарных художественных образов сконструирован нетленный пласт божественного отношения к сущему — лежащий в основе и всего его остального творчества. Одновременно являющийся не только — не столько истоком — предтечей, предпосланием поэзии и музыки как конкретно оформляющихся искусств самовыражения, но естественной вооб-

ще для человеческого существования, гносеологически и в звуках воссозданной, духовной средой, непрменной, извечной, богоданной, незыблемой стихией — реальностью; и освященным, санкционированным свыше — как глобальная, крайняя необходимость — единственно возможное, одинаково нужное и людям, и Всевышнему, призвание автора на Земле; и его философской и морально-нравственной опорой, точкой отсчета.

Такой, словно неземной, недостижимый для обыденного сознания уровень мышления и сложнейшего творческого труда (кстати отметить, как само собой разумеющееся, позволявший гениальному народному Джырчы на проводившихся всесоюзных (в СССР) и региональных многочисленных разнообразных поэтических и музыкальных конкурсах, в которых ему доводилось принимать участие, неизменно быть первым [1.]), обусловил высокий (богословский) уровень озвучания на карачаевском языке основополагающих постулатов ислама, небывалую глубину философско-художественного осмысления раз и навсегда воздвигнутого вышней силой, но неисповедимого, бесконечного многообразия действительности и устоявшегося миропорядка, человеческой истории, и конкретной национальной — родного народа поэта, жизни; и чрезвычайную всепроницающую остроту, вездесущность авторской мысли.

Если «некорректная идеологическая среда» [2.6.] на протяжении почти всего двадцатого века изо дня в день вышибала из сознания и душ людей имя и заповеди Аллаха, то Исмаил Семенов своими великолепными, мудрыми зикирами возвращал соплеменникам и всем людям непреходящий, праведный смысл бытия, образ Всевышнего Аллаха, тем самым спасая их изнуренные неисчислимыми бедами, непрестанными моральными и физическими катаклизмами души от падения в бездну безверия и тлена [3.44—45; 47.]. То есть и в этом аспекте зикиры Исмаила Семенова отвечали (ют) [4.] основной функции, сути поэзии: «Сеять разумное, доброе, вечное».

По большому счету, зикиры стали мощным поэтическим средством самовыражения автора, вместе с тем, наряду с перипетиями собственной драматической судьбы Джырчы, точно также как и в остальной его поэзии, в них предельно четко и верно, основательно выражены слагаемые менталитета карачаевцев, воплощен дух народа, показано личное поэта и его соплеменников отношение к религии, то, что они приняли и приемлют, что уважают и

почитают, чему поклоняются, каким хотят видеть мироздание, чего просят от Аллаха. То есть, схема (стержень): «Народ — Исмаил — поэзия» и в зикирах осталась неизменной. Мощный дар Исмаила поднял зикиры на небывалую доселе эстетическую высоту, уже, если можно так выразиться, религиозно-художественными узами воссоединив с именем Создателя душу народа, который теперь каждый раз, произнося слово «Аллах» в нетленных строчках — звуках зикиров, вкладывал в него всего себя, воспевал его величие, одновременно самосовершенствуясь, ибо требования к человеческому разуму и сердцу, заложенные в зикирах Исмаила неизмеримо выше предыдущего их состояния, а воздействие на человека притягательной, чистой, животрепещущей силы этих произведений неотразимо, они воспитывают, усовершенствуют, улучшают людей.

Я, Аллахым! Тазала джюреклени.
Тенглик теждей, джазыкьсын миллетлени.
Шохлукь бериб, бирикдир иннетлени.
Чомарт болуб, насыб эт джаннетлени.

(Бу терт тизгин къайтарылыб айтылады).

Подстрочный перевод:

О, Аллах мой! Очисти все сердца.
Установив равенство (сделав) (предлагая быть)
равными (полностью), друг для друга одинаково
благорасположенными, дорогими быть),
пожалей народы.
Дав дружбу, объедини душевные порывы
(сущности, устремления, намерения людей).
Будучи (добрым) щедрым, сделай доступным для них рай
(озари (одари) счастьем райских куц)!

(Эти четыре строки повторяются).

Из зикира «Молитва — просьба».*

Произнесение молитвы, обращение к своему Создателю — несравненные по бесхитростности, искренности,

* Здесь и далее, за исключением специально указанных, подстрочные переводы мои.

чистоте помыслов душевные импульсы как бы удостоенного божественным вниманием, стремящегося подняться выше земного суетного бытия человека, момент освященности, когда он, вроде сбросивший опутавшие его мирские проблемы — тленные оковы, в силу пусть мысленного, временного, но представления перед небесным Владыкой — выше греховности, абсолютно раскрыт и честен.

Именно поэтому, как отчетливый, ничем не замаранный слепок с души, наиболее ценны выраженные в молитве смыслы, порывы, пожелания. Здесь, как правило, обнаруживается вся основная информация о личности, содержании его жизни, уровне мышления, мироощущении, морально-этических принципах, иных пристрастиях и т. д. Четыре вышеприведенных строки Исмаила Семенова, звучащие — как видно, если можно так выразиться, более чем современно, объяли главное: расставлены нужные акценты, названы важнейшие приоритеты отвечающей предназначениям свыше нормальной земной жизни — пути, праведность которой, как и само существование человека, напрямую зависит от того, насколько добронравны, чисты сердца его сородичей; также, как и от другого необходимого условия — взаимоприязни, взаимобережения, взаимоуважения людей, могущих зиждаться лишь на осознании своего равенства перед миром и Всевышним Аллахом; и еще напрочь связанного, неотъемлемого от них, неперменного — дружелюбия народов, возможного не на антогонизме интересов, а на понимании друг друга, сотрудничестве и поддержке — при соблюдении на Земле которых — то есть следовании господним заповедям — станет возможным, низойдет благодать, наивысшая милость божья — счастье рая.

В последующих 18 строфах этого зикра методичное, ритмическое перечисление важнейших религиозных установлений, своеобразно поддерживающее композиционную стройность произведения и, как следствие, восприятие его как целостной «структуры с развитыми внутренними связями компонентов, что, в принципе и определяет информационную специфику образа» [5.9.], в общем дает ощущение реалистичности, действительности описываемого, сопричастности к неземным сферам, единения в делах и помыслах своих с Высшим Разумом — то есть это один, сразу и отчетливо видимый, ясно прослеживаемый внешний план, «вместе с философией мусульманства и

мировоззренческими понятиями в сознание человека [при]-внос [ящий] мощный нравственный импульс, регулирующий его жизнь...» [6.27.].

Но «функционально-интонационная доминанта» (Гаджиева З. З.), суть зикира не здесь. Она — в пронизывающем произведении, несущем его пафос, замыкающем каждое четверостишие рефрене-просьбе: О, Аллах мой! (Прими) Претвори молитвы (людей) в жизнь (удовлетвори просьбы-молитвы).

Содержание всех частей, смысл произведения в целом ориентированы именно на передачу этой главной заботы зикириста: получение для людей (человечества) благословения Господня. Создатель зикира просит Всевышнего всем что есть дорогого на земле и в небесах — его Именем — нетленной Самостью, его заповедями, природой и т. п. не оставить своей благосклонностью людей и их обитель, не лишить их спасения; услышать каждую праведную душу, а неправедную наставить на путь истинный. Ибо: «Я желаю только исправления, пока могу. Помощь моя только у Аллаха; на Него я положился и к нему обращаюсь» (Коран, 11: 88), [7].

«Тилек зикир» («Просьба-молитва») — образец духовного сочинения, включающий, скажем так, несколько степеней (уровней проявления) прекрасного. Главенствующими из которых являются: в единстве с торжественно-доверительным, гибким, плавным, четким, трепетно-осязаемым ритмом, величавый звуковой аккомпонемент, интонация, музыка произведения, и богатые, порой из целых слов состоящие рифмы, придающие каждой строфе неповторимую прелесть, выразительность, завершенность. Если в вышеприведенной первой строфе, которая повторяется и перед завершающим произведение четверостишием, будто связываясь в единую цепь, меж собой рифмуются все четыре 11-сложные строчки (такowymi структурно являются и 16, 17, 18 строфы), то большинство построено иначе. Что привносит новые нюансы, оттенки, звуки в течение молитвы, разнообразит интонацию, придавая настойчивость, интенсивность, напряжение просьбе, делая ее более убедительной. Вот как отлично звучат 2, 7, 10, 13, 19 (не забудем и 1) строфы.

(2) Абдезни, намазны хурмети ючюн,
Оразаны, закаты хурмети ючюн,

Садакъаны, фитирни хурмети ючюн
Я Аллахым! Къабыл эт тилеклени.

(7) Джети кѣкню хурмети ючюн къабыл эт.
Сегиз джаннет хурмети ючюн къабыл эт.
Хур къызланы хурмети ючюн къабыл эт.
Хур джашланы хурмети ючюн къабыл эт.

(10) Сафа Маруа Зем-Зем суула, Минаны,
Минг-минг хаджи намаз къылгъан Кябаны,
Барысыны хурмети ючюн аланы,
Я Аллахым, къабыл эт дуаланы.

(13) Гъабитлени, Захитлени, Салихлени,
Муршитлени, Камиллени, дерушлени,
Къаимлени, Саймлени, Муридлени,
Хурмети ючюн, къабыл этгин тилеклени.

(19) Би хурмати асмаикал Хуснаны,
Уа би хурмати дугъаи Мустаджабны,
Сифатикал гъуляны — барыны,
Хурмети ючюн къабыл эт дуаланы.

Такие интонационно-ритмические перепады — эффектный прием, придающий звучность, притягательность зикриру, избавляющий его от возможного надоедливого нудного однообразия. Каждая строчка здесь значительна, уместен, что называется, каждый знак, важен каждый звук, они как бы самодостаточны, так как наполнены смыслом и музыкой (лучше сказать — светомузыкой) и в то же время предуготовляют, предваряют другую и неотрывны от нее, сцементированы, слиты с ней, существуя вроде и автономно, отсверкивая как грань драгоценного камня и одновременно сопрягаясь с остальными, произносясь, вычитываясь, выпеаясь на одном дыхании, в сочетании с другими.

Точно так и все строфы произведения, звучащие розно — по эмоционально-событийному заряду и ритмической организации, но и, безусловно, предсказуемые, предчувствуемые, важные, ожидаемые, дополняющие одна другую. Потому как во всех уровнях — вариациях — лейтмотив — стержень произведения — един.

Так, исподволь ощущаемая глубина подачи авторской мысли, проявляющаяся при этом небывалая поэтическая энергетика, соразмеримая со священнодействием, и позволяет говорить об оригинальности художественной

структуры, особом сочетании семантических и ритмических элементов исмаиловских зикиров. Что и делает их образную систему наиболее действенной.

Остается только сожалеть, что подстрочные переводы ни в коей мере не могут передать колорит, своеобычность, обаяние естественности, проникновенную красоту этих произведений.

АЛЛАХ ДЕБ ЗИКИР ЭТЕЙИК

Аллах деб зикир этейик
Санларыбызны эритиб
Сиратдан учуб ётербиз
Кёк джашнагъанча джарытыб.

Аллах деб зикир этейик
Назик этиб джюреклени
Къабыл этер улуу Аллах
Таралыб этген тилеклени.

Намаз бла келди гъибадат
Ораза бла келген гъыйнаят
Къуран бла келди аят
Зикир бла келди карамат.

Зикир эте нюр тёгюлсюн
Гъыйбадатда арыйым
Устазым деб Ярасул
Сени джарыкъ таныйым,

Гъарасатха джыйылгъанда
Джаныбыз санга аманат
Этермисе шафагъат
Устазыбыз Мухаммат?

Аллах деб зикир этейик
Зикирди динни къылычы
Хакъ джюрек бла биз айтсакъ
Джаратхан Аллах болушур.

Аллах деб зикир этейик
Тенгизле кибик чайкъалыб
Телеу намазла къылайыкъ
Кетген ёмюрню къайтарыб.

Аллах деб зикир этейик
Тебрендириб джерлени

Ислам динге бур, Аллах,
Маджусу къалгъан элени.

Аллах деб зикир этейик
Бир тау бир таугъа ургъанча
Кёзледен чыкыгъан джыламукъ
Кёкледен джангур джаугъанча.

Аллах деб зикир этейик
Алгъын айтмасам тёзмейме
Сен Гъаффар атлы Аллахса
Мен сенден умут юзмейме.

Аллах деб зикир этейик
Аллахды бизни бийибиз
Къуранны джолун биз тутсакъ
Тюз иман бла ёлюрбюз.

Аллах деб зикир этейик
Дин ишге ёрге турайыкъ
Бизни джокъдан бар этген
Уллу Аллахдан къоркъайыкъ.

Аллах деб зикир этейик
Санларыбызны ийириб
Къыямат кюн юсюбюзге
Джаннет кийимле кийилиб.

Аллах деб зикир этейик
Аллахды бизни джаратхан
Кёкден ийиб Къуранны
Муслиманлагъа танытхан.

Аллах деб зикир этейик
Бир-бирибизге ал бермей
Бу беш намазны мен къоймам
Ахыр тылпыу джан бермей.

Аллах деб зикир этейик
Зикирди динни байлыгъы
Хар кюн сайын зикир эт
Ол джюрегинги саулугъу.

Аллах деб зикир этейик
Кёзлерибизни джылатыб

Аллахны аллына барлыкъбыз
Бойнубузну узатыб.

Аллах деб зикир этейик
Аллахды бизни джюрютген
Келечи этиб файгъамбарны
Ислам динни юйретген.

Аллах деб зикир этейик
Мынчакълар алыб санайкъ
Толгъан айлача тюрсюнле бла
Аллахны аллына барайыкъ.

Аллах деб зикир этейик
Ийнанайыкъ гьибадатха
Инша Аллах къоркъмайыкъ
Тюбербиз къабыл сагъатха.

Если объем и ритмическая композиция, мощный информационно-музыкальный напор предыдущего зикра были вызваны к жизни ничем не стесненным широким охватом мысли и чувства молящегося, жаждой божественной милости, то «С именем Аллаха будем произносить зикр» («Аллах деб зикир этейик») — образец произведения, форма и содержание которого, по всей вероятности, прежде всего обусловлены задачей его исполнения (сольного или хорового), преимущественно на маулутах.

Отсюда, закладывающая смысловую и фоническую специфику, его первая строка, 8-сложный зачин-рефрен, допускающий естественные и разнообразные интонации и потому наиболее доступный для выговаривания даже неподготовленными людьми.

Как известно, мера сопоставимых отрезков, слогового ряда, определяет и особенности звучания: чем короче стих — употребление усеченнее, отрывистее, резче; или длиннее — произношение непринужденно-плавное, как бы взвешивающее, указующее место и значение каждого слова — знака — процесс вполне уследимый для слуха самого исполнителя, то есть могущий регулироваться.

Не навязчивый, а органичный для мусульманина, пафос первой строки, заключающий и призыв, но еще больше — утверждение, словно торжественно символизирующий момент высшего проявления духовности человека — его безоглядное единение с Создателем, единовластно

царит над всем текстом зикира, оказывая услугу и его стройности, целостности, звучанию как бы на одном дыхании, безусловно способствуя наиболее полному раскрытию смысловых и интонационных оттенков — в целом играя решающую роль в формировании эстетического представления.

При таком абсолютном — и синтаксическом, семантическом, фоническом доминировании 1-ой строки, 2, 3 и 4 выполняют облегченные уточняющие, дополняющие, конкретизирующие смысл функции. То есть в них, будто спеленатых в форму синонимических конструкций, прослеживается и соответствующая четкая перечислительная интонация, подчеркивающая тождественное положение строк. На самом деле, одноуровневость рифмующихся 2 и 4 строки, и свободной третьей, является художественным эффектом, вызванным ортодоксальностью действия и единородностью языкового материала, нацеленного на его отражение, целиком соответствующего ситуации речи.

В итоге, в каждой строчке, вроде общеизвестные, в обрядах и в быту каждодневно востребованные, используемые религиозные нормы и происходящие под их воздействием метаморфозы внутреннего мира человека, поднятые на уровень поэтического откровения, обретают новое дыхание, ярко проявляя свою непреходящую сущность в созданном зикире Аллаха.

Поэт-пропагандирующий, будит к активной жизнедеятельности лучшие качества человеческой души, и проторивает, открывает им дорогу, потому как по пафосу произведения, они должны быть приложимы лишь к одной — единственной, божественной, идее, слиться с ней, служить ей.

В таком случае:

Сиратдан учуб ётербиз
Кёк джашнагъанча джарытыб;

Подстрочный перевод:

Перелетим через Сират
(Все) Освещая, как свет молнии;

Къабыл этер улуу Аллах
Таралыб этген тилеклени;

Подстрочный перевод:

Благословит Всевышний Аллах
Самозабвенно (с глубоким чувством)
произнесенные молитвы;

Устазым деб Ярасул
Сени джарыкъ таныйым;

Подстрочный перевод:

Говоря: мой учитель Ярасул
Чтобы я (радостно) светло узнал твой лик;

Хакъ джюрек бла биз айтсакъ
Джаратхан Аллах болушур;

Подстрочный перевод:

От чистого сердца если мы скажем
Создавший нас (всех) Аллах поможет;

Къуранны джолун биз тутсакъ
Тюз иман бла елюрбиз;

Подстрочный перевод:

Если мы будем держаться того, что сказано в
Коране (букв. держаться (идти) по дороге,
указанной Кораном)
Умрем с истинной верой (благоверными,
благочестивыми);

Къыямат кюн юсюбюзге
Джаннет кийимле кийилиб;

Подстрочный перевод:

В (день светопрествления) Судный день на нас
Будут райские одежды;

Хар кюн сайын зикир эт
Ол джюрегинги саулугъу;

Подстрочный перевод:

Каждый день произноси зикр
Он — здоровье твоего сердца;

Инша Аллах къркьмайыкъ
Тюербиз къабыл сагъатха;

Подстрочный перевод:

Велик Аллах! Не будем бояться
Встретим благословенный миг.

Строчки, как «В поклонении чтоб я ощутил усталость» («Гъыйбадатда арыйым»), «Первенства не уступает друг другу» («Бир-бирибизге ал бермей»), «Не хватает терпения — так хочется (сказать) начать первым» («Алгъын айтмасам тезмейме»), «Катящиеся из глаз слезы, словно падающий с небес дождь» («Кезледен келген джыламукъ Кекледен джангур джаугъанча»), «Для исполнения религиозных дел встанем как один» («Дин ишге ерге турайыкъ»), «Будем верить поклонению» («Ийнанайыкъ гъыйбадатха»), «Возьмем четки и будем считать» («Мынчакъла алыб санайыкъ»), «Свои органы (организм) устремив (подчинив)», («Санларыбызны ийириб»), «Я не оставляю эти пять намазов пока в последнем дыхании не отдам душу» («Бу беш намазны мен къоймам ахыр тылпыу джан бермей») и др. подчеркивают степень самоотдачи автора религиозному одухотворению, его самозабвенное слияние с божественным смыслом.

Также уровень адаптации (растворения) самосознания поэта в сути исламской идеи, отражают такие емкие, соразмерные теме, масштабно-неограниченные, характеристики, как: «Зикр — это меч (сабля) религии» («Зикирди динни къылычы»), «Раскачиваясь как моря (морские волны)» («Тенгизле кибик чайкъалыб»), «Так, что будут сотрясаться (сотрясения) Земли (похожие на землетрясения)» («Тебрэндириб джерлени»), «Будто одной горой ударяя о другую (одну гору ударяя об другую)» («Бир тау бир таугъа ургъанча»), «С лицами (обликом), похожим на полную луну» («Толгъан айлача тюрсюнле бла»).

Не натужность, уместность для сознания мусульманина бесконечно повторяемых заповедей, многократно перечисляемых обрядовых норм, объясняется прежде всего его адаптированностью, покорностью (ислам — покорность) ничем не ограниченному божьему началу, абсолютностью приоритета.

Так как зикр — это воспоминание Аллаха, то его существование в самых разных формах, и устных, и письмен-

ных, — от простых предложений, от молитв (готовых религиозных формул, коранических текстов и т. п.) до произвольного, творческого, эстетически нейтрального или высокохудожественного выражения — естественно.

Как и то, что становящийся их основой материал, как правило, определяет своеобразие жанровых форм, и поэтику, и как следствие, искусство (процесс) исполнения.

Чему очевидны подтверждения в вобравших всю богатую художественную и музыкальную палитру карачаево-балкарской песенной культуры зикирах Исмаила Семенова, в некоторых эстетически значимых компонентах тяготеющих то к манере народного творчества (образцам устного бытования), то во всех отношениях воспаряющих до уровня литературных шедевров.

Так, в частности, в 15 (из 21-ой) строфах вышеприведенного текста «С именем Аллаха будем говорить зикр» наблюдается выпадение слога или сочленение лишнего в соизмеримых строках:

Назик этиб джюреклени (8) — Таралыб этген тилеклени (9);
Намаз бла келди гьйбадат (8) — Къуран бла келди аят (7);
Зикир эте нюр тёголсюн (8) — Устазым деб Ярасул (7);
Аллах деб зикир этейик (8) — Аллахны аллына барлыкъбыз (9);

и др., реже — выхолащивающая семантическую функцию рифмы неточность созвучий: эритиб — джарытыб, гьыйнаят — карамат, кьылычы — болушур, бийибиз — ёлюрбюз, байлыгы — саулугъу, — в целом нарушающие стиховую и музыкальную ритмику, что провоцирует и мотивирует обращение к форме исполнения, в фольклористике именуемой «принципом народного силлабизма», то есть преодоление [не]равносложности песенных строк с помощью напева» [8.95].

Таким образом, предрасположенность зикиров преимущественно к песенному, — (причем одни и те же музыкальные мотивы могут быть употребляемы в неограниченном количестве структурно соответствующих текстов), а при отсутствии востребуемой ситуацией или настроением мелодии — речитативному, — исполнению, объясняется их близостью «двуединой природ[е] народной песни как произведения одновременно и словесного и музыкального» [9.96.].

Поэтому, и «...изначальная фольклорность творчества Семенова, определявшая характер и специфику рожде-

ния стиха от мелодии к словам, удачно соотносилась и соответствовала каноническим требованиям к зикиру, исполнявшемуся обязательно на определенную мелодию» [10.15].

Счастлиное сочетание в авторе поэтического, композиторского и исполнительского дарования позволило ему сочинить ко всем 76 собственным текстам и 3 иноязычного происхождения глубоко органичные для них мелодии, которые не теряют своей привлекательности и поныне, известны, популярны.

Вообще, благозвучные, гибкие, трепетные стихотворные сочинения Джырчы будто сотканы из самой музыки, слышной и доступной каждому читателю так, что последний даже, как говорится, не имея за плечами «консерваториев», вслушиваясь в явленный ему мир высокой гармонии, начинает распевать их слова, на ходу обретая мотив. Ощущается, что строки Исмаила будто сами производят (содержат) музыку внутри себя, с первыми (и мысленными) артикуляционными движениями знакомящегося с ними налагающимися на текст — то есть — это процесс объективно, само собой востребующий распева.

Подобное соразмерное, возможно, тождественное существование «словесного и музыкального ритмов» [11.102.] — компонентов единого произведения, позволяет многим исследователям рассматривать «модель «чистого» стиха, как своего рода потенцию, являющуюся существенной составной частью народно-песенного мышления, органически сочетающую в себе и музыкальное, и вербальное начало» [12.105.]; утверждать, что «песня устной традиции представляет собой единое, не расчленяемое целое в том смысле, что слова и напев ее, как правило, порознь не возникают (в плане генезиса), порознь не существуют (в плане эволюции), в процессе исполнения порознь не воссоздаются (в плане функционирования)...» [13.135.].

Данные постулаты, по наблюдениям В. Е. Гусева, восходящие к формуле античного теоретика искусства Марка Фабия Квинтилиана, что «стихи суть род музыки», а поэзия... входит в понятие музыки, как часть, в целое [14.36—37.] — полно характеризующие особенность творений, суть, качество, музыкально-поэтического стиля и караеавского автора — закономерная переключка через тысячелетия плодотворной, действенной мировой культурной традиции.

Хотя следует заметить, что единство, слитность поэзии и музыки Исмаила Семенова — не столько отголосок «первобытного синкретизма» [15.381.] — сколько синтез, результат, наложение друг на друга неповторимого дара, почерка, идиостиля поэта с отшлифованным временем, устоявшимся — утвердившимся духовно-нравственным, эстетическим и религиозным опытом его соплеменников, оберегшим, сохранившим, развившим отдельные, наиболее адекватные их потребностям, универсальные формы искусства, в частности, «обязательно синкретический жанр зикиров» [16.52.], который как и все прочие типы, виды произведений в процессе «исторического развития... непрерывно изменяется, преобразуясь в творчестве каждого выдающегося писателя» [17.107.].

По свидетельству Азрета Семенова, на чей-то вопрос, откуда Исмаил берет музыку к своим произведениям, Джырчы ответил: «Музыка везде: в журчании ручья, в перестуке, шелесте листьев. Я их слушаю, нахожу то, что мне нужно» [18.].

Другими словами, его удивительные, не теряющие свежести звучания, мотивы — как живой отзвук природы, взлелеянный, выпестованный в бессмертной человеческой душе. Известно, моменты духовного слияния, гармонии с мирозданием — уникальнейшая из форм интеллектуального общения. В этом оптимальном и одновременно естественном уровне реализации поэтического потенциала, в венчающем общечеловеческие ценности духовном взлете — художественно-эстетическом самоосознании творящего разума, и есть обретение нового качества, именуемого развитием, прогрессом. Исмаил всю жизнь был самим собой, не лебезил пред сильными мира, не кривил душой. Поэтому его произведения, и не только зикиры, так же естественно, как и написаны, находят путь к людским сердцам, притягательны, понимаемы читателем, живущим в ладу со своей совестью. Поэтому же его религиозные сочинения и его песни всегда пелись, поются и будут петься не только отдельными исполнителями, но народом, ценимы всеми теми людьми, кто хоть раз их слышал, кому они запали в душу.

Записи собственного исполнения Джырчы Исмаилом многих музыкально-поэтических сочинений, зикиров в том числе, хранятся на магнитофонных лентах у Азрета Семенова, а мотивы некоторых произведений в памяти его и его сестер, родственников. Необходимость зафиксировать

их музыку (музыкально-ритмическую структуру напева) — который автор передал так же блистательно, как и неотрывный от него «словесный компонент» своих произведений — и ввести в научный оборот остается актуальнейшей культурологической задачей. Заметим, что первая публикация нот отдельных произведений уже состоялась. В журнале «Ас-Алан» (М., 2001, 1 (4), с. 402—410) опубликованы ноты следующих зикиров: «Анам», «Кябаны назмусу», «Файгъамбарны назмусу», «Амин, я Аллах», «Къыямат кюн», «Ёлюмню назмусу», «Он джылда Къуран башладым», «Шафигъука», «Сыйлы джума кюнюнде», «Рамазан ай», «Беш намаз», «Беш уахты нюр намаз», «Джан бергенни къаугъасы», «Намаз эт», «Беш намаз фарыз», «Ана тилде силсила», «Шыйых Абдуллах».

Отдельного исследования ждет также виртуозное исполнительское мастерство Джырчы Исмаила, аналогов которому, пожалуй, нет.

...Одновременно звучанию его голоса слышимы и как будто выходящие, проистекающие друг из друга, гармонично и в то же время неожиданные, иные голоса и подголосья, что оставляет совершенно небывалое, потрясающее впечатление от услышанного, так, словно было не то что хоровое — нет — а и многоголосое, и удивительно слаженное, совершенное пение единого, создающего невозможно красивую симфонию звуков, коллектива.

Фактически, вторая половина жизни Исмаила Семенова, то есть большая часть зрелого творчества была целиком посвящена служению Всевышнему Аллаху, важнейшей частью коего являлось создание зикиров — высокохудожественных поэтических творений, призванных отразить весь божий мир в его многоликости, многокрасочности и широчайший конгломерат проявлений человеческого «я», весь спектр его ощущений на дарованном ему земном бытии, его былую историю и современное самоосознание, самооценку-самоидентификацию в неотъемлемом единстве с перипетиями судьбы.

И, как видно, с течением времени эти произведения Семенова своей актуальности не теряют.

КЪУРАННЫ НАЗМУСУ

Ай, Аллахым! Джальнама мен санга
Бу дугъаны къабыл этгин сен манга

Махраджын, теджутин джетдириб,
Окьур кибик, бир джол ачхын Къураннга.

Къуран деген, джандет хурма терекди.
Аны эндирген Джабраил мелекди.
Муслиманнга балдан татлы кѳетди
Тюзет, Аллах! Сыйлы болгъан Къураннга.

Беш намазым бешеу болуб келирле
Алтынчыгъа оразам да сюелир.
Намазларын тамам этиб ким ѳлюр?
Тюзет, Аллах, сыйлы болгъан Къураннга.

Сабий болуб къолгъа Къуран алгъанем.
Сыйлы Аллахны межгитине баргъанем.
Мен таныдым биссмиллахны, алифни,
Дагъыда джыйырма сегиз харифни.

Къуран окъуб, дурус ауаз берирча,
Къуран нюрюн кѳзюм бла кѳюрча,
Ахырында аны бла ѳлюрча
Тюзет, Аллах! Сыйлы болгъан Къураннга.

Аны окъусам таула, ташла эрир эд
Ол сейирни адам, джин да кѳюр эд
Аллах бизге бир ашхылыкъ берир эд.
Тюзет, Аллах! Сыйлы болгъан Къураннга!

Къуран билиб, окъумайын атханла,
Аятланы багъа кесиб сатханла,
Джаханимде къызыл отда джатарла
Джаханимде къызыл отда джатарла.

Окъуб-окъуб, санга бираз юренсем,
Джан ауалда кѳзлериме кѳрюнсенг.
Къыямат кюн базманыма бир минсенг.
Къыямат кюн базманыма бир минсенг!

Ой Къураным! Сени кѳрдюм тюшюмде,
Айдан мийик, джашил тауну юсюнде.
Нюр джаухардан таджынг бар эд башында
Ой Къураным! Караматлы каламуллах!

Бу Къурандан кѳб айырдым башымы
Кѳремисиз мен харибни ишими?
Муну окъуучу — толгъан айча тюрсюнюнг,
Ой Къураным! Караматлы каламуллах!

Муну окъуучу харифлерин айталыр.
Тенгизиңде балыкъ кибиъ чайкъалыр.
Гъилму татлыд таймай окъуб туралсанг,
Ой Къураным! Караматлы каламуллах!

Къуран деген дин теджеген тереқди.
Аны дамы хар кимге да керекди.
Къыямат кюн муслиманнга билекди.
Ой Къураным! Караматлы каламуллах!

Чынг баш байлыкъ муслиманнга Къуранды
Джаңдетлени кеси болур къаласы.
Гъалам билмез, Аллах билир багъасын.
Гъалам билмез, Аллах билир багъасын.

Сыйлы Къуран гъилмуланы тамалы.
Аны окъуучу — джаңдетлени адамы.
Унутханнга азаб салыр азан Аллах,
Ой Къураным! Караматлы каламуллах.

Гъалим болсанг, гъилму бла аламат.
Хафиз болсанг Къуран бла карамат.
Джахил къалдыкъ, биз Аллахха аманат
Джахил къалдыкъ, биз Аллахха аманат.

Назму деген, къолунг джазгъан джазмады.
Къуран деген, Аллах ийген хазнады.
Муслиманда, хар ауруугъа дарманды,
Муслиманда хар ауруугъа дарманды.

Джетмиш эки динни кесинг башыса,
Аламларда нюрлю джаухар ташыса.
Аллах, деген инсанланы джаныса,
Джаша Къуран, узакъ-узун джылланы.

Дин сабанны урлукъ атыб джашнатхан.
Ийнанганнга Къуран окъуу окъутхан,
Бисмиллах, — деб халал ашлар ашатхан,
Джаша, Къуран! Узакъ-узун джылланы.

Къуран деген, ислам динни тереги.
Хар бир адам билсе эди, кереги,
Къабыл болсун муслиманны тилеги.
Джаша, Къуран! Узакъ-узун джылланы.

Къуран, десем учуналла санларым
Намазчыла: ахлуларым-джанларым.

Аллах ючюн кѣурман этген малларым.
Джаша Кѣуран, узакъ-узун джылланы.

Кѣуран окѣуб бал чайырла чайнарбыз.
Инша Аллах, шериатдан таймазбыз.
Джан бергинчи, Кѣуран, сени кѣоймазбыз.
Джаша, Кѣуран! Узакъ-узун джылланы.

Кѣб атадан тута келген динибиз
Кѣуран деген — бизни джандет юйюбюз.
Кѣз джумулур, дуа аманат — кюнюбюз
Джаша, Кѣуран! Узакъ-узун джылланы.

Дуня бузулса да Кѣуран бузулмаз
Джер-кѣк оюлса да Кѣуран оюлмаз
Кѣыяматда, Кѣуран болмай, сют болмаз.
Джаша, Кѣуран, узакъ-узун джылланы.

Джан бергинчи санга кѣууанч этербиз.
Инша Аллах, иман бла кетербиз.
Джандетледе муратлагъа джетербиз.
Джаша, Кѣуран! Узакъ-узун джылланы.

Кѣуран! Десем, кѣарт санларым джаш болад.
Учхан кѣушну джибермейин тутарча;
Кел, кѣарнашым! Кючлю зикир этейик,
Джюреклени уллу Аллахха ачарча.

Сыйлы Кѣуран — джюреклени дарманы,
Мынчакъ, зикир — сууаблыкъны чалманы.
Кѣыбла-Кяба муслиманланы джаны.
Джаша, Кѣуран! Узакъ-узун джылланы!

Дин дегенинг, айдан, кюнден джарыккъды.
Тутханлагъа диним кесин танытды.
Эки дуняда да бирча байлыккъды,
Джаша, Кѣуран! Узакъ-узун джылланы.

Дин дегенинг, джай айланы джангуру.
Насыблыны ол юсюне джауады.
Караматны, Аллах берген табады,
Джаша, Кѣуран! Узакъ-узун джылланы!

Сыйлы Кѣуран Муслиманны таджыды.
Кѣыямат кюн салкъын болур — кѣлекге.
Кѣуран дейме намазлыккъда тилекге
Джаша, Кѣуран, узакъ-узун джылланы.

Сени окъусам, таула, ташла эрир эд,
Инсан улу сейирликни кёрюр эд.
Кёкден, джашнаб, нюр джангурлар келир эд,
Джаша, Къуран, узакъ-узун джылланы.

Эртден кетиб, мен ингирге келейим.
Хар дерсими азбар этиб билейим.
Джашлыкъ ёмюр бир сейирлик кёреем,
Кюч бер, Аллах, окъур кибиб Къуранны.

Джахил болса — тауба этсе, кечилир
Гъалим болса, тауну таугъа кёчюрюр
Намазсызгъа кечимсиз сют этилир.
Ой Къураным, караматлы каламуллах!

Кюндюз болса, иш баса эд белимден,
Кече болса аз окъуем кёлумден,
Сени амалтын къачыб чыкъдым элимден
Ой Къураным! Караматлы каламуллах!

Абдез алсам, санларыма дженгиллик
Кёбле болур, къыямат кюн ёкюннюк.
Сен болурса, Сиратымдан ётдюрюк
Сен этерсе, базманыма ёкюллюк!

Эки кёзюм джана туруб джумулур
Гъарасатда бизге базман къурулур.
Адам бары аякъ юсюнде турур.
Болушлукъ эт, ой Къураным, каламуллах.

Сени окъусам бал чайыра чайнайма
Мутхуз джюрек джарыкъ болуб ойнайма
Сени окъусам берекетли, хурметли
Джаным болур инша Аллах, джандетли.

Фасыкълыкыгъа кёрюнмейсе аудаса,
Дин исламгъа кёкден тюшген саугъаса.
Мен да мискин, къыямат кюн ёкюннюк
Этмезмисе базманымда ёкюллюк?

Къабырымда мени бла болгъаенг,
Сиратымда бир болушлукъ этгеенг,
Джандетлеге кесинг къатыш элтеенг,
Ой Къураным, караматлы каламуллах!

Сени окъусам сегиз джандет ачылгъанча,
Зем-зем суула юсюбюзге чачылгъанча,

Махшар кюнде байракъ тутуб баргъанча,
Ой Къураным, караматлы каламуллах!

Мен джазмазма быллай назму дженгилде
Къуран келгенд: Таурат, Забур, Инджилде.
Къуран чыракъ джарытады хар кюнде.
Ой Къураным, караматлы каламуллах.

Необыденно, непросто в этом произведении уже само обращение **Ай, Аллахым! Джалынама мен санга** (Ай, мой Аллах! Проситель я) (Я очень тебя прошу) (С мольбой к тебе обращаюсь) — начальная строчка, оригинально интерпретирующая самый зачин (букву и дух) адаптированной зикирической формулы (известной, общеупотребляемой), немедленно привносящая предчувствие осознания высокого и вместе с тем естественного, то есть здесь — сперва полустииши, а затем подключается смысл и второй половины строки — умещены, органически сочетаются пафос (помыслы) недостижимой души лирического героя, устремленной к своему небесному покровителю, и неявный, но выступающий вперед, предошущаемый, логически подразумеваемый, неизбывный, пронзительно-тягостный мотив суетности и бренности земного пребывания, все заслоняющих мирских хлопот. Такой эффект достигнут своеобычным, уместным применением междометия «Ай», ранее преимущественно адаптированного — появляющегося, издававшегося, употреблявшегося — как восклицание, означающее внезапное наступление испуга, боли, а в таком контексте, особенно в поэтических религиозных сочинениях, не использовавшегося, хотя в несколько ином сочетании, например, в аналогичных устойчивых выражениях, как «Ай, Аллах, сен сакъла!» (Ай, Аллах, ты защити!), «Ай, Аллах, сен болуш!» (Ай, Аллах, ты помоги!), «Ай, Аллах, сен кеч!» (Ай, Аллах, ты прости!) и т. п. глубоко проникшего в сознание и сердца людей, их молитвы и быт, — то есть получением необходимого автору преобразования звучания и функции значимой лексической единицы.

Однако 2-ая строка четверостишия «Бу дугъаны къабыл этгин сен манга» («Эту молитву мою удовлетвори») чтоб так ты сделал («пожалуйста»), рождая неантитетическую, но близкую к ней, сложную ассоциацию некой параллельно улавливаемой смысловой контрастности,

восстанавливает, выделяет психологически тонкий, важный душевный нюанс лирического героя — суть обращения, направляющий пафос произведения именно в нужное русло.

Ощущается явно, что не корысти ради возносится просьба Всевышнему, а — это святая молитва устремленного к божьей милости правоверного человека. Следующая в 3-ей и 4-ой строках дальнейшая конкретизация: Махраджын, теджутин джетдириб, Окъур кибиб бир джол ачхын Къураннга (Махраджын, теджутин чтоб правильно были исполнены (чтоб их было достаточно), Дабы мог читать (понимать, знать) (мне) дорогу (возможность)открой к Корану) — выявляет до конца сумму значений всех семантических составных (компонентов) строфы, главным из которых является пожелание найти путь верующего к глубокому, насколько возможно скрупулезному, доскональному изучению Корана.

Примечательно, что также удачно, выразительно в зикрире «Как я смогу найти (обрести) рай» («Къалай табарма джаннетни») автором применено междометие «Ах» и его звукоподражательная форма «тух», которое нигде раньше в карачаевской литературе и в обиходе не использовалось.

Къолларынгы къуушуруб
Ах-тух этиб джыларса
Бир Аллахдан башхадан
Бир себеб да табмазса.

Подстрочный перевод:

Руки полусжатые (пустые) ударяя друг о друга,
Ах-тух делая (издавая, высказывая), станешь плакать,
Кроме Аллаха ни от кого
Ни малейшей помощи (поддержки, выручки) не найдешь.

Это — неологизм Исмаила, передающий состояние лирического героя совершенно отчетливо, адекватно. «Ах-тух!» — как будто слышно, горестное самобичевание, издающего такие неожиданные звуки уже в другом, не этом мире, а в Судный день, когда будут рассматриваться, судиться его добродетели и пороки, то, куда ему отправляться — в рай или ад.

Такие нововведения, поэтические находки, конечно же,

обогащали выразительные возможности карачаевского языка.

Надо подчеркнуть, что в большинстве произведений духовной лирики Исмаила Семенова есть два образа — Всевышнего Аллаха — абсолютного Идеала и образ автора (лирического героя), со всеми его земными проблемами, заботящегося обо всем на свете и своей бессмертной душе.

В принципе, лирическим героем зикиров Джырчы, безусловно, является всеобъемлющее чувство человеческой веры во Всевышнего Аллаха как творца всего сущего, справедливого, разумного, вечного, но, главное, как олицетворения божественной сути, наивысшей самодостаточной ценности безотносительно к чему бы то ни было, выступающей и первопричиной жизни, и ее смыслом, и ее последней инстанцией... обладателем всего таинства мироздания.

В этом же творении — «Стихотворении Корана» — речь о священной, всеобъемлющей силе, божественном откровении, Коране, ниспосланном во спасение человечества, уже с 4-ой поэтической строки занимающем первый план, являющемся взору и сердцу читателя, слушателя данного зикира как величайшая реальность, содержащая в себе ключи от всех проблем и загадок бытия, уместившая, объясняющая волю, предназначения Создателя.

Заключительная строчка многих строф зикира, в разных вариациях передающая просьбу лирического героя: Тюзет, Аллах, сыйлы болган Къураннга (Научи, о Аллах, найти путь (направь) (к изучению) священного (обретшего достоинство, святость) Корана) имеет ввиду стремление к возможности непосредственного общения божьего создания — человека с дарованным ему же наставлением Господа, осуществляющем Всевышнюю волю светоча на нелегком земном пути людском.

Все используемые здесь средства художественной выразительности, каждая стихотворная строка и пафос произведения в целом обращены на отражение священной миссии Корана, выступающей как самостоятельная веротверждающая константа, критерий оценки и мера всего, и словно знамение и охранительная сень осмысленности и разумности миропорядка.

То есть, Коран, здесь, в композиции и художествен-

ной структуре зикира занимает божьим промыслом изначально предопределенное место, открывшее возможность душевным порывам лирического героя устремиться к нему, как к истинной, наиважнейшей на земле инстанции, приют как сырых и обездоленных, так и самых незаурядных человеческих желаний и свершений, представляющий единственный настоящий путь апелляции и возвращения всего сущего к своему небесному родовому нетленному источнику.

О высочайшем достоинстве Корана поэт пишет такими неповторимыми, удивительно красивыми, великими словами, что внутреннее ощущение их читающего, слышащего: никогда карачаевская стихотворная речь — строки, строфы, художественное целое и далее — родной язык — не звучали на таком исключительном, неземном уровне, недосыгаемо высокой, светлой ноте!

Сам же Исмаил это подчеркивает в заключительной строфе произведения, предельно раскрывая свое душевное состояние, констатируя:

Подстрочный перевод:

Я не напишу (мне не удастся) скоро (написать)

такое стихотворение

Коран (к нам пришел, пред нами) воплощен-ниспослан:

в Таурате, Забуре, Инджиле.

Сияние Корана делает светлым каждый день.

Ой, мой Коран, чудо, созданное Аллахом.

То есть, недвусмысленно понимается, — в «Къуранны назмусу» вложены, обнажены все внутренние и физические силы автора.

Как в других произведениях Джырчы, и в «Стихотворении Корана» опорой структурной стройности, целостности, художественно-эстетической состоятельности, являются «внутренняя эмоционально-смысловая соотнесенность» (Литературный энциклопедический словарь, ст. «Композиция», с. 164.) едва отличимых фабульных элементов, здесь — основополагающих мусульманских трактовок, достигнутая совершенная интонационно-ритмическая соразмерность строф, что А. А. Блок характеризовал как «единый музыкальный напор» [19. 164.], творческого вдохновения, когда будто само собой «создаются типичные образы-настроения, переживания» [20. 440.], дающие исподволь ощутить величественную ауру демонстрируемого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например, Къагъыйланы Назифа. Къарачайны халкъ джырчысы, газ. «Ленинни байрагъы», 1988, 7 октября, об одном из таких выдающихся его достижений-побед.

2. Толгуров Т. З. Информационно-эстетическое пространство поэзии Северного Кавказа, Нальчик, «Эльбрус», 1999.

3. Интересно в связи с этим обратить внимание и на оценку, даваемую исламом подобной деятельности. Вот как толкует соответствующую суру Корана турецкий профессор-богослов Хайдар Баш: **«Пророки и зикр, и музаккир.** «Пророк, постоянно увещевай их с помощью зикра. Ведь ты только музаккир (воспитывающий зикром)». (Сура Гашия, 88/21) «О, верующие, обладающие разумом, бойтесь Аллаха. Аллах низвел вам зикр — пророка, который читает вам знамения Аллаха разъясненными, чтобы вывести тех, которые уверовали и творили благие дела, из мрака к свету» (Сура Талак 65 /10 —11). — Хайдар Баш. Макалат. Ислам: секрет становления (Перевод с турецкого под редакцией Али Хайдара. — Ярославль, Диа — пресс, 2000, с. 44—45; 47.

4. Несмотря на то, что начиная с 1941 года более полувека не публиковалась ни одна строчка из произведений Джырчы Исмаила, очень многие из них, в том числе и зикиры, почти в чистом, без ошибок, виде, сохранились в народной памяти, передаваемые изустно из поколения в поколение и переписываемые от руки. Автору данной работы не раз пришлось быть свидетелем широкого использования в сегодняшней повседневной жизни карачаево-балкарцев таким образом пережившей время, все гонения и напасти зикиров Исмаила Семенова. В частности, в большом количестве они исполняются при отправлении религиозных обрядов.

5. Толгуров Т. З. Информационно-эстетическое пространство поэзии Северного Кавказа, Нальчик, «Эльбрус», 1999.

6. Гаджиева З. З. Аварская элегическая лирика. (Национальные истоки. Генезис и онтогенез жанров. Поэтика. (Автореф. дис. д-ра филол. наук. — Махачкала, 1999).

7. Цит. по Хаммудах Абдалати. Ислам какой он есть. Баку, 1999.

8. Банин А. А. К изучению русского народно-песенного стиха. Фольклор. Поэтика и традиция. Изд-во «Наука», М., 1982.

9. Там же.

10. Караева З. Художественный мир Исмаила Семенова. М., 1997.

11. Фольклор. Поэтика и традиция. М., «Наука», 1982.

12. Там же.

13. Там же.

14. Гусев В. Е. Проблемы фольклора в истории эстетики. Изд-во Академии наук СССР, Москва — Ленинград, 1963.

15. Цит. по В. Е. Гусеву. Литературный энциклопедический словарь. М., «Советская энциклопедия», 1987.
16. Биттирова Т. Ш. Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев. — Карачаевск: Изд-во КЧГПУ.
17. Кожин В. В. Литературный энциклопедический словарь. М., «Советская энциклопедия», 1987.
18. Из беседы с Азретом Семеновым.
19. Цит. по Литературному энциклопедическому словарю.
20. В. В. Кожин. Цит. по указ. Литературному энциклопедическому словарю. Ст. «Типическое».

СЛОВАРЬ

- Алим** — мусульманский учёный, человек, познавший сущность Ислама.
- Аллаху акбар** — формула, обозначающая «Аллах велик».
- Альхамдулилах** — формула, обозначающая «Слава Аллаху».
- Азаб** — наказание Аллаха.
- Анбийя** — мн. ч. от «наби» — пророки.
- Аят** — стих из какой-либо суры Корана.
- Бисмилла** — формула «Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного».
- Джаннат** — рай.
- Джаханнам** — ад.
- Дунья** — земная жизнь.
- Дуа** — просьба, мольба к Аллаху.
- Захид** — богобоязненный, благочестивый человек.
- Закят** — налог в пользу нуждающихся мусульман.
- Кааба** — главное святилище Ислама, в сторону которого обращаются во время молитвы.
- Ибадат** — любой вид служения и поклонения Аллаху (намаз, ураза, хадж, доброе дело и т. д.)
- Иман** — вера.
- Ля иляха илаллах** — формула, обозначающая «Нет божества, достойного поклонения, кроме Аллаха».
- Мунажат** — религиозная музыка.
- Махшар** — место, площадь, на которой люди будут собраны в Судный день.
- Намаз** — пятиразовая в день молитва.
- Нур** — свет от Аллаха
- Рахмат** — милость Аллаха
- Расул** — посланник Аллаха
- Саджда** — одно из положений тела во время совершения намаза (земной поклон).
- Силсила** — цепочка, линия пророков и друзей Аллаха.
- Сунна** — слова, пример, состояние пророка Мухаммада (с. а. в.).
- Тафсир** — толкование Корана.
- Фитна** — раздор, смута.
- Хадж** — паломничество в Мекку.
- Хадис** — повествование о словах, действиях и отношении пророка Мухаммада (с. а. в.) к чему-либо.
- Халал** — разрешённое действие.
- Харам** — строго запрещённое действие.
- Хафиз** — человек, знающий весь Коран наизусть.
- Шакур** — качество Аллаха «благодарный».
- Шариат** — закон Аллаха, путь к Аллаху.
- Шафаат** — заступничество в Судный День.
- Шукур** — благодарность Аллаху.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Первая книга

Великий певец Кавказа

Об авторе	3
Мир поэзии и мир реальный. Драматические перипетии жизни и творческой судьбы Исмаила Семёнова	8
Поэзия Исмаила Семенова — общечеловеческое достояние	13
Глава певцов	40
Два поэта, две судьбы, два мировидения	45
Примечания	60

Вторая книга

«Джумлай аламгъа айтдым сезюмю...»

Ал сёз	67
«Джанкылычдан нюр таякъла къакъгъанча...» Къарачайны за- кий халкъ поэти Семенланы Джырчы Исмаилны джашау джолу- ну эмда творчествосуну хакъындан.	69
«Шам Къарачайны кёгонден таза кёрмедим...»	71
«Тёрде да болдум, эшик артха да къысылдым...»	75
«Джырым тутмакъдады, атым батмакъдады, мискин болдум джю- рек инджилиб». Джырчы Исмаилны творчествосунда кёчгюнчю- люкню темасы	81
«Биз къайытдыкъ джуртубузгъа джара байлай...»	104
«Ой, ата джуртум, сыйлы Къарачай!».	115
«Кыйыным — халал, кесим а — харам, сёзюм — чачыла, джы- рым — урлана...»	118
«Мени кибик бу джерге энтда ненча сукъланыр?...»	126
«Мин, Акътамагъым, пайтоннга...»	156
Темагъа къайта. «Къарачайгъа къалды сёзлерим...»	158
Джырчыны огъур тизгинлери.	161

Третья книга

Жанр зикира в поэзии Исмаила Семенова

Введение	166
Глава I. Жанр зикира в духовной поэзии карачаевцев и балкарцев	185
Глава II. Зикиры как литературный жанр: генезис и поэтика.	215
Глава III. Истоки религиозного творчества Исмаила Семенова Зикиры в художественной системе Джырчы	240
Глава IV. Поэтика и жанровая специфика зикиров Исмаила Семенова	267
Примечания	291
Словарь	293

Казий-Магомед Назбиевич Тотуркулов

ВЕЛИКИЙ ПЕВЕЦ КАВКАЗА

*Публицистика
Литературная критика
Научные исследования*

На русском и карачаевском языках

Редактирование и корректура — *С. К.-М. Тотуркулова*
Художественный редактор *М. М. Кубанов*
Технический редактор *О. А. Ахметова*
Компьютерная верстка — *А. Я. Унежова*

Подписано в печать 04.10.06.

Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная.

Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,5. Усл. кр.-отт. 16,2.

Уч.-изд. л. 14,9. Тираж 2000.

Заказ № 1322

РГУ «Карачаево-Черкесское республиканское
книжное издательство».
369000, Черкесск, пл. Кирова, 23, Дом печати.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Издательско-полиграфическая фирма
«Ставрополье».

355035, г. Ставрополь, ул. Спартака, 8.

Т 63

Тотуркулов К.-М. Н. Великий певец Кавказа. РГУ «Кара-чаево-Черкесское республиканское книжное издательство». 2006—296 с.

ISBN 5—7289—0223—5

Данное издание составили литературно-критические и публицистические статьи, монографии автора, посвященные жизни и творчеству народного поэта Карачая Исмаила Семенова.

Это книга о величии души и неповторимом таланте легендарного Джырчы, его высоких художественно-эстетических достижениях, негибавшей воле и непреодолимом жизнелюбии, бескомпромиссном, беззаветном служении своему народу.

Исследователь акцентирует внимание на темах и жанрах, которые ещё не вводились в литературный и научный оборот.

Т $\frac{4702280100-6}{9П1(03)-2006}$ 6—2006

83.3 (2 Рос.-Кара)

*Нарит джуртчу айкый - Къарагай!
Хар кюню сейир чмцйтлай -
Огъур ишлеге таритханлай,
Насыбха джолла агханлай -*

*Джашасын бизни Къарагай
Аллах бергенга та алай:
Окмудан окму болгванлай,
Къуцанг ханардан толгванлай!*

ПОПУРКЪУЛЛАЧЫ
Къазий-Мухаммат

